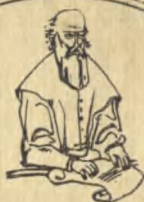

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

ГЕОРГЕ
АСАКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ

Любовь к человечеству благородна,
но не должна затенять любви к родине;
любовь к родине прекрасна,
но пусть она не сдерживает
любви к человечеству.

ЛИТЕРАТУРА АРТИСТИКЭ

ГЕОРГЕ
АСАКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ

ДНЕВНИК
МОЛДАВСКОГО
ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ИЗБРАННЫЕ
СТАТЬИ

Кишинев

ЛИТЕРАТУРА АРТИСТИКЭ
1988

Составление, предисловие и примечания Е. Левита
Перевод с молдавского А. Бродского

Для настоящего сборника отобраны разнородные произведения молдавского писателя, просветителя-гуманиста Г. Асаки (1788—1869), отразившие исторические связи молдавского, русского и украинского народов — новеллы «Елена Волошанка», «Княжна Руксанда», «Мазепа в Молдове». Включены также произведения, отражающие творчество Г. Асаки и как страстного публициста — статьи «Желание общего блага» и «Любовь к Отечеству».

Представлен писатель и как любознательный исследователь. В «Дневнике молдавского путешественника» он описывает глазами доброжелательного иностранца зримую им действительность России.

Художник И. Кырму

Рецензент Л. Куруч

А 4702390100—228 17—6—87 (Издательские новинки)
М756(10) — 88

ISBN 5—368—00041—3

Вступительная статья.
© Перевод на русский язык. Издательство
«Литература артистикэ», 1988.

ПИСАТЕЛЬ-ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ДРУГ РОССИИ

В сложном процессе становления новой молдавской культуры и литературы главенствующая роль принадлежит, несомненно, Георге Асаки. Разносторонне одаренный, настоящий эрудит, он сумел осознать насущные потребности своей эпохи — эпохи заката феодализма и утверждения буржуазных отношений, — когда все надо было в корне преобразовывать или заново строить. Не случайно почти нет такого культурного поприща, на котором бы не подвизался этот энергичный и неутомимый деятель. В самом деле, Г. Асаки был преподавателем, организатором школ и автором учебников, исследователем и основателем научного общества, типографом и издателем, редактором первой молдавской газеты и других периодических публикаций, учредителем государственных архивов, дипломатом, архитектором и живописцем, создателем национального театра, наконец, писателем, проявившим себя в поэзии, прозе, драматургии, публицистике. Удивительное для нас редкое многообразие, как и масштабность деятельности Г. Асаки, нельзя понять, разумеется, вне исторических условий, обстоятельств его жизни и личностных свойств.

Родился писатель 1 марта 1788 г. в местечке Герца на севере Молдавии (ныне Глыбокский район Черновицкой области УССР). Вскоре между Россией и Австрией с одной стороны и Турцией с другой вспыхнула война, ход которой заставил его родителей искать убежище от янычар в Буковине и в Галиции. Примерно к 1795 г. семья Асаки обосновывается во Львове. Здесь будущий энциклопедист обучается первоначально в иезуитском колледже, а потом в течение двух лет (1803—1804) посещает лекции на философском факультете местного университета.

После краткосрочного пребывания на родине в 1805 г., куда тем временем переехал его отец, Г. Асаки направляется в Вену для углубления своих познаний в математике, а оттуда перебирается в Рим, где изучает филологию и историю и совершенствуется в изящных искусствах. Вместе с тем во время четырехлетнего обучения в Италии (1808—1812) молодой молдаванин получил воз-

возможность близко познакомиться с духовной и политической жизнью этой страны, народ которой вел тогда тяжкую борьбу с наполеоновским деспотизмом.

Возвратившись в 1812 г в Молдавское княжество, Асаки находит родной край под пятой господаря-фанариота, встречает тунеядствующих бояр, презирающих язык и обычаи предков. Став в этих обстоятельствах выразителем интересов нарождавшейся буржуазии, Асаки прилагает огромные усилия для развития национальной культуры. Так, в 1814 г. он организует при Господарской академии класс инженеров-землеустроителей, где впервые читает на молдавском языке лекции по математике, геодезии и архитектуре. По его инициативе и с участием юных любителей в последний рождественский вечер 1816 года состоялся первый театральный спектакль на родном языке, за которым последовали другие представления. В 1820 году он занялся реорганизацией на научных основах семинарии в Соколе.

Восстание греческих гетеристов в 1821 г., начавшееся на территории Молдавии, и миссия дипломатического агента господаря Иоанна Стурзы в Вене прерывают на несколько лет культурную деятельность Асаки. Возобновляется она лишь в конце 1827 г. В качестве советника департамента просвещения он содействует открытию в 1828 г начальной школы и Васильевской гимназии. Через год начинает выходить под его редакцией первая молдавская газета. Тогда же, вследствие заключения Адрианопольского мира и установления протектората России над Дунайскими княжествами, он избирается секретарем молдавского комитета по выработке Органического Регламента, нового уложения страны. Асаки вошел и в состав делегации княжества, которая в 1830 г направилась в Петербург для согласования с русским правительством этого важного акта.

Особенно плодотворными оказались для ученого-писателя 30-е годы прошлого столетия, когда список его свершений значительно пополняется. К ним относятся создание государственных архивов и «Общества медиков и натуралистов», основание типолитографии и первой бумажной фабрики в княжестве, издание ряда листков, журналов и учебников. Тогда же он заботится об открытии уездных начальных школ, первого женского училища, Михайловской академии в Яссах, а также музыкально-драматической консерватории, воспитанники которой стали вскоре давать регулярные представления, заложив тем самым основы постоянного национального театра.

Вплоть до пятого десятилетия XIX в. Г. Асаки являлся центральной фигурой в культурной и общественной жизни Молдавии. В дальнейшем его роль стала утрачивать

свое значение, что объясняется не только появлением нового поколения более передовых и одаренных писателей, но и его неспособностью идти в ногу со временем. Умер он в глубокой старости 12 ноября 1869 г.

Георге Асаки был просветителем не только по характеру своей деятельности, но и по своим взглядам и убеждениям. XVIII столетие, в котором оформились прогрессивные концепции «общественного договора» и «естественного права», провозгласившего равенство всех людей, независимо от сословия и звания,— это «просвещенное столетие» оказало решительное влияние на его воззрения. Как и западные, и русские просветители он непоколебимо верил в силу и торжество человеческого разума, в великую преобразующую роль знаний, в решающее значение нравственного начала. По его убеждению, сила и жизнеспособность общества зависят непосредственно от морального состояния, от характера царящих в нем нравов. Весьма наглядно эта его концепция выразилась в статье «Желание общего блага».

«В чем коренится низость нашего времени? Откуда протекает река мерзостей, сотрясающих державу?» — спрашивает писатель и отвечает: «...Источник подлости, затопляющий мир, обретается в человеческом сердце. Имя ему корысть и эгоизм.

Эгоизм — яд, разрушающий священные узы дружбы и родства, когда каждый живет лишь для себя и никто для всех... Эгоизм побуждает нас стремиться к превознесению себя, а не Родины, льстецов возвышает, а честных и добрых низвергает в прах... Он отталкивает людей друг от друга, разъединяет народы, углубляет пропасть между различными классами общества, разжигая пламя взаимной ненависти».

Единственное спасение от этого морального распада заключается, на взгляд автора, в искоренении закоренелых пороков и воспитании у всех членов общества желания общего блага. Согласно его формулировке, «желание общего блага есть непрерывная воля содействовать, сколько позволяют силы и обстоятельства, пользе, благосостоянию и достоинству своей Родины, города, семьи». А напоследок автор пытается обрисовать картину всеобщего счастья, которое воцарится после торжества этой добродетели: «Очевидно,— пишет он,— что там, где все граждане воодушевлены идеей общего блага, ни один человек не может быть несчастен, ибо добро, которое он творит для остальных, проливается на него в тысячекратном размере: как он работает для всех, так все трудятся для него».

Подобно другим просветителям, Асаки не понимал социальной природы интересов, господствовавших в клас-

совом обществе и являвшихся выражением непримиримого классового антагонизма. Предлагаемое им средство исцеления общества явно утопично. Тем не менее желание общего блага представляет собой положительный аспект мировоззрения писателя, составляя главную побудительную причину его многогранной и неутомимой деятельности. Особенно важно подчеркнуть, что его идеи, направленные на усовершенствование духовного облика человека, на его нравственное перевоспитание, продолжают звучать современно, оставаясь актуальными и для нашей эпохи.

Существует тесная связь между «Желанием общего блага» и другой статьей писателя — «Любовь к Отечеству». Последнюю он определяет как благородную страсть, как чувство, объединяющее людей и побуждающее их к добродетели. Асаки категорически не приемлет космополитизм, который, по его словам, стремится внушить, что «любовь к отечеству есть не что иное как коллективный эгоизм некоторого числа людей, населяющих одну страну, который будто бы дает им право ненавидеть остальное человечество». Истинный патриотизм, в понимании автора, чужд национальной исключительности, неприязни к другим народам. «Все народы,— утверждает он,— суть члены большой семьи, которая ввиду своей многочисленности не может руководствоваться одним правительством... Рассматривая себя с такой семейственной точки зрения, мы проникаемся благожелательностью к человечеству в целом».

Как последовательный гуманист, Г. Асаки был лишен расовых и националистических предрассудков. В своей газете он как-то подчеркнул, что «природа, сотворив разные климаты, создала и разные расы и народы, и в этой истине зиждется красота обширной человеческой семьи». Отсюда проистекает живой интерес молдавского писателя к вопросу о соотношении патриотизма и гуманизма, любви к родине и ко всему человечеству. В статье «Любовь к Отечеству» он счел необходимым предупредить читателей о том, что ни одно из этих двух благородных чувств не должно утверждаться за счет другого. «Любовь к человечеству благородна,— пишет он, но не должна затенять любви к родине; любовь к родине прекрасна, но пусть она не стесняет любви к человечеству». И в заключение настаивает вновь: «Надо только остерегаться, чтобы патриотизм... не выродился в тщеславную гордыню по поводу того, что человек явился на свет в том или другом месте. Тем более это не может быть причиной ненависти к иным городам, провинциям или народам. Патриотизм, в коем вместо терпимости торжествуют за-

носчивость, зависть и злоба,— это уже не добродетель, а порок».

Характеристика общественно-политических взглядов Георге Асаки будет неполной, если не подчеркнуть его дружественное отношение к России, его особый интерес к прошлому и настоящему русского народа. Эти взгляды не были столь уж спонтанными: они возникли в результате серьезных размышлений над уроками истории. Нагляднее всего говорит об этом его напутное слово к переведенной им же «Истории Российской империи» Ивана Кайданова, два тома которой появились на молдавском языке в 1832—1833 годах.

С точки зрения писателя-просветителя, исторический опыт великого соседнего народа имеет для его соотечественников двоякое значение. Во-первых, как пример нации, которая благодаря реформам Петра Великого совершила глубокие преобразования и добилась огромных достижений. «Новая история России,— пишет он,— более других привлекает наше особое внимание. Нация, которая по географическому и политическому состоянию еще недавно казалась обреченной на вечное прозябание в бескрайних степях и дебрях, внезапно пробужденная мощным гением, отряхнула вретисще варварства и лелеет ныне на своем лоне ремесла и науки, благодаря чему стремительно движется по пути цивилизации и, заняв среди европейских сил одно из первых мест, укротив даже суровый свой климат, становится хранилищем культуры и храмом муз».

Кроме этого общего значения, по мнению Асаки, история русского народа представляет для молдаван и частный интерес, так как с древних времен их предки сожительствовали со славянскими племенами, а в новое время, т. е. с XVIII столетия, их территория стала ареной ожесточенной борьбы между русской и турецкой империями. Вследствие этого, «желая проследить за событиями нашей истории,— констатирует молдавский писатель,— мы зачастую должны говорить и о деяниях россиян, которые совершили радикальную реформу в нашем политическом бытии и в национальных обычаях».

В многообразном литературном наследии Г. Асаки значатся и рассказы о прошлом Молдовы, названные им историческими новеллами, хотя они и не всегда подходят под это жанровое определение. Основной смысл данных повествований состоит в том, что они стремятся воскресить ключевые моменты истории страны, изобразить ее видных исторических деятелей. Так, в «Драгоше-воеводе» отразились легенды, относящиеся к основанию княжества. «Александр Добрый» повествует о достопамятных деяниях мудрого господаря. Братоубийственные войны

между его сыновьями и обстоятельства пребывания в Молдове беглого литовского князя составляют содержание новеллы «Свидригайло». На фоне тревожной политической обстановки в черноморском регионе новелла «Валя-Албэ» прославляет ратные подвиги Стефана Великого в кровопролитных схватках с турками. Княжение отважных сыновей знаменитого господаря обстоятельно воссоздается в «Богдане-воеводе» и в «Петру Рареше». Вполне естественным для писателя, живо интересовавшегося Россией, было его обращение в новеллах «Елена Волошанка», «Княжна Руксанда», «Мазепа в Молдове» к освещению молдавско-русско-украинских многовековых связей.

Однако, прежде чем перейти к их конкретному рассмотрению, необходимо заметить, что исторические новеллы Г. Асаки несут явный отпечаток господствовавшей тогда в литературе романтической школы. Главное внимание ее последователи обращали на события, содержащие большой эмоциональный заряд, на драматические столкновения, на сильные характеры, и меньше всего — на обыденную действительность прошедших времен, на реальную жизнь народных масс. Правда, романтические авторы пытались передать так называемый исторический колорит, признаки времени и места, но им оставались неведомыми закономерности исторического развития. Кроме того, при тогдашнем уровне исторических знаний они нередко допускали фактические неточности или прибегали к малообоснованным предложениям.

Относительно «Елены Волошанки» необходимо добавить еще следующее. Как было верно определено исследователями, эта новелла молдавского писателя является «главой русской истории» не только в переносном, но, пожалуй, и в прямом смысле слова. Дело в том, что при создании этого своего произведения Асаки не только вдохновился, но и воспроизвел целые пассажи из «Истории государства Российского» Н. Карамзина*, которого хорошо знал и высоко ценил, как вытекает и из его «Напутного слова к «Истории Российской империи» Кайданова. Вместе с тем на «Елене Волошанке» отразился и способ понимания и изложения истории известным русским писателем, который был склонен, как известно, к беллетризации исторического материала в ущерб его достоверности, к образному, живому повествованию.

Новелла Асаки рассказывает о замужестве Елены, дочери Стефана Великого (ее мужем стал сын Ивана III Васильевича — Иван Молодой), о дворцовой борьбе между нею и второй женой московского правителя Софьей Па-

* Их, естественно, использовал и переводчик новеллы на русский язык, чтобы избежать двойного перевода

леолог за наследование престола их сыновьями, о печальном конце молдавской княжны и ее отпрыска. Все же на первый план произведения выступают политические связи Молдовы и России конца XV в., а его главными действующими лицами являются монархи обоих государств. Сближение Стефана Великого и Ивана III, скрепленное брачным союзом их детей, представлено автором как остро необходимое. Мы видим молдавского господаря, обеспокоенного происками польского короля Яна Казимира, неустойчивостью крымского хана Менгли Гирея, не говоря уже об угрожающем натиске Оттоманской Порты. «Из всего этого следовало,— заключает писатель,— что в столь сложной обстановке лишь от великого князя можно было ждать действительной пользы Молдове».

Последовавшие события, решение Ивана III лишить своего внука Дмитрия, сына Елены, права на престол, подвергают веру Стефана тяжелому испытанию. Однако этот разлад, как подчеркивает автор, «не имел важных политических последствий». Польский король «тщетно подговаривал Стефана провозгласить себя союзником Польши и объявить войну Москве. Стефан до самой смерти не давал на это согласия». Что же касается самого Асаки, то он оправдывает решение великого князя наивысшими интересами государства. «Следует иметь в виду,— пишет он,— что Иван, сплотивший Русь под своим единодержавием, не желал ввергнуть ее после своей смерти в пучину гражданской войны, которая непременно разразилась бы между его сыном и внуком».

Действие новелл «Княжна Руксанда» и «Мазепа в Молдове» происходит уже в XVII столетии, разворачиваясь на фоне освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого против польского гнета.

Первая из них рассказывает историю романтической любви Руксанды, прекрасной дочери молдавского господаря Василе Лупу, и храброго Тимоша, сына Богдана Хмельницкого, брак которых имел также политическую подоплеку. В этой связи надо заметить, что крупное молдавское боярство той эпохи, находившееся в тесных связях, а то и родственных узах с польскими магнатами, резко отрицательно относилось к восставшим казакам, к их «безродному» гетману и особенно к «необузданному» сыну последнего, не щадившему их аристократического высокомерия. Эта неприязнь отразилась и в боярской историографии эпохи, главным образом в летописи Мирона Костина, и удерживалась долгое время вплоть до XIX века. Кое-какие отголоски этого недоброжелательства еще слышатся и у Асаки, который при написании своего сочинения пользовался не только русскими и украинскими

источниками, но и молдавскими хрониками и сочинениями польских историков. Однако, несмотря на это, можно с полным основанием утверждать, что своей новеллой он произвел настоящий переворот в традиционном освещении событий и их главных действующих лиц.

Это сказалось, в частности, на художественной структуре рассказа, в котором реминисценции из авантурных рыцарских романов переплетаются с элементами народных сказок. Подобно сказочным царским дочерям, Руксанду, слава о красоте которой «дошла до самых отдаленных стран», «сватали сразу пять королей и герцогов». Тимош предстает не только как идеальный рыцарь — сильный, неустрашимый, благородный, — но и как сказочный герой, который, услышав «о необыкновенной красоте Руксанды», решает «тайком пробраться в Молдову, дабы самолично удостовериться в правдивости молвы, внушившей ему такую сильную страсть». Наконец, как в большинстве народных сказок, новелла заканчивается свадьбой, которая «длилась три дня с поистине царским блеском».

Любитель широких и впечатляющих аналогий, Асаки склоняется к тому, чтобы объяснить жестокие битвы между казаками, поляками и молдаванами соперничеством из-за красавицы, как это произошло однажды в глубокой древности. «Молдова... — замечает он, — подобно древней Трое, явила последний, пожалуй, пример ожесточенной войны, возникшей из-за благородной девицы, прекрасной, как Елена Лакедемонянка, но, без сомнения, много более целомудренной». Отсюда не надо все же заключать, что молдавский писатель не отдавал себе отчета в подлинных причинах разыгравшейся войны. Он упоминает о тяжелой, унижающей зависимости казаков от Польши. Не обходит он молчанием и тот вопиющий случай, из-за которого, как из искры, вспыхнули восстание подневольных казаков и ярость их гетмана: «Надругательство некоего шляхтича над женой и маленьким сыном Богдана превратило верного слугу Речи Посполитой в ее непримиримого врага».

С «Княжной Руксандой» явно перекликается (а местами даже повторяется) новелла «Мазепа в Молдове». Точкой отправления для Г. Асаки послужила известная байроновская поэма о Мазепе, которую он и воспроизводит свободно в первой части своего повествования. Эту легендарную историю он дополняет собственным рассказом об участии Мазепы в походе, предпринятом Василе Лупу против мунтянского воеводы Матея Басараба, о рыцарском поступке казацкого вожака, совершенном ради спасения прекрасной молдаванки, о предательстве бывалого воина, перешедшего на сторону шведского ко-

роля Карла XII, заклятого врага Петра I, о встрече престарелого гетмана со своей дочерью и о его смерти на молдавской земле. В этой части бесспорные исторические факты переплетаются с многими домыслами и преданиями, которые большей частью являются плодом авторского воображения.

В начале этого предисловия уже было сказано, что в 1830 г. молдавский писатель был членом официальной делегации, которая должна была представить на утверждение русского правительства проект Органического Регламента. Г Асаки, однако, отправился в Петербург не столько как дипломат, поглощенный исключительно своей миссией, сколько как любознательный исследователь, стремящийся досконально узнать страну, в которой ему пришлось побывать. Соображение, которым он при этом руководствовался, заключалось в том, что молдаване, если они не хотят «замешкаться в национальном развитии», должны обязательно изучить «у наших соседей полезные заведения и порядки, ремесла и хозяйственные орудия для скорейшего введения их у себя на родине». Результатом именно такого отношения явился его «Дневник молдавского путешественника», в котором он описывает глазами доброжелательного иностранца зримую им действительность России и совершает при необходимости экскурсии в ее прошлое.

Не забывая ни на минуту о поставленной перед собой задаче, молдавский писатель на протяжении всего долгого пути через Каменец-Подольский, Житомир, Могилев, Витебск, Великие Луки, а потом и во время своего многомесячного пребывания в Петербурге внимательно изучает и описывает занятия местного населения, деятельность экономических центров, промышленные предприятия, торговлю, культурные учреждения, особенно школьные заведения, памятники архитектуры и искусства. Это не могло не сказаться на стиле его «Дневника», тем не менее в путевых записках Асаки встречается немало вдохновенных, выразительных пассажей.

Достойны быть отмеченными пейзажные зарисовки. Петербургская губерния открывает взору путешественника приятное зрелище дремучих лесов, «среди коих мерцают, подобно светлым полянам, многочисленные озера» Они к тому же «оживляются прекрасными храмами и дворцами, чьи блестящие башни и раскрашенные фасады производят отрадное впечатление». Блуждая по живописным аллеям Царскосельского парка, «путешественник, побывавший в странах европейского Юга... представляет себя перенесенным, как по волшебству, в те блаженные долины, и только хмурая ель, береза и рябина пробуждают его грустным шелестом от сладкого сна...»

Автор способен искусно изобразить пространную картину, как, например, вид Петергофа в праздничный день, или умело обрисовать памятники и архитектурные сооружения. Убедительным доказательством тому может служить образное и полное смысла описание величественного скульптурного творения Фальконе: «Петр представлен верхом, как бы на гребне обрывистой голой скалы, где его бесстрашный скакун попирает извивающуюся змею. Фигура императора со вскинутой правой рукой обращена к Неве, по коей несутся ныне бесчисленные корабли; отсюда видны Академия наук, крепость и Адмиралтейство; кажется, уста монарха шепчут: «Я возвысил науки, армию, флот и торговлю моего Отечества». Изображения скалы и змеи дают понять, что сему северному Гераклу понадобилась вся его доблесть и упорство, дабы преодолеть препоны, сокрушить предрассудки и зависть, тщившиеся обуздать его устремления...»

Как и рассмотренные раньше исторические новеллы, дневник свидетельствует о несомненных повествовательных способностях писателя. Наиболее ярко проявляются они в эпизодах из жизни Петра I, которые вкрапливаются в основной текст путевых заметок в виде самостоятельных микроновелл. Так, как он здесь представлен, царь-реформатор выступает не абстрактной исторической личностью, а живым героем беллетрического сочинения. Во многих посвященных ему отрывках выявляются его редкие врожденные качества и характерные черты: мудрость, находчивость, прозорливость, любознательность, трудолюбие, непреклонная воля, мужество, простота, чувство юмора. Как бы подытоживая все сказанное им о Петре I, автор восклицает: «Счастлива нация, которая в эпоху преобразований управляется государем, воодушевленным такими чувствами, посвящающим каждый миг своей жизни ее благу, делающим для нее все, а для себя ничего!»

В этих словах нашли свое выражение как просветительские воззрения Георге Асаки, уповавшего на благодеяния мудрого просвещенного монарха, так и его дружественные чувства к великой соседней стране.

Разнородные произведения молдавского писателя, отразившие исторические связи молдавского, русского и украинского народов, и были отобраны для настоящего сборника, который адресован широкому читателю.

Е Л е в и т

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Должен откровенно признаться, что, задумав несколько лет назад вместе с Ефимом Давыдовичем Левитом подготовить к печати небольшую русскую книгу Георге Асаки, посвященную 200-летию юбилею этого замечательного молдавского просветителя, я не слишком отчетливо представлял себе объем и трудоемкость предстоящей работы. Действительность, однако, быстро прояснила картину.

Обговаривая состав сборника, мы поставили перед собой задачу хотя бы отчасти отразить в нем творчество Асаки как исторического писателя и публициста и прежде всего перевести те произведения, которые свидетельствуют о глубоком интересе их автора к российской старине, к уходящим в далекие века связям между Молдовой и Русью. Правомерность такого принципа составления стала особенно явной сегодня, в пору неслыханной популярности исторической прозы и обостренного внимания к теме межнациональных отношений.

Читатель этой книги, регулярно читавший газеты последних десятилетий, но достаточно поверхностно изучавший в школе историю нашего отечества, с некоторой, вероятно, досадой узнает, что дружественное в целом сосуществование народов и государств восточноевропейского географического региона (а именно Молдавского и Валашского княжеств, Московской Руси, Польши, Украины и Венгрии) не всегда было столь безоблачным, как это изображается в учебниках, и частенько омрачалось столкновениями материальных, династических, религиозных и иных интересов различных сторон. Но все это было, пролитую кровь не спрячешь, да ее и прятать не следует, ибо, как показывает опыт, только реальное знание доподлинной истории, без умолчаний и приукрашивания, может служить основой действительной дружбы между странами, действительной близости между «языками», действительного, а не только декларируемого единства их стремлений и целей.

Впрочем — и в предисловии об этом сказано с исчер-

пывающей ясностью — было бы наивным дилетантизмом изучать историю «по Асаки», поскольку в предлагаемой книге читатель имеет дело не со строгим научным анализом, а с любопытнейшим сплавом художественной, прежде всего, прозы и исторически устаревших и далеко не объективных представлений начала прошлого века. Асаки, причудливо сочетавший в своих сочинениях основательность иллюминатства с пылкостью романтизма, порой выглядит слишком простодушным и прямолинейным историографом, особенно когда, опираясь скорее на поэму Байрона, чем даже на пушкинскую «Полтаву», не говоря уж о фундаментальных исследованиях, приписывает, например, изменническим интригам Мазепы возвышенно-рыцарские побуждения или рисует аляповатыми на наш вкус красками светские достоинства Корибута (жестокое польского магната Иеремии Вишневецкого) и Тимоша Хмельницкого, добившегося-таки любви прекрасной Руксанды, дочери молдавского господаря Василе Лупу. При этом автор допускает немало анахронизмов, приводит, случается, заведомо неверные даты, сбивается со счета, перечисляя господаревых дочерей, и вообще не слишком заботится о правдоподобном обосновании описываемых им событий.

И тем не менее исторические новеллы Асаки — увлекательнейшее чтение. Его еще не вполне сформировавшийся литературный язык проникнут старинной важностью и благородством. Асаки неожиданно подробен и неожиданно краток. Его рейды в глубины истории, не имеющие непосредственной связи с сюжетом повествования, неизменно любопытны и поучительны: писатель, вероятно, постоянно помнил о своих просветительских целях и пользовался любым удобным, по его мнению, случаем, чтобы походя дать читателю полезные знания, воскресить в его памяти героические подвиги предков, вселить в него стойкость и мужество перед лицом быстротекущей жизни.

Уверенный в конечной победе разума над страстями и пороками, Асаки всюду, в том числе и в путевых записках, стремится привить своим мысленным собеседникам терпимость и уважение к другим нациям, понимание единства и взаимосвязанности человеческих поступков, способность учиться как на достижениях соседних народов, так и на их ошибках. Даже зловещей памяти эпоха Николая I с ее лживой тирадой «православия, самодержавия и народности» обретает в описании человеколюбца Асаки гуманные черты, и он чуть ли не со слезами на глазах пишет о слепых детях, хором возносящих хвалу деспоту-благодетелю. Не забывает молдавский просветитель одобрительно отозваться о школах, «в которых юно-

шество приучается, между прочим, и к воинской дисциплине, для чего введено ношение мундиров».

Сегодня, спустя полтора века, нам, конечно, вольно грустно посмеиваться над этими пассажирами скромно-доброжелательного наблюдателя, так и не углядевшего в николаевской империи «страну рабов, страну господ». Язвительный маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 году, оказался в этом смысле более пронизательным. Но зато разве найдешь у аристократа-космополита Кюстина такие актуальные, такие современно звучащие строки, какие поражают нас в маленькой заметке Асаки «Любовь к Отечеству»!

А каким глубоким смыслом наполняются для нас слова его речи на открытии Михайловской академии, призывающие слушателей к честной и бескорыстной работе на благо родины: «Содействуй радостно и не жалея сил. Не спрашивай: кто начнет? кто возьмет на себя ответственность? Спроси только: что нужно делать?»

Тем-то, видимо, и привлекателен для нас, жителей XX века, благородный молдавский просветитель-гуманист, что уровень его обширных знаний (или незнаний) лишь укреплял в нем твердые нравственные принципы, развивал в его душе любовь к человеку и его духовной красоте, побуждал приобщать соотечественников к добру и разуму.

Сказанного, кажется, довольно, чтобы прояснить причины нашего обращения к творчеству Георге Асаки и желания познакомиться с ним русскоязычного читателя. Остается только сказать несколько слов о том, как решалась эта задача в практическом плане.

Работа над переводом осложнялась целым рядом обстоятельств, и особенно тем, что книга переводилась именно на русский язык, а не, скажем, на французский или немецкий... Как уже говорилось, она почти вся касается истории не только Молдавии, но и России. Асаки-историограф широко пользовался русскими источниками, и в первую очередь карамзинской «Историей государства Российского», заимствуя из нее как отдельные фразы, так и целые абзацы. Наиболее наглядный пример такого заимствования — характеристика Стефана Великого в новелле «Елена Волошанка». Нелепо было бы мне как переводчику состязаться с Карамзиным и «перепирать» его обратно с молдавского «на язык родных осин». Поэтому в отдельных случаях я вынужден был прибегать прямо к тексту славного русского историка. Сложнее было с гораздо более многочисленными косвенными, непрямыми заимствованиями и переделками, поставившими передо мной нелегкую проблему стилизации, ими-

тации манеры Карамзина при соблюдении профессиональной верности подлиннику Асаки. Поначалу эта задача казалась почти невыполнимой, и смелость мне придало лишь блестящее зощенковское подражание пушкинской прозе, известное под названием «Шестая повесть Белкина».

Помимо того, приходилось, например, реставрировать на русский лад некоторые имена собственные. Так, асакиевский венецианец Джiovанни Фрианциано, служивший при дворе Ивана III, снова стал у меня, согласно русской исторической традиции, «венеицем Иваном Фрязиным», татарский хан Ахмед, с гибелью которого повершилось монгольское владычество над Русью, — Ахматом, венгерский король Матей Корвин — Матвеем, а литовец Ягеллон — Ягайлом. Примеры такого рода можно было бы продолжить.

На свой страх и риск, ради легкости и занимательности чтения, я изъясил из текста три-четыре тяжеловесных разъяснения, несомненно необходимых для молдавского читателя прошлого века, мало или совсем незнакомого с историей России, но вряд ли прибавляющих что-то к нашим нынешним представлениям о ней. Были исправлены (без комментирования в сносках и примечаниях) явные описки: так, например, Асаки относит вторжение Карла XII в Россию к 1700 году (в действительности 1708)

И, наконец, главная сложность. Сегодня, когда широкая читательская аудитория в нашей стране получила, наконец, возможность познакомиться с блистательными трудами Карамзина, Соловьева и Ключевского, асакиевский «взгляд со стороны» будет, конечно, воспринят русскоязычными любителями истории особенно пристрастно. Поэтому мне, выносящему книгу замечательного молдавского писателя на их суд, чрезвычайно важно было «не подвести» его, сохранить в переводе достоинство и благородство его стилистики, передать архаическую прелесть его языка. Насколько это удалось, судить, понятно, не мне; скажу только, что пришлось изрядно покопаться в сочинениях не только Татищева и Соловьева, но и Радищева и Пушкина («История Пугачева» и «История Петра»), дабы набраться тогдашнего духа и «вжиться в образ».

Через сходные, хотя и несколько иные трудности, прошел Е. Д. Левит, составитель и комментатор книги, многоопытный исследователь творчества Асаки. Автор снабдил свои новеллы и «Дневник молдавского путешественника» целым рядом примечаний, часть которых сегодня представляется устаревшей или попросту излиш-

ней для современного русского читателя: вряд ли он нуждается в разъяснениях относительно того, кто такие были крестоносцы или что такое упомянутая еще в «Борисе Годунове» шапка Мономаха. Исходя из этих очевидных соображений, а также поскольку речь шла не о строго академическом, а о популярном массовом издании, было решено эти «избыточные» авторские примечания, утяжеляющие чтение, исключить из книги.

Сегодня наша работа завершена, и мы хотим искренне поблагодарить как рецензента рукописи — доктора филологических наук Л. Куруча, так и всех работников издательства, содействовавших выходу настоящего сборника в год, объявленный ЮНЕСКО годом Георге Асаки.

**ЕЛЕНА
ВОЛОШАНКА¹**

Сия страна², окруженная ныне покровительствующими державами и мирными соседями, желающими ей покоя и благоденствия, была во время о́но игралищем свирепых воинственных бурь и политических промышлений. В силу ее географического положения между Черным морем и Карпатскими горами Молдова образует своего рода узкий проход, или ворота, чрез кои, начиная еще с ветхого Дария Перса, непрестанно проходили и возвращались народы полночи и полудня, в самой природе которых лежит, мнится, вечное, по образцу магнита, притяжение и отталкивание. Ее долины, лишенные крупных строений и иных памятников той эпохи, свидетельствуют, что молдо-влахи³ населяли низменность лишь временами, а постоянною твердынею и убежищем их были горы, вплоть до 1350⁴ года, когда, рассеяв полчища варваров и тем оградив родину от враждебных набегов, Богдан I, родоначальник династии Драгошей, основал Молдавское княжество. Однако едва покончил он с внешними угрозами, как не замедлили разразиться внутренние усобицы, а соперничество Венгрии и Польши, оспаривавших право на владение сим перекрестьем путей народных, облегчало торжество османов, которые, будучи подвигнуты религиозным фанатизмом и врожденной отвагой, выплеснули свои неудержимые фаланги на Европу, Азию и Африку, так что ни Босфор, ни быстротечный Дунай, ни стой-

кость румын не смогли воспрепятствовать триумфальному шествию Полумесяца. Удивления достойный героизм молдаван под водительством Стефана Великого отсрочил покорение страны, но еще ранее сей муж, столь же доблестный, сколь и проникательный, задумал посредством сильного династического союза обезопасить судьбу родного края после своей кончины.

В таких-то тяжких обстоятельствах Стефан естественно обратил взоры к северным туманам, застилавшим горизонт, откуда, он чаял, надлежало взойти полярной звезде, которая позднее, не в долгом времени, достигла своего зенита. Отделенная от Молдовы Польшей и Малороссией в северо-восточной части Европы простиралась бескрайняя страна, известная древним грекам и римлянам под именем Гипербореи. Недавно еще терзаемая татарскими ордами, а к тому времени сбросившая их иго, земля эта преобразовалась в прочное государство.

Современником Стефана Великого был Иван III Васильевич, рачительный и энергичный властитель, от которого пошли порядок, образованность и сила России. Этот государь, взошедший в 22 года на московский престол, 12-ти лет от роду обвенчался с Марией, дочерью великого князя тверского, которая родила ему сына, прозванного Иваном Молодым; последний, как увидим, оказал роковое влияние на судьбу семьи Стефана. Благодаря предприимчивому духу, тонкой политике и военной удаче Иван III собрал розные русские земли в единое Московское княжество и правил им с таким блеском и счастьем, что Европа невольно начала поглядывать на страну, о существовании коей едва ли прежде задумывалась. Связи с иноземцами споспешествовали

укреплению и процветанию Москвы, меж тем как Византийская империя приближала свою агонию нравственной распущенностью, небрежением к воинской дисциплине и поголовным помешательством на богословии.

У Константина Палеолога, последнего царьградского императора было два брата, Дмитрий и Фома, которые под титлом деспотов правили в Морее⁵; пока Византии угрожало стотысячное войско Магомета II, они, сии братья, вступили в распрю между собой, приближая своими раздорами крушение Восточной империи. Более того, желая заслужить расположение султана, покорившего в 1454 году⁶ Константинополь, Дмитрий отослал в его сераль свою дочь; Фома, однако, вместе с женой, детьми и многими соотечественниками бежал в Италию, где папа Пий II, ради его царственного достоинства и в благодарность за то, что Фома привез ему в дар мощи св. апостола Андрея, оказал сиятельным беглецам самое благосклонное гостеприимство. Фома вскоре умер, оставив после себя двух сыновей, нрав которых не заслуживал благодеяний нового папы Павла II, зато сестра их София, девица невиданной красоты и редкостных дарований, вызывала всеобщее восхищение. Папа стал искать ей жениха, равного по родовитости и достоинствам, и, стремясь объединить суверенов Европы для отпора Магомету II, который грозил уже Италии и самому Риму, утверждая, что накормит своего коня в соборе св. Петра, вознамерился использовать брак Софии для политических целей. На удивление всему Западу он, по совету кардинала Виссариона⁷, одного из греческих митрополитов, обратил взоры к Ивану Васильевичу. Виссарион давно знал Москву, единовенную Греции, и Риму была она ведома своими столк-

новениями с Тевтонским орденом, а также по Флорентийскому собору⁸, где блистал на теологических диспутах московский митрополит Исидор. Великий понтифик полагал, что чрез Софию, возвращенную на идеях Флорентийского соединения, ему удастся склонить Ивана к подчинению православия папской власти. Надеялся он и на то, что, породнившись с императорской кровью Палеологов, русский властелин насытит свое честолюбие и воспылет жаром к избавлению Греции от ига Магомета II. Побуждаемый сими соображениями, кардинал Виссарион отправил к великому князю в 1469 году грека Юрия с письмом, в коем предлагал Ивану, два года как овдовевшему, руку греческой царевны, дочери деспота Морей, которая будто бы отказала королю французскому и герцогу медиоланскому по причине их иноверия. Великий князь, посоветавшись с духовенством, с матерью и боярами, принял предложение радостно как обетование приумножить величие православия и своего трона. Желая увериться в красоте Софии, Иван послал в Рим своего монетного мастера венеица Ивана Фрязина, который, исполнив поручение, вернулся осыпанный ласками папы и кардинала Виссариона и привез портрет царевны и охранные грамоты для проезда московских послов с Софией по всем католическим землям. Иван, вдохновленный политическими видами и прельщенный красой невесты, опять послал Фрязина в Рим с пышной свитой представлять лицо жениха при обручении, а затем доставить Софию в Москву. Папа Сикст IV, избранный вслед за Павлом II, торжественно объявил пред конклавом⁹ цель посольства и намерение великого князя взять в жены греческую царевну. Хотя некоторых кардиналов отвра-

щало православие Ивана, папа напомнил им, что русские, участвовавшие во Флорентийском соборе, приняли католического кардинала и что с этой стороны препятствий назначенному браку быть не может. На аудиенции 25 мая, московиты вручили папе грамоту, начертанную славянскими литерами и запечатанную золотым ярлыком, и поднесли 60 соболей. В грамоте говорилось: «Иван, великий всея Руси князь, шлет привет Сиксту, первосвященнику римскому, и просит оказать доверие его послам». Папа в ответном письме превознес до небес Иванову верность Флорентийскому соединению и отказ принять патриарха из рук османов. Женитьба на греческой царевне, писал он далее, выросшей в столице апостольской веры свидетельствует о прилежании великого князя главе вселенской церкви. 1 июня в соборе св. Петра в присутствии послов Неаполя, Флоренции, Милана, Венеции и Феррары состоялась церемония обручения Софии и московского князя, представленного Иваном Фрязиным. 12 июня кардиналы завершили переговоры с русскими послами, уверявшими папу в горячем рвении их государя к объединению церквей. Меморандумы об этих переговорах поныне хранятся в анналах Ватикана, но трудно сказать с уверенностью, хорошо ли поняли католики своих собеседников и не злоупотребили ли последние для достижения намеченной цели доверием своего монарха. Так или иначе, папа дал Софии большое приданое и отправил ее в Москву в сопровождении кардинала Антония и некоторых знатных римлян. Царевну окружал блестящий двор и множество греков, чаявших обрести в России вторую родину. Через Любек, морем, она достигла Ревеля, коим владели тогда ливонские рыцари; вскоре прибыл в Ревель посол с поздравле-

ниями от Ивана и повелением сопровождать невесту на Русь, где все города, которыми предстояло ей следовать, особенно Псков и Новгород, спешили превзойти друг друга в выражениях ликования. Во время всего путешествия, ради вящей славы престола римского, пред Софией шел папский легат, кардинал Антоний, а впереди везли на санях латинский серебряный крест. Непривычные к такому зрелищу, русские начали роптать, а митрополит московский Филипп сказал Ивану: «Ежели допустишь в Москву, твердыню православия, крест латинской веры, то он в одни ворота, а я, отец твой, другими воротами вон». Опасаясь народного возмущения, легат вынужден был спрятать крест в санях. 12 ноября въехала София в Москву и отправилась прямо в церковь; приняв благословение митрополита, она встретилась затем с матерью великого князя и там впервые увидела воочию будущего мужа. Венчание состоялось с большой пышностью в присутствии легата, великих бояр и приезжих греков и римлян. На другой день Антоний, ободренный милостями князя, правил посольство и поднес ему дары от папы. Он немедленно обратился к делу о соединении церквей и припомнил обещания, которые якобы даны были Иваном при сватовстве, но тот, добившись своего, и слушать не хотел о сем предмете. После богословского спора с московским клиром, длившегося три месяца, легат отступил, отговорившись, что нет с ним потребных для диспута книг, и покинул Москву, улещенный богатыми дарами, вместе с послами братьев Софии.

Значительнейшим последствием этого брака стала бóльшая известность Руси в Европе, государи которой почитали в Софии отрасль византийской императорской семьи. Как рим-

ляне, так и греки, обосновавшиеся на Москве, способствовали распространению там латыни, преобладавшей тогда в дипломатических переговорах, и греческого языка, употреблявшегося в церковном служении. Таким образом, падение Константинополя и эпоха литературного возрождения в Италии оказались небесполезными для Руси в том понятии, что рассеяние книжных людей содействовало распространению там грамотности и наук, кои ныне, как благодетельные, так равно и вредоносные, разносятся по свету с невероятной скоростью при помощи печатного станка.

В ту же эпоху пришли на Русь предания и церемонии византийского уклада. Среди многих греков, бежавших из Константинополя, осел здесь в 1485 году Иоанн Палеолог со своей женой Рало. София вызвала к себе и братьев, но младший из них, Эммануил, предпочтя окружение Магомета II, обосновался в Стамбуле, где проводил дни свои в роскоши султанского двора. Старший брат, Андрей, выдавший дочь за князя верейского Василия, вернулся в Рим, где его останки покоятся рядом с прахом Фомы Палеолога. Он, видимо, остался недоволен великим князем, ибо наследные права на константинопольский трон завещал не Ивану, а королю Испании Фердинанду Благочестивому и жене его Изабелле Католичке. Дабы обозначить свое родство с фамилией греческих царей, Иван заимствовал их герб (двуглавого орла), введенный в Византии еще Константином Великим¹⁰, когда древнеримскому орлу наследовал второй Рим на берегах Босфора. Объединив под своим скипетром удельные русские княжества, Иван стал титуловать себя «божьей милостию единый правый государь всея Руси».

Между тем как крепнущая Русь в описан-

ных обстоятельствах продвигалась по пути цивилизации и могущества, к югу от нее заметно усилилось другое государство, оказавшее не менее важное влияние на судьбу Молдовы. Крымский полуостров, называвшийся в древности Таврией, расположенный между Черным и Азовским морями и населенный некогда скифами, поочередно становился добычей персов, греческих полисов, Боспорских царей, римлян, сарматов, византийских императоров, затем, в XII веке, — генуэзских купцов, а в XIII — татар. Генуэзцы владели колониями в Кафе и Солдае, а венеицы в Тане, откуда, особенно на первых порах, вели оживленную торговлю с Молдовой через Галац и Четатя-Албэ (Белгород-Днестровский), поддерживая с ней политические связи. В описываемую эпоху Крымом правила татарская династия Гиреев, славнейшим из которых был султан Менгли Гирей. Укрепившись после долгих дворцовых раздоров на троне, он своей мудростью и силой привлек внимание как великого князя, так и Стефана. Иван стремился воспользоваться им, дабы усмирить вторжения Золотой орды, которой Русь была данницей, а Стефан чаял умерить давление со стороны Магомета II, который грозил валашским странам. Заручившись поддержкой Менгли Гирея, Иван решился окончательно сбросить ордынское иго и провозгласить независимость Руси, и когда Ахмат-хан отправил в Москву послов с требованием обычной дани, великий князь, вместо того чтобы склониться перед ними и облобызать басму (изображение хана), изломал ее, бросил на землю, растоптал ногами и велел умертвить послов, кроме одного, сказавши ему: «Ступай, объяви хану: что случилось с его басмою и послами, то будет и с ним, если он не оставит меня в по-

кое». В жестокой войне, развязанной ордынцами против Руси для отмщения сего позора, сын великого князя Иван Молодой доблестно сражался с неприятелем до тех пор, пока Ахмат, возвращаясь с добычей, награбленной в литовских областях, не был убит сонный в своем шатре. Так совершилось для Руси владычество татаро-монголов, требовавших, чтобы русские князья целовали стремя ханского седла. Что до Менгли Гирея, то он не был так полезен для Молдовы, как рассчитывал Стефан, ибо Крым вынужденно подчинился протекторату Порты и самого хана под стражей доставили в Стамбул, где Магомет II принял его, впрочем, со славными почестями.

Предусмотрительный и осторожный Иван, видя, что победы оттоманского оружия создали на востоке нового неприятеля Руси, правда, более далекого, нежели рухнувшая Орда, стал искать союзников для уравновешения и этой грозной силы, в каких видах заключил дружественные договоры со славнейшими монархами той эпохи — венгерским королем Матвеем Корвином и молдавским господарем Стефаном Великим.

Звезда Стефана достигла наивысшего блеска, когда он дерзнул обнажить меч на ужасного Магомета II, покорителя Востока и Константинополя, и славными победами, одержанными им над многочисленными турецкими войсками, вписал имя свое в историю редких героев. Мужественный в опасностях, твердый в бедствиях, скромный в счастье, приписывая его только богу, покровителю добродетели, он был удивлением государей и народов, с малыми средствами творя великое. К тому же вера греческая, сходство в обычаях, употребление одного языка в церковном служении и в делах государственных, необычно-

венный ум обоих властителей, российского и молдавского, согласие их выгод и правил служили естественною связью между ними¹¹. Кроме наступления турок, все далее продвигавшихся по Европе, Стефана тревожили и происки польского короля Яна Казимира, который, следуя своим политическим целям, также стремился подчинить Молдову своему скипетру. Да и недавний союзник Менгли Гирей, став вассалом Порты, вынужден был отдать свое оружие на службу султану. Из всего этого следовало, что в столь сложной обстановке лишь от великого князя можно было ждать действительной пользы Молдове. Помимо того, Стефан, героически боровшийся против воинствующего Стамбула и амбиций своих христианских соседей, имел особые права на союз с зятем Палеологов, ибо и сам породнился в 1465 году с этой горделивой ветвью, женившись на византийке Евдоксии, дочери царя Симеона.

Первые предложения дружбы и брачного союза сделаны были чрез посредничество Менгли Гирея, нередко оказывавшего московскому князю разные услуги, ибо крымский хан, поневоле принявший сюзеренитет Порты, предвидел в последней свою грядущую гибель. Теперь все предрасполагало к политической связи, скрепить которую должна была женитьба Ивана Молодого, сына и наследника великого князя, на Елене, дочери Стефана, который, однако, желал прежде удостовериться в личных доблестях и добродетелях будущего зятя.

Во всех своих начинаниях, общественных и частных, Стефан всегда был благочестив и уповал на провидение, стремясь верой своей воодушевить народ и войско; его благочестие, свидетельством коего стали 40 воздвигнутых

и украшенных им храмов и церквей, имело значительное воздействие на политику и военные предприятия господаря. Посему, прежде чем принять важное решение о замужестве дочери, Стефан вознес всевышнему мольбу даровать успех сему замыслу и узнал, что в горной пещере обитает пустынный, который мог бы стать подходящим орудием для осуществления его планов. То был Леон, человек преклонный и многоопытный; смолоду, воином, успел он пролить кровь за отечество, и затем, призванный высшему долгу, взял вместо сабли крест, с коим поборол немало соблазнов и исходил множество стран. Свершив паломничество в Иерусалим, Рим и Киев, куда были перенесены из Константинополя святыни православия, Леон, утомленный житейскими бурями, удалился в родные горы, посвятив моления господу, а сердце людям, коих через мудрые свои советы он стал благодетелем. Эти качества послужили причиной уважения к нему не только монахов и простолюдинов, но и самого Стефана. Он посетил отшельника в его тихом приюте, и там, где единственным свидетелем беседы было недреманное око божье, открыл Леону свои планы и просил наставления о наилучшем их исполнении. Соображаясь со сложностью дела, от исхода которого зависела не одна судьба отчизны, а и семейное благополучие господарева рода, Леон, полный преклонения пред царственным героем, благословил сердечный его замысел, а для исполнения предложил себя самого, ежели нет в примете другого, достойнейшего человека. Мудрость и ровный нрав пустытника, знание языков и обычаев народов, среди коих он странствовал, не оставляли, однако, желать лучшего для поездки в далекую землю, подверженную свирепым татарским набегам. Совершенно

договорившись со Стефаном о целях своей миссии, Леон, который, несмотря на почтенный возраст, сохранил еще молодую статью, двинулся через Белгород-Днестровский в сторону Киева по уже знакомому пути, но белгородские монахи направили его в Кафу, установленное, по согласию с генуэзцами, место дипломатических сношений между великим князем и Менгли Гиреем. Через Крым проезжали все иноземные мастера и художники, приглашенные Иваном в Москву и преуспевавшие там во многих областях под главенством Аристотеля Фиоравенти, славного венецианского зодчего. Путешествуя в обществе таких людей через татарские улусы и подвластные крымчакам русские уделы, Леон слышал немало похвал Ивану Молодому, кротость коего обещала успокоить Москву после жестокостей его сурового родителя. Такого же рода сведения о характере наследника дошли до посланца Стефана и в столице москвитов, где он не раз видел Ивана Молодого на молебнах в Вознесенском монастыре с его бабушкой Марфой. В благородном, хотя и отуманенном грустью лице княжича явственно отражалась чистая и мужественная душа, сказывавшаяся во всех его деяниях. Собрав достаточно сведений о нраве наследника и возблагодарив господина у алтаря того же храма, где причащался княжич, Леон пустился прежней дорогой обратно. Желание порадовать господаря добрыми вестями ускоряло шаг монаха. Неподалеку от Кафы, ночуя в шатре одной татарской семьи, которая предоставила кров сему богобоязненному путнику, он вдруг услышал снаружи молдавскую песню, да еще из самых печальных, столь красноречиво свидетельствующих о былых бедствиях нашего края!.. От старика хозяина узнал он, к своему

удивлению, что пел молодой раб, приведенный татарами с берегов Днестра в Крым после одного из набегов. Тоскуя о родине, юноша угасал с каждым днем, и, не видя средств к его спасению, старик охотно отослал бы его умирать в отчизне, ежели б надеялся, что он доберется туда живым. Леон, привыкший творить добро при всякой возможности, согласился забрать этого юношу по имени Спена, 16-ти лет, боярского сына из Сорокской степи. Надежда вновь увидеть родителей и ласковые увещания монаха прояснили разум несчастного молодого человека; он выздоравливал на глазах и вскоре был уже готов к тяготам дороги. На гонуэзском торговом судне путники прибыли в Килию, а оттуда поспешили в Сучаву, куда во благовремени вернулся и Стефан после поездки по стране. Известия, принесенные благочестивым Леоном, обрадовали господаря, и он написал ответ на предложения великого князя, адресовав его, по обычаю, бабке княжича Марфе. На следующее лето в Сучаву явилось из Москвы блестящее посольство во главе с боярином Михайлой Плещеевым, уполномоченным высватать Елену для наследника русского трона. Многочисленная свита сопровождала этого искусного дипломата, доставившего Стефану Великому послания великого князя; в них обговаривались условия будущего брака и союза между Москвой и Молдовой. Документы были собственноручно подписаны Иваном. Помимо того, посол привез ценные дары: соболью шубу с золотыми застежками для Стефана, а Елене диадему, ожерелья и браслеты с дорогими камнями венецейской выделки. Стефан, созвав в свидетели обручения дочери именитых бояр, показал послам ради такого случая весь цвет и силу Молдовы: там были наместники и гет-

маны из Сучавы, Килии, Хотина, ворники Верхового и Низового края, мужи совета и посланцы всех молдавских земель и отборные отряды, для которых поставлен был временный лагерь на берегу Сучавы. Торжественную церемонию совершил митрополит с другими иерархами по церковному уставу и в согласии с древними обычаями страны, сохранившимися ныне в урезанном стертом виде разве только у крестьян. За храмовым обрядом последовал светский праздник при дворе, где Елену поздравили великой княгиней московской, и начался пир, блистательный и шумный, с танцами и звучными песнями, в коих поминались героические подвиги обоих государей и предрекался расцвет Московии и Молдовы вследствие нового брака. Затем, выйдя в поле, показали свою выучку воины: храбрые лучники состязались в меткости, конные рыцари — в доблести и силе; наконец выкатили, к восхищению гостей, пушку, новинку в военном искусстве, еще не известную москвитам. Пушка изрыгала пламя и производила разрушения в том месте, куда падало ядро. Пока длились обряды и игры, венценосная государыня Мария, четвертая супруга Стефана, с материнской заботливостью готовила падчерицу к отъезду в далекую страну, откуда ей, по всей вероятности, уже не суждено было воротиться. Отец дал за невестой надлежащую долю своих сокровищ, среди коих был образок, оставшийся от жены его Евдоксии-византийки, молитвенник, списанный на пергамент самим митрополитом Феоктистом, браслеты, ожерелья, жемчуга, атласные и парчовые платья, подобающие носительнице славного имени, а также значительное число червонцев. Для свата и зятя передал он драгоценное фландрское оружие, редкие в ту эпоху часы, отде-

ланные золотом из молдавских рудников, и сколько-то монет собственной чеканки со своим портретом. Господарь богато одарил Плещеева и всю его свиту. Трое знатных бояр с женами должны были проводить Елену до Москвы, и с ними поехал назначенный переводчиком при молдавском посольстве молодой боярин Спена, который в лоне любящей семьи успел уже забыть о страданиях в татарском полоне. Грустным и тягостным было расставание Елены с отцом, происшедшее осенью 1482 года в присутствии духовенства, бояр и воевод. Стефан, однако, тешил себя надеждой, что сия тяжкая жертва принесет спасение родине. Поезд направился в Москву через Польшу, и король Казимир, желая выказать уважение к обоим государям, не только разрешил Елене свободный проезд по своим владениям, но и послал ей навстречу знатного кастеляна с подарками и отряд гвардейцев, сопровождавший ее до рубежей королевства. После долгой поездки, глубокой осенью, которая в тамошних краях больше напоминает зиму, Елена, встреченная придворными нареченного супруга, вступила со свитой в Москву и отвезена была в Вознесенский монастырь, где в покоях старой княгини Марфы ее приняли в объятия великий князь с княгиней и сыном. По окончании необходимых приготовлений к пышной свадьбе 6 января 1483 года состоялось ожидаемое торжество. Елену по обычаю поздравили великие бояре, и она стала свидетельницей изъявлений народного ликования: чернь восхищалась не только красотой и кротостью молодой княгини, но и той легкостью, с какой она говорила порусски, зная с детских лет сербское наречие. Увы, судьба не благоприятствовала совершившемуся союзу.

София, супруга великого князя, родила ему трех дочерей: Елену, Феодосию и третью, Елену ж, однако страстно надеялась иметь сына и вместе с мужем печалилась, что небо не дает им такого утешения. По сей причине София часто ходила пешком на богомолье в Троицкий монастырь. Однажды, гласят летописи, ей явился св. Сергей с прекрасным младенцем на руках. Приблизясь к коленопреклоненной Софии, угодник во-ложил дитя ей на грудь. Поначалу при сем удесном явлении великую княгиню объял страх, но, справясь с собой, она трепетно облобызала мощи святого. Спустя девять месяцев принесла она сына, нареченного при крещении Василием-Гавриилом. Последний, поднявшись в 1505 году на трон, сам рассказал об этих событиях митрополиту Иосафату. После Василия София родила еще четырех сыновей — Юрия, Димитрия, Симеона и Андрея, и двух дочерей — Феодосию и Евдоксию.

Хотя великий князь равно любил детей как от первого, так и от второго брака, София, обремененная столь многочисленным потомством, особенно заботилась о своих чадах и задумала, как бывает с мачехами, паче же с царствующими, отстранив пасынка, открыть своим сыновьям путь к престолу. Это было не столь уж невыполнимое предприятие для энергичной и искушенной в коварствах гречанки, обладавшей в семье безграничным влиянием. Неизвестно, какими именно средствами она воспользовалась, но плоды ее предприимчивости созрели весьма скоро; к тому же и обстоятельства торопили ее. Мирное домоустройство и любовь между новобрачными радовали великого князя и привлекали симпатии народа, что противуречило замыслам Софии, принявшим еще большую определен-

ность, когда в конце 1483 года Елена родила сына, окрещенного Димитрием. Великий князь в знак своей радости хотел подарить невестке драгоценности первой жены; узналось, однако, что София успела отдать их своей племяннице Марии, жене Василия Верейского. Иван так разгневался на свояка, что тот, бросив княжество, бежал в Литву. Сие происшествие усилило ненависть Софии к пасынку и его жене Елене.

Меж тем как оружие великого князя и его политика подчиняли Москве Казанское ханство и Вятскую купеческую республику, домашние нестроения омрачили радость этих успехов. Достойный сын государя Иван Молодой, столь доблестный в битвах и счастливый в семейной жизни, в 1490 году внезапно разболелся ломотою в ногах. Несколькими месяцами раньше сыновья Рало Палеолог, совершив поездку в Венецию, привезли с собою итальянских художников, а с ними лекаря Месер-Леона, еврея, который взялся исцелить страждущего, положив об заклад собственную голову. Скорее дерзостный, нежели искусный, он стал прикладывать к ногам страждущего склянки с горячей водой, а внутрь давать зелье; от этого лечения больному стало хуже, и 32-летний Иван Молодой умер в страшных муках, оплаканный отцом своим и Еленой, которая по причине безвременной смерти любимого супруга осталась беспомощной под ударами судьбы, разрушившей политические упования Стефана. Старый великий князь, возгоревшись на лекаря гневом, велел принародно казнить его как убийцу Ивана. Эта казнь устрасила живших в Москве иноземцев, которые стали во множестве покидать Русь; даже славный Аристотель готов был уехать, но князь, желая воспрепятствовать этому, задержал зодчего, а

затем всячески старался ублажить его как необычайно полезного для Москвы человека. Тем не менее по мере утишения скорби о почившем сыне началось и охлаждение монарха к невестке и внуку; тому способствовали и враждебные происки Софии, перенесшей свою ненависть с Ивана Молодого на его сына. За этим соперничеством стоял сложный политический вопрос. В прежние времена трон после кончины государя переходил к его братьям, но начиная с XV века это право передалось сыновьям. Таким образом, после смерти Ивана Молодого решалось: достанется ли венец Дмитрию, рожденному Еленой Волошанкой, или же великим князем станет Василий, сын Софии? Иван пришел в большое затруднение, тем более что и советные бояре разделились во мнениях: одни выступали за Елену и Дмитрия, другие за Софию и Василия-Гавриила. Первых было больше, ибо народ с пристрастной любовью относился к умершему Ивану, да и двор Елены состоял в основном из москвичей, тогда как София окружила себя пришлыми греками, которых бояре недолюбливали. Сторонники Софии утверждали, что внук не может быть правомочнее сына, в жилах коего течет кровь греческих царей; поборники Елены, напротив, полагали, что за Дмитрием должно сохраниться право наследования, принадлежавшее его отцу, столь мужественно оборонявшему отчизну и веру, в отличие от Константина Палсолога, потерявшего империю. София и Елена, обе самолюбивые и умные, сохраняли видимость приязни, скрывая взаимную вражду. Тем временем узналось, что дьяк Стромиллов склонял молодого Василия к заговору против отца, который решил было пожаловать великим княжением внука Дмитрия; дьяк наущал молодого князя погубить

Димитрия, а далее бежать в Вологодскую крепость и захватить там государеву казну. Присполнившись праведным гневом против Василия, дерзнувшего восстать на отца и повелителя своего, Иван приказал держать сына под стражею на его же дворе, а заговорщиков схватить и казнить на берегу Москва-реки. Дьяки Стромиллов и Гусев, князя Палецкие и Щевья-Стравин были обезглавлены, боярским же детям Яропкину и Пояркову отсекали руки, ноги и голову. Софья также не избежала немилости мужа: узнав, что к ней приходили ворожен с зельем, он велел этих лихих баб отыскать и утопить в реке, после чего стал остерегаться жены, полагая, что она намеревалась отравить Елену и Димитрия. Князь Патрикеев с другими боярами, высоко ценя пользу союза между Москвой и Молдовой, ревниво ратовал за возвышение Елены и ее сына, выступая как яростный противник Софии. Победа Волошанки казалась полной, когда великий князь провозгласил Димитрия наследником престола и совершил над ним царское венчание 4 февраля 1498 года государь со всей свитой бояр и воевод ввел пятнадцатилетнего внука в Успенский собор, где митрополит Симон с пятью другими архиереями, множеством архимандритов и игуменов начал служить молебен богородице и Петру чудотворцу. Елена со своими присными находилась неподалеку от алтаря. Среди церкви поставили на возвышении три стула: великому князю, внуку его Димитрию и митрополиту; на аналое лежала шапка Мономаха¹² и бармы. После молебна Иван и митрополит сели, а князь Димитрий стал перед ними у верхней ступени. Иван, обратясь к митрополиту, начал говорить: «Отец митрополит! Божьим изволением отцы наши великие князья, сыновьям своим

старшим давали великое княжение; и я было сына своего первого Ивана при себе благословил великим княжением; но божьею волею сын мой Иван умер, и у него остался сын первый Димитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским; и ты бы его, святой отец, на великое княжение благословил». После этой речи митрополит велел Димитрию стать на его место и, вставши, благословил его крестом, потом Димитрий преклонил голову, и митрополит, положивши на нее руку, прочел громко молитву, чтобы господь бог дал поставляемому скипетр царства, посадил его на престол правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потом шапку; митрополит брал их, передавал великому князю, а тот возлагал на внука. После церемонии митрополит поздравил Ивана и его внука; сыновья монарха последовали сему примеру, также и растроганная Елена с придворными. Иван сказал: «Внук князь Димитрий! Пожаловал я тебя и благословил великим княжением; и ты имей страх божий в сердце, люби правду и милость и суд праведный и попечение имей от всего сердца о всем православном христианстве».

Так кончился обряд. Великие князья отслушали литургию, и Димитрий вышел из церкви в шапке и бармах; в дверях осыпал его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрий Иванович (Василий содержался под стражею); то же повторено было перед Архангельским и Благовещенским соборами. В знак своей любви Иван подарил внуку крест с золотою цепью, пояс, отделанный драгоценным камнем, и агатовую шкатулку императора Августа. Тем же днем великий князь отправил в Молдову посла с описанием происшедшего

события, столь важного для обоих государств.

Молдова во время этих благоприятных событий стала в очередной раз добычей непомерной алчности короля польского Яна Альбрехта, направившего против Стефана, помимо военной силы, злостное оружие макиавеллизма. Еще в 1497 году начал он большие приготовления под предлогом обороны от османов и побуждал Стефана присоединиться к нему с войском. Однако Стефан, проникнув в его замыслы, политично отвечал, что окажет просимую помощь, когда поляки вдоль Днестра дойдут до устья Дуная; в противном случае он рисковал остаться в одиночестве против превосходящих турецких сил. Ян Альбрехт все же двинул войско не по Днестру через Каменец-Подольский, а через Покутье (Буковину). Стефан тут же отрядил к нему логофета Петра и хранителя архива Исака с вопросом: почему король не пошел на Белгород через Каменец, где был для него заготовлен обещанный провиант? Если же вздумал он идти на Молдову как враг, то жестоко раскается в этом. Король вместо ответа, противу всех общепринятых правил, заковал послов в железа и отослал во Львов. Поляки поспешно двинулись на Сучаву. Три недели они штурмовали крепость, применяя пушки и осадные машины. Но защитники молдавской твердыни успевали ночью восстановить то, что было разрушено днем. Польская армия насчитывала 80 000 человек да 30 000 повозок. Молдаване непрерывными вылазками и налетами заманили неприятелей в глубь страны и, окружив, прерывали снабжение их войска. Поляки, ожидавшие, что молдаване будут их союзниками, увидев себя обманутыми и лишенными провианта, потеряли твердость духа; к тому же они суеверно сочли дурным знаменем гибель

от сильной грозы и молний 2000 волов, посланных из Польши; вдобавок утонул в неглубокой речке белый конь короля. Бранное счастье не склонялось ни на одну сторону, когда прибыли из Венгрии послы с целью замирить враждебные армии. Они долго не могли прийти к соглашению, ибо король жестоко страдал от лихорадки. Его высокомерные требования не были удовлетворены, тем не менее по перемирию 19 октября начался отход польских сил. Однако изголодавшиеся поляки уходили не той дорогой, которою пришли, а по новому пути, где надеялись раздобыть пищу для себя и корм для лошадей. Как ни убеждал их Стефан соблюдать условия прекращения кровопролития, поляки отступали по своему разумению через Козминский лес. Тогда сработала приготовленная молдаванами западня. Лесные тропинки и дороги оказались перегороженными, и польская армия, включая королевскую свиту, подверглась у засечек внезапной атаке местных жителей, а там подошли и регулярные полки Стефана, загнавшие непрошенных гостей в круг их же повозок, сгрудившихся на большой поляне. В грохоте начавшегося побоища, пишет польский историк, измотанные голодные поляки вопили наперебой, обещая, если уйдут живыми, принять постриг или отправиться на богомолье в Ченстохов, к чудотворному образу святой девы; иные клялись сходить в самый Иерусалим!.. Только отвага и стойкость королевской гвардии позволили Яну Альбрехту спастись от плена. При переправе через Прут у Черновиц полякам пришлось отбиваться от самого Стефана, который, невзирая на приступ подагры, поджидал их с 2000 союзных татар. Страх перед Стефаном был так велик, что многие в Польше готовились к бегству. Подмога,

подошедшая из Литвы, облегчила полякам отход за Днестр. Молдаване осадили несколько польских крепостей, а татары меж тем грабили и уводили в рабство местных жителей, из коих немало числу молдаван, переодевшись в мундиры убитых поляков, удалось бежать. Когда поляки стали считать потери, выяснилось, что большая часть шляхты перебита или захвачена молдаванами. Стефан, вознегодовав на недавних друзей, поправших собственные клятвы, решил внушить им на долгие годы ужас пред Молдовой и оставить потомкам памятник справедливого возмездия. Древние римляне для устрашения и унижения врагов, развязывавших бесчестные войны, проводили скованных пленников под склоненными копьями — так называемым каудинским ярмом, заставляя их таким образом низко кланяться победителям. Стефан прибег к молдавскому ярму, но использовал его с большей выгодой для страны. Дубовые леса, или кодры, были в ту эпоху естественной крепостью и убежищем простым поселянам. И вот, выбрав место, где кодр не было, согнали туда пленных поляков до 20 000 и, запрягши их в ярмо, как волов, заставили распахать те земли и засеять их желудями. По свершении работы пленных развели по градам и весям, и они частью обжились там, а частью, выкупясь, вернулись на родину.

Весной 1499 года прибыл в Сучаву русский посол, привезя, помимо вести о царском венчании внука Стефана, письмо великого князя, в котором Иван предлагал свату открыть совместную кампанию против Польши. Провозглашение Димитрия наследником московского престола наполнило Стефана ликованием, и он велел служить благодарственные молебны во всех 40 построенных им церквях. Что до

похода на Польшу, то Стефан медлил, ибо как раз в том году Ян Альбрехт сделал ему угодие, казнив по его настоянию, в присутствии молдавского посла, претендента Петру-Арона¹³, который после своего поражения в 1457 году при Должештах бежал в Польшу. Перед отъездом Иванова посла со щедрыми дарами в Москву Стефан сказал ему, что не только воюет, как идет о нем слава повсюду, но и обрабатывает землю, а дабы посол мог в этом убедиться, предложил гостю сопровождать его в поездке по стране. И он отвез его и показал дубовые ростки, взошедшие на поле, засеянном желудями и так обильно орошенном потом и кровью польских пленников, что и поныне тамошний лес называется Красной дубравой. Заговорили об удачливости Ивана, одолевшего врагов своих на огромных пространствах от Сибири до Ливонии, и Стефан сказал: «Сват мой человек счастливый, ибо в покое двора предается наслаждениям и, торжествуя над недругами, может мирно почивать; я же всю жизнь в седле, вечно в битвах, а едва могу уберечь отчину мою в целости».

Пока Стефан радовался удавшемуся политическому и семейному союзу со столь могущественным государем, слепая фортуна или простая человеческая недоля доказала вскоре свою силу. При всей видимой любви к внуку Иван не мог избавиться от мучительных тревог, терзавших его душу, так что сторонники Елены, возбуждавшие великого князя против Софии и Василия, не смели прилюдно праздновать победу из боязни неожиданных перемен. Иван, хотя и не любил жену, уважал в ней отрасль древнего императорского рода и суеверно приписывал успех своих предприятий счастливой звезде Софии и ее мудрым советам.

У нее оставалось при дворе немало друзей, да и смутотворец Василий, рождение коего казалось чудом, мог быть прощен ради своей неопытности и молодости; сию мысль София настойчиво и тонко укореняла в народе. Прошел почти год с венчания Дмитрия, и Русь привыкла к мысли, что этот храбрый и любезный отрок, внук двух великих государей, будет ее властелином; но вскоре стало явно, что великий князь почтил в юном Дмитрии короной жертву, обреченную гибели. Русские историки не находят объяснений резкой перемене в великом князе и ограничиваются сообщением, что после нового исследования доноса на Софию он вернул ей и ее сыну свою милость, а поборников Елены подверг страшной опале; князья Ряполовский и Иван Патрикеев с сыновьями были обезглавлены на берегу Москва-реки, хотя Патрикеев приходился родичем государю и верно служил ему 32 года. Иван полагал, что, ослепленные пристрастием к благородной Елене, они оклеветали Софию и Василия. Что было на деле, никто не знает, но очевидно одно: Иван, склонявшийся то к одной, то к другой стороне, — достойная сожаления черта многих государей, легковерие коих нередко ведет к потере чести, а то и самой жизни невинных людей, — велел схватить многих приверженцев Елены. Через шесть недель он провозгласил Василия государем и великим князем Новгорода и Пскова. И хотя в эти дни, по словам летописца, Иван начал не радеть о невестке и внуке, он все же не решился отнять у Дмитрия высокое звание, коим так торжественно благословил его пред всею Русью. Итак, Дмитрий до поры сохранял свои титулы, но придворные начали удаляться от Елены и подольщаться к Софии и Василию. Следует иметь в виду, что Иван, сплю-

тивший Русь под своим единодержавием, не желал ввергнуть ее после своей смерти в пучину гражданской войны, которая непременно разразилась бы между его сыном и внуком. И разве могла успокоиться неутомимая в ковах София, прежде чем ей удалось бы вырвать скипетр из рук Дмитрия? Словом, все предвещало неминуемое падение последнего. Псковичи, узнав о новостях, отправили в Москву депутацию бить челом великим князьям, чтобы держали отчину свою в старине, и который великий князь будет на Москве, тот был бы и во Пскове. Выслушав послов, Иван рассердился. «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? — сказал он. — Кому хочу, тому и дам княжество». Депутаты были задержаны и посажены в тюрьму.

В нелегкие сии дни великий князь привел в действие свои планы относительно Польши. Девяностотысячная армия татар под водительством сына Менгли Гирея грабила и опустошала обширные области от Луцка до Львова. Стефан воспользовался этими событиями, чтобы подчинить своей короне Коломыю, Галич, Снятын и Красное на Днестре, чем содействовал политике Ивана, хоть и не ставил себе это целью, имея свои причины для охлаждения к великому князю. Он не был в неизвестности о том, что его дочь Елена, вдова Ивана Молодого, почти три года жила при московском дворе в опале, брошенная друзьями, под ежеминутной угрозой мщения своей ненавистницы. То ли открылись тут новые подстрекательства, имевшие целью восстановить имя Елены в глазах великого князя, то ли некие самолюбивые слова, сорвавшиеся с ее уст, дошли до Ивана, то ли очередной навет заставил его увидеть в невестке опасность трону, — во всяком случае, 11 апреля 1502 года

Иван приказал держать Елену с сыном под стражей в ее покоях и велел не называть Дмитрия великим князем и не поминать его в ектенях; двумя днями спустя он пожаловал сына своего Василия, благословил и посадил на великое княжение Владимирское и Московское всея Руси самодержцем. Даже допуская, что при дворе зрели козни, трудно вообразить восемнадцатилетнего Дмитрия их участником, и потому весь народ горько сожалел о его падении. Ни духовенство, ни бояре не могли противоборствовать решимости своевольного властелина, зато Русь потеряла дружбу Стефана Великого. Из немногих оставшихся сторонников Елены ни один не смел под страхом казни доставить в Молдову сведения о ее судьбе. Только молодой Спена с опасностью для жизни рискнул бежать. Разнеслась весть о его болезни и смерти, но пока дворовые погребали пустой гроб, Спена в татарском платье, затесавшись в свиту крымского посла, проделал знакомый путь до Кафы, а оттуда цел и невредим перебрался в Белгород. С подлинно христианским смирением выслушал Стефан подробный рассказ о трагических событиях, разрушивших его планы, на коих зиждилась независимость Молдовы и будущность династии Драгошей; поседевший в борениях, он так живо был тронут злосчастьями дочери и внука, что никакие усилия мудрого Менгли Гирея не могли загасить возгоревшейся в нем неприязни к Ивану. Но Иван был упрям и слишком горд, чтобы сносить чьи бы то ни было упреки, и когда татарский посол спросил, отчего Дмитрий лишен обетованного наследства, он ответил: «Внука своего я было пожаловал, а он стал мне грубить; но ведь жалуется всякий того, кто служит и норовит, а который грубит, того за что жаловать?»

Елена, мучимая безысходной тоской почилла в январе 1505 года, а ее несчастный сын, еще недавно наследник престола московского, содержался как государственный преступник столь строго, что, кроме нескольких слуг и сторожей, никому не дозволялось видеть его.

При всем том разлад между Стефаном и великим князем не имел важных политических последствий, за исключением кратковременной задержки русских послов и нескольких итальянских художников, ехавших в Москву через Молдову. Вскоре по просьбе Ивана, переданной Менгли Гиреем, все они были отпущены. Александр, король польский, зять Ивана, тщетно подговаривал Стефана провозгласить себя союзником Польши и объявить войну Москве. Стефан до самой смерти не давал на это согласия и даже не хотел вывести свои войска из занятых им польских городов. Так молдавский господарь еще раз проявил христианское великодушие и глубокую проницательность, которая, перед его кончиной в 1504 году, продиктовала ему знаменитое политическое завещание, имевшее целью сохранить родину в целости до более счастливых времен.

Из описанного эпизода нашей истории можно вывести и то, что кроткая молдавская княжна Елена была принесена в жертву политическим интересам родителя. Она по праву заслуживает похвал энергии и мужеству, с коим в течение многих лет боролась против соперницы за честь своей суверенной династии и достоинство, подобающее дочери такого государя, которого мир еще при жизни назвал Великим¹⁴.

КНЯЖНА РУКСАНДА

Одной из самых достославных войн древности, породившей величайших героев и первую в мире эпическую поэму¹, была Троянская кампания, которую затеяли из-за некой красавицы доблестные ахейцы. С тех пор многое переменялось; в наши дни любовная страсть уже не оказывает такого сильного влияния на племена и народы. Войны развязываются теперь только для захвата какого-нибудь клочка земли или для утверждения на троне определенного правителя или династии. Молдова, однако, подобно древней Трое, явила последний, пожалуй, пример ожесточенной войны, возникшей из-за благородной девицы, прекрасной, как Елена Лакедемонянка, но, без сомнения, много более целомудренной.

К середине XVII века господарь Василе Лупу, восстановивший в стране мир и порядок, занимался развитием благодатных своих начинаний²: границы края были надежно защищены от набегов беспокойных соседей, мудрое управление помогало народу залечить раны минувших браней, а правосудие, основанное на мудрых законах, охраняло права собственности. Господарь основывал богоугодные заведения и общественные школы, приумножал свои богатства разработкой золотых и серебряных рудников и без напряжения нес неизбежные расходы на содержание блестящего двора, лучшим украшением

кого была его собственная семья, столь же красивая, сколь и многочисленная. От брака господаря с княжной-черкешенкой, прелести которой побудили его преступить религиозный запрет, родились две дочери, превосходившие красотой и дарованиями всех своих современниц. Слава о них дошла до самых отдаленных стран. Старшая вышла замуж за польского князя Радзивилла, великого маршала короны, а Руксанду, еще более очаровательную, нежели ее сестра, сватали сразу пять иноземных королей и герцогов, но до времени отец девушки не склонялся ни к одному из них. Политические соображения и разность верований делали выбор весьма затруднительным.

При всем том соседство Польши и ее связи с Молдовой в конце концов заставили господаря обещать свою дочь одному из самых блистательных польских рыцарей 22-летнему графу Корибуту³, твердый характер коего соединялся с героическим мужеством, наполнившим мир молвой о его бранных подвигах. Однако Руксанда, хотя и тронутая обаянием этой славы, по обычаям своей родины не спешила до встречи с ним соглашаться на этот союз.

Покуда брак по разным причинам откладывался, сын одного знаменитого казака, рожденный на берегах Дона, куда также дошли слухи о необыкновенной красоте Руксанды, дерзнул возжелать ее руки и сердца; вдохновленный любовью, он решил тайком пробраться в Молдову, дабы самолично удостовериться в правдивости молвы, внушившей ему такую сильную страсть. Итак, он переодевается торговцем, пересекает степь, переправляется через Днестр и Прут, въезжает в Яссы и вскоре находит случай убедиться,

что действительность превосходит все мыслимые хвалы. Было как раз вербное воскресенье, и он не замедлил воспользоваться тем обстоятельством, что семья господаря находилась на молебне в храме Трех святителей. Смешавшись с толпой, молодой казак вручил княжне связку пушистых веточек вербы, в которой, вернувшись от службы, Руксанда обнаружила следующую таинственную записку: «Тот, кому небо тебя судило, дарит тебе сей знак своей страсти и клянется взять тебя в жены или умереть». Не теряя ни минуты, юноша сходит с паперти, бросается в седло и, скрывшись из виду в ближнем лесу, пускается в обратный путь. Все поиски неизвестного удальца оказываются тщетны. Руксанда не может отнести эту выходку иначе как на счет Корибута, предприимчивость коего уже много раз дивила простых смертных. Полагая, что в образе проезжего торговца познакомилась с женихом, и увидев, что он столь же красив, сколь и смел, княжна мысленно обращает к нему свою любовь, которую не пожелала одарить его по настояниям отца.

Этим влюбленным был Тимош, сын славного Богдана Хмельницкого. Вернувшись к своему родителю на Дон, Тимош открыл ему пламя своего чувства и решимость добиваться руки молдавской княжны. Однако сложное положение его страны, зависевшей в те годы от Польши, не позволило Богдану заняться сердечными делами Тимоша, хотя с политической стороны он счел их весьма многообещающими.

Ян Казимир, в прошлом кардинал, отказался от пурпурной мантии ради польской короны и женился на вдове своего брата, короля Владислава. Но сложившихся об-

стоятельствах ему не хватало умения справиться со своей обширной державой. Запорожские и донские казаки в отношении как языка, так и веры, были скорее русскими, нежели поляками. Краковская шляхта между тем угнетала их с неслыханной жестокостью. Не раз казаки волновались, надеясь обрести законные права, но всякая жалоба навлекла на них еще более тяжкий гнет. Надругательство некоего шляхтича над женой и маленьким сыном Богдана⁴ превратило верного слугу Речи Посполитой в ее непримиримого врага. По зову атамана встало все казачество, опьяненное возмущением и жаждавшее мести. Богдан с булавой в руке, единственным знаком его достоинства, оказался вскоре водителем 300-тысячной армии. Шляхетское ополчение, выставленное против повстанцев, было разгромлено. Польша, Украина и Малороссия склонились перед силою Богдана, тем более что к нему присоединились крымские татары, готовые растерзать республику...

Дабы пресечь свирепую резню, поляки собрали 40 000 войска, схватившегося с казаками под Пилявцами, но внезапная паника обратила шляхту в бегство и отдала в руки мятежников страну, лишившуюся лучших военачальников и многих знатных магнатов, томившихся в плену у Богдана.

Перед лицом столь грозной опасности король польский не видел иного средства к спасению, кроме как начать мирные переговоры. Тем временем граф Корибут, которого не смутило даже позорное поражение, решился пойти на все, лишь бы сорвать заключение постыдного мира. С ватагой дерзких молодцов он ворвался в казацкий стан, застав мятежников врасплох. Избиение последо-

вало чудовищное. Богдан, пылая местию, отошел на Украину с остатками своей армии. Король снова попытался воззвать к его благоразумию, надеясь как-то загладить нарушение перемирия, но грозный гетман велел казнить полномочных послов жестокой смертью, чем окончательно убедил шляхту, что только сила оружия может спасти Польшу. Напрягши последние силы, собрали они под знамена веры всю нацию, старых и малых, всех, кто мог носить оружие. Цвет благородного рыцарства возглавил это достаточно многочисленное ополчение. Воинов воодушевляла сама королева со своей блестящей свитой, в которой числился и паж по имени Мазепа, более известный в то время своими любовными похождениями, нежели ратными подвигами; впоследствии, в ходе долгой войны между Петром Великим и Карлом XII, королем шведским, он стал гетманом тех самых казаков, против коих ныне собирался испытать свою доблесть. Неутомимый Корибут первым открыл баталии им же завязанной войны, напав на неприятеля с отрядом молодых горячих шляхтичей под Вишневым, своим наследным именем. Под стяги Богдана снова собралась вся Украина, Малороссия и союзные татары. Многочисленным отрядам повстанцев удалось со всех сторон обложить польский лагерь. Старый казак предложил противникам свободу на условии выдачи Корибута. Ян Казимир, уведомленный о новом поражении, кинулся вызволять свое войско. Богдан, поручив дальнейшую осаду вражеского лагеря татарскому хану, двинулся встречать королю. После двухдневного сражения поляки были рассеяны; только рассудительность, смелость и красноречие молодого Яна Собес-

кого⁵ позволили ему снова собрать армию, но и эти чудеса мужества и самоотвержения оказались тщетны. Поляки, в очередной раз побежденные и окруженные, оказались перед выбором: сдаться или погибнуть. Скорый совет, собранный Яном Казимиром, решил просить мира. Хмельницкий, или Хмель, как его называли поляки, проявил в этих обстоятельствах немалое великодушие: он объявил королю свою приязнь, но порукою уговора поставил на будущее следующие условия: число казацкого войска будет простираться до 40 000; в местах нахождения казаков не будут терпимы иезуиты и евреи; победителям выдадут Корибута, самого яростного их врага, который в будущем грозил стать еще более могущественным.

Названный молодой воитель, доблести и присутствию духа коего мы уже имели не один случай подивиться, решил избавить королевскую милость от унижения — выдачи казакам храбрейшего в войске рыцаря или от позорного торга за его жизнь. Он предпочел уйти как из-под защиты короны, так и из-под сабли своих ненавистников. Воспользовавшись густым туманом, окутавшим оба лагеря в те часы, как поляки вели переговоры с мятежниками, он в сопровождении нескольких всадников молнией вырвался за укрепления и оружием проложил кровавую дорогу среди оторопевших казаков. Прорвавшись тайными тропами в ближний лес, он невредимый достиг карпатских предгорий.

Теперь возвращение в Польшу было невысказано. Перебирая в душе тысячи планов отщепенца, Корибут увидел себя вынужденным поджидать в чужих краях более благоприятного случая для служения отчизне. Его брачные надежды, связанные с семейством Васи-

ле Лупу, обещали, казалось, желанное исполнение этим планам, но, оказавшись в положении изгнанника, столь несходном с его прежним блеском, он не смел компрометировать верного союзника Польши и решил проникнуть в Молдову под чужим именем. Обе страны связывал тогда негласный союз, направленный как против турок, так и против татар и казаков. Последние невыгодные для Польши события вынудили Яна Казимира искать новых друзей и крепить дружбу со старыми. Поэтому, прежде чем в Молдову дошли вести о его поражении, он поспешил направить туда гетмана Мартына Калиновского, который, в подтверждение вечной дружбы двух стран, должен был вручить господарю диплом на польское гражданство. Корибут воспользовался этим поводом и, доверясь Калиновскому, был взят последним под именем Аргири в посольскую свиту. Гостей приняли самым дружественным образом. Корибут, обаяние коего было равно его отваге, стал вскоре предметом общих симпатий. Однако его положение при дворе было весьма двусмысленно и отодвигало в неопределенное будущее женитьбу на Руксанде. Сердечно влюбленная в Тимоша, она считала, что любит Корибута, и, обращая всю силу ненависти на истинного возлюбленного, без конца заставляла Аргири рассказывать о подвигах польского рыцаря, меж тем как сам Корибут, не понимая причин столь пламенной страсти, вызванной, казалось, лишь его громкой славой, не хотел, с одной стороны, уменьшать эту любовь, которая тешила его душу, а с другой — опасался остыдить себя, назвав свое настоящее имя. Сведения, тайно доходившие до него, лишь усиливали его тревогу. Здоровье молодого поляка, подорван-

ное в частых сражениях, день ото дня слабело, и мнение двора склонялось к тому, чтобы и после отъезда польской миссии оставить его в Молдове. Господарь немало радовался и, узнав, что молодой поляк знаком с обстоятельствами обеих сторон, взял Аргира на службу и назначил его своим советником по сношениям с Польшей.

Между тем в Молдову дошли слухи о победах Хмельницкого и побеге Корибута; двор господаря сочувствовал бедствиям республики и не менее того дивился отваге нового Роланда⁶, судьба коего оставалась неведомой; одни говорили, что, прорываясь чрез казацкий лагерь, он погиб с храбрыми своими товарищами, другие предполагали, что, раненый, он был схвачен и отправлен к другим пленникам на берега Дона. Обе вероятности равно огорчали господаря и страшили Руксанду, которая начала изыскивать средства к спасению возлюбленного. Эти попытки, радуя Корибута, еще больше запутывали его: будучи одним из любимцев двора, он беспрестанно подвергался расспросам о графе; его вынуждали то описывать внешность своего знаменитого соотечественника, то рассказывать о его нраве и подвигах. Неохота, с какой Аргир исполнял такие просьбы, навлекла на него упреки в равнодушии и зависти к герою.

Сложность его положения при дворе не помешала, однако, нашему герою воспользоваться на досуге несколькими приятными минутами.

Ревностно изучал Корибут в свободные часы родной язык Руксанды, дабы открыть ей тайну, которая столь тесно связывала его как с прекрасной княжной, так и с интересами отечества. Сию тайну не мог бы он

поверить никому другому, ниже и самому господарю, которого наверняка смутило бы подобное открытие. Аргир обожествлял ту, которая любила его соперника, но и Руксанда не могла сдержать невольной симпатии к непримиримейшему врагу своего возлюбленного. К тому же сердца княжеского семейства и всего двора были покорены не только дарованиями и воспитанностью молодого чужеземца, но и его привлекательным видом — бледным лицом, которое оживляли ярко-синие глаза, высоким ростом и стройным станом в белой черкеске, принятой у придворных в честь государыни.

Покуда Корибут поневоле предавался бездействию, Богдан собирал плоды своих кровопролитных свершений. Вознамерясь осуществить заветное желание Тимоша, он решил сделать венцом своих завоеваний Руксанду, из-за которой рассорилось столько славных претендентов. Неутолимая ненависть к Корибуту, стремление всех властителей, поднявшихся из низов, слиться с древней знатью, облагородив таким образом и свою кровь и усилив влияние своей нации и дома, — все побуждало украинского гетмана к совершению задуманного союза. Предприятие было не из простых; Богдан сам правил посольство, уполномоченное заключить договор с Молдовой; в письмах к господарю он изложил свои планы относительно Тимоша и Руксанды.

Нежданнные новости ошеломили молдаван, ибо они равно страшились и дружбы старого казака, и его вражды. Корибут, который видел в происходящем угрозу своей жизни, почел за благо на какое-то время покинуть двор. Перед отъездом он настойчиво укреплял господаря в его расположении к Польше

и обсуждал с ним возможные меры противодействия Богдану. Выехав из Сучавы, Корибут углубился в горы, где надеялся заодно поправить свое пошатнувшееся здоровье.

Богдан, оставив на Днестре казацкий корпус, прибыл в Сучаву с многочисленной свитой. Богатство Молдовы, ее плодородные земли, блеск господарева двора и, превыше всего, красота Руксанды заставили гетмана приложить все усилия для достижения своих целей. Но тщетно тратил он свое красноречие, пытаясь убедить господаря в пользе политического сближения, тем более естественного для двух единоверных наций в эпоху, когда народы разделяла религиозная вражда; напрасно клялся он от имени победоносного казачества простереть границы Молдовы до некогда принадлежавшего ей укрепления Серафинец на левобережье Днестра — ни клятвы, ни бессилие Польши, в котором убеждал он Василе Лупу, не могли вынудить последнего забыть свои обязательства перед этой страной. Господарь оставался непреклонен и, дабы выиграть время, заявил, что не вправе принимать столь важные решения без дозволения Порты.

Вдвойне оскорбленный отказом, ущемлявшим его интересы и увеличивавшим число его врагов, Богдан в гневе покинул Сучаву и, спешно перейдя Днестр, двинул на Молдову 40 000 казаков полковника Дорошенко и искавших поживы татар. Поляки, слишком занятые восполнением своих последних потерь, не имели ни времени, ни средств для спасения союзника, так что молдаване, подвергшиеся внезапному набегу, хотя и оказали нападавшим достойное сопротивление, были побиты и заперлись в Хотинской и Сорокской крепостях. Во избежание бóльших бед

господарь принял вновь выдвинутые Богданом условия, обязавшись по прошествии двух лет выдать Руксанду за Тимоша.

Немногословный договор 1651 года, написанный на латыни самим Богданом, оставляя за Василе Лупу молдавский трон, обговаривал условия свадьбы, определял приданое Руксанды в 600 000 талеров с условием немедленной их выплаты казакам и татарам, и запрещал молдаванам оказывать содействие Польше.

Вынужденный подчиниться силе, господарь все же не терял надежды, что со временем отринет навязанные ему обязательства. Также и поляки, понимая важность совершившихся событий, могущих решительно повлиять на их судьбу, всеми средствами стремились ослабить новый союз. Особо зять господаря маршал Радзивилл прилагал всяческие усилия, чтобы разрушить соглашение, которое полагал позорным для интересов своего отечества.

Более других страдала княжна Руксанда, ибо считала себя причиною всех несчастий, угрожавших Молдове. Ведь она не только теряла избранного ее отцом жениха, коему чувствовала себя принадлежащей еще со дня таинственной встречи, но и сознавала неизбежность рокового брака с притеснителем ее родины и семьи. Чувствуя бессилие изменить ход все ускорявшихся событий, она стала искать утешения в религии.

Корибут, скрывавшийся в горах от сетей Богдана, пользовался сей оказией для изучения земли и языка молдаван, которых поляки называли волохами, выводя корень последних от италийцев (по-польски — влохов). Так или иначе, ему не был безразличен народ воителей, пастухов и земледельцев,

который на протяжении семнадцати веков, будучи заброшен в гущу враждебных племен, за 300 миль от Рима, в окружении неприятелей, сумел в непрестанных борениях сберечь свой язык, обычаи и ту любовь к земле и оружию, которая была источником доблести его славных предков и помогала ему сохранить остатки независимости, когда другие малые страны уже склонились перед мощью османов.

Поначалу Корибут направился к истокам реки Молдовы, посетил серебряные копи Карли-Давы и рудники Быстрицы, где цыганы-золотомои добывали немало драгоценного песка, которым торговали и платили подати. Несколько времени провел он в крепости Бая, населенной трансильванскими сасами, с XI века копавшими там золото и крепившими с развитием промышленности общественное благосостояние.

Часто навещал он местных жителей, горных охотников, которые, подобно кельтским бардам, заставляли могучие скалы эхом отзываться на героические, хранимые с прадедовских времен песни.

Удалившись затем в обитель, в тихий монастырь, украшавший живописные склоны Карпат, и погрузившись в занятия, новизна которых отчасти умиротворяла печаль его пламенного сердца, Корибут внезапно захворал и едва не умер; выздоровление длилось долго, и в ходе последовавших событий он не мог быть полезен Молдове ни мудрыми советами, ни прославленной своей храбростью.

Как раз в то время, когда господарь Василе в отчаянии оповестил Корибута о бедствиях края, маршал Радзивилл также сообщил ему некие новости, внушавшие, однако, надежду. Так он узнал о великих приготовлениях

Польши, решившей отомстить казакам за последнее свое поражение. Радзивилл звал Корибута на родину, дабы неожиданным своим появлением он поднял дух воинства посполитого и смутил врагов. Все это ускорило поправку больного, и, едва набравшись сил, он пустился в путь, направляясь сначала к господарю Василе, чтобы обговорить с ним совместные действия против Богдана. Господарь в ту пору пребывал на Днестре, в Сороках, желая воочию наблюдать предстоявшие события, коими чаял воспользоваться для избавленья от тяжкого ига. Время не ждало. Корибут поскакал верхом, в сопровождении только оруженосца. Выбравшись из крутогорий, всадники выехали к вечеру на берег Сучавы, там, где она впадает в Сирет. Корибут переправился через обе реки, но прежде чем двинуться дальше, объятый грустью, прилег отдохнуть под старым дубом. Его пробудил отдаленный гул. Вскочив на ноги, рыцарь огляделся. Небо и земля пребывали, казалось, в противуречии: последние лучи солнца золотили еще вершины гор, отчетливо видневшихся на пурпурном небосклоне, первые мерцающие звезды навевали покой, но странный томительный стон с верховьев Сирета предвещал близкое возмущение стихий.

Вскоре Сучава, которая текла в своем узком русле со зловещим спокойствием, начала волноваться, вздымая вздувшиеся под ветром пенистые волны, поминутно выраставшие от пролития туч и таяния горных снегов.

Не много времени понадобилось воде, чтобы разлиться по равнине страшным потоком, несшим вырванные с корнем деревья, жалкие шалаши и похищенные в заводах мельницы. Ища спасения от нежданной опасности,

жители близлежащих селений, мужчины и женщины, держа на руках младенцев и святыне образа и наполняя окрестность стена-ниями и плачем, принуждены были искать возвышенные места; к тому же и животные, гонимые природным инстинктом страха, с ревом пытались обрести убежище среди людей. Это бедственное зрелище, усугублявшееся наступлением ночи, освещали первые лучи взошедшей луны; услышав чьи-то пронзительные крики, рыцарь взгляделся и узрел на другом берегу две фигуры, кои запоздали спастись бегством и теперь в ужасе возносили мольбы небесам. Не теряя ни минуты, Корибут вскочил на коня и, вместе с преданным оруженосцем, бросился в бурные валы. Добравшись до места, увидел он лежавшую в бесчувствии закутанную женщину, а рядом с ней — отчаянно молящегося старика монаха. Несчастные были на краю гибели. С одной стороны к ним грозно подступала Сучава, с другой — разливался рукав Сирета. Корибут, чье не раз испытанное хладнокровие не уступало его прирожденной доблести, поднял женщину на руки и, вскочив на своего мощного скакуна, пустился обратно через алчные воды с плеском слившихся и все убыстрявших свое течение рек. Ревущие волны сталкивались, сшибались меж собой, как это бывает на море во время бури.

С того памятного дня, когда Корибут прорвался через ряды ошеломленных казаков, он не помнил себя в большей опасности. Но верный конь и на сей раз выручил господина, а с ним — неведомую жертву разгневанных стихий. Благоприятствуемый судьбой, силою коня и собственной отвагой, Корибут успешно одолел враждебность обеих рек и выбрался на берег. Ему последовал оруже-

носец, пристроивший за своей спиной старого монаха, чьи горестные молитвы сливались с ревом вод. Всадники и остановились, пока не взъехали на холм, окруженный кольцом деревьев, где, сочтя себя и слугу защищенными от разлива Корибут сложил на землю ценную ношу.

Бескорыстный рыцарь! Услышав мольбы о помощи, он не имел в виду иной цели, нежели спасение христианской души. Опасность, которой он при сем подвергался, помешала ему разглядеть лицо женщины; меж тем во время страшной переправы она очнулась. Ее платье позволяло заключить, что она занимает в обществе высокое положение. Какое же было удивление Корибута, когда, подняв покрывало незнакомки, он узнал в ней княжну Руксанду! Бледная, полумертвая от страха и усталости, одушевленная, казалось, в ту минуту единственно чувством благодарности, она подняла на своего спасителя взгляд, силу которого он не впервые испытывал на себе.

Но через несколько мгновений воспоминание о причинах, приведших к сей неожиданной встрече, вновь затуманило глаза девушки печалью.

Связи между господарем и Аргиром были хорошо известны Руксанде, и, не сомневаясь, что этот храбрый молодой человек должен пользоваться дружбой своего знаменитого соотечественника, она почувствовала желание поделиться с ним своими печальями.

Оруженосец развел на холме костер, и Руксанда, присев к огню вместе со своим старым спутником, после нескольких минут молчания поведала Аргиру подробности событий, происшедших при молдавском дворе после его отъезда:

«Вам памятно, сударь, безжалостные предложения союза и женитьбы сделанные нам варваром, пришедшим из донских степей. Можете не сомневаться в энергии с которой отец мой отверг посулы и угрозы неистового казака я также отказалась увенчать список его свирепых побед и не пожелала разделить судьбу мятежника. Знаете вы и о том, как, не сумев совладать со своей необузданностью, он обрушил на Молдову бедствия войны.

Во избежание большего зла мой отец, уязвленный страданиями родины, в конце концов согласился отдать меня Тимошу.

Потеряв всякую надежду, я решила было покончить со злосчастной жизнью и тем спастись от нежеланного замужества. Но разум подсказал мне, что моя смерть повлечет за собой гибель моей семьи и новые набег казацких отрядов и татарских орд, которые не замедлят залить нашу землю кровью, как сделали это в Польше. Вот почему я не только преступила свою клятву (ибо обещалась выйти замуж за человека, который полагает, что меня судило ему небо), но и разрушила надежды благородного Корибута.

Решившись для спасения отчизны подчиниться силе, я надеялась утешиться хотя бы в молитвах, дарующих нам силу нести бремя судьбы. Намерение сие я исполнила, отправясь на богомолье к мощам святой Параскивы в Яссах.

Мой духовник, которому я призналась в своем желании, предложил, невзирая на преклонный возраст, сопровождать меня. У ступеней святого алтаря, где три дня и три ночи лились мои слезы, я обрела душевное мужество, необходимое для того, чтобы стойко выносить насылаемые роком бедствия и лелеять

в сердце надежды на лучшее будущее. Я была близка к цели и рассчитывала через два дня снова увидеть родных и близких, но сему воспрепятствовала стихия, от неистовства которой вы, сударь, с опасностью для собственной жизни спасли меня».

Жалостный рассказ княжны то и дело прерывался ее вздохами, и сердечно тронутый Корибут мысленно клялся отмстить жестокому казаку.

Вряд ли надо напоминать читателям, что наезд Тимоша в Молдову оставался нераскрытой тайной, и Корибут понятия не имел, что неведомо для себя отдал свое имя и титулы более счастливому сопернику.

Пока Руксанда говорила, он испытывал сильное желание открыться ей; но благородное сердце справилось с тщеславием: ее любовь была ему дороже славы. Имелись и еще препятствия к такому признанию. Корибут понимал, что, достигнув счастья с этой прекраснейшей, совершеннейшей из женщин, он слишком ранним саморазоблачением нанесет непоправимый ущерб своим интересам и интересам Польши. Он полагал, что, открывшись Руксанде, многократно усилит ее чувство к нему, но этим же создаст и новые сложности, которые помешают исполнению замыслов, связанных с независимостью его родины, достоинством имени и надеждами на личное счастье.

Обычный смертный, обольстившись так простодушно высказанной верностью к нему, поспешил бы на пути к блаженству пренебречь предостереженьями разума, но истинно великий дух, рожденный для подвигов, не мог пожертвовать любви нуждами отечества и жаждою славы.

Эти достойные благородного сердца мотивы

укрепили нашего героя в его решимости сдерживать порыв чувств и продолжать избранную им пред Руксандою роль Аргира. Но если любовь он вынужден был скрывать, то пламя отмщения уже открыто горело в его глазах. Призвав в свидетели бога, он объявил себя рыцарем Руксанды и уверил ее, что день возмездия близок: вот-вот встанет из могилы граф Корибут, Польша отмстит за свой позор и спасет Руксанду от ненавистного ярма; а чистота и богобоязненность девушки послужат залогом ее счастливого будущего.

Пока длилась сия беседа, на холме собрались местные жители, покинувшие свои дома в страхе перед наводнением. Корибут, увидев, что его дама в безопасности, простился с ней и пообещал, что вскоре она о нем услышит, а на память о неожиданной встрече попросил кружевной платочек, который с тех пор носил за перевязью. Затем он продолжил свой путь, да так резво, что прежде чем Руксанда завершила паломничество, он уже прибыл в Сороки. Передав господарю послание короля, он также сообщил ему содержание депеши от Радзивилла, в которой описывались великие приготовления Яна Казимира к новой войне. Помимо 100 000 шляхтичей, он снарядил пятидесятитысячный корпус немецких наемников, дравшихся прежде под стягами Валленштейна и Монтекукули⁷. Дабы возжечь в приунывших поляках религиозное рвение, папа Иннокентий X послал к ним легата со свитой, который торжественно поднес его величеству освещенные меч и шлем, а королеве — золотую розу.

Корибут со своей стороны настаивал, чтобы господарь Василе увеличил войско, для противостояния буджакским татарам, и в полной

готовности дожидался минуты, когда сможет нарушить навязанные ему мятежником обязательства. Придя к соглашению с господарем, Корибут покинул его, перешел Днестр у Хотина и вскоре объявился в своих поместьях, запустение коих, увиденное собственными глазами, еще больше ожесточило его против казаков.

Богдан меж тем вел свою искусную политику и мало того что призывал рабов к свободе, а нищих к обогащению,— нет, вдобавок ко всему он задумал крестовый поход против католичества, запросив для этой цели помощь у султана и благословение у константинопольского патриарха. Магомет IV даровал ему титул князя Украинского, а патриарх послал окропленную святой водой саблю и реликвии через архиепископа Коринфского, сопровождаемого несколькими афонскими монахами, один из коих стал впоследствии министром Богдана.

Итак, с одной стороны, поддержка православного владыки укрепила решимость казаков, с другой — чудесное появление Корибута вселило в поляков новый энтузиазм, тем больший, что героя считали давно погибшим. Ян Казимир и все магнаты осыпали графа знаками внимания. Он изъездил страну вдоль и поперек, всюду воодушевляя католиков на новую схватку; призывы к оружию разносились от берегов Дона до Карпатских гор. Поднялись, наконец, народы, населявшие эти обширные пространства, и 30 июня 1651 года обе армии, а лучше сказать — обе нации стояли друг против друга, готовые к сражению. Корибут первым нанес жестокий удар неприятелю; военное счастье долго колебалось между господами и рабами, и вот татары сломились под стремительным на-

тиском польской конницы. Богдан, пытавшийся вернуть их на поле брани, был схвачен татарским ханом и увезен как пленник в Крым. Казаки, совершавшие чудеса мужества, большей частью погибли, а частью скрылись за Доном. Корибут настаивал на преследовании, желая добить мятежников в их гнезде, но победители-поляки предпочли разойтись: триумф рассеял их так же, как поражение расточило казаков.

Казалось, война завершилась, не вынудив господаря Молдовы нарушить ни одно из обязательств, принятых им по договору с казаками. Пленение Богдана и бегство Тимоша освободили Руксанду от брачного обещания; весть о возвращении Корибута на родину произвела должное впечатление: Руксанда восприняла ее как чудо, посланное господом по ее страданиям и смиренным молитвам.

Исполнив свои два заветных желания, то есть отмстив за поругание Польши и освободив Руксанду от силков сговора, Корибут, уже под настоящим своим именем, решил возобновить старые связи с господарем Василе и напомнил ему о своем сватовстве; обманутый счастьем, он решил до времени утаить от девушки свое необыкновенное превращение и назначил приезд в Молдову на следующую весну, когда рассчитывал, приведя в порядок свои дела, отпраздновать наконец свадьбу.

Но к зиме Польша, одержавшая великую победу, купленную огромной кровью, снова погрузилась в самоубийственные распри и разгульные пиры. А двор молдавского господаря готовился к свадьбе, блеск которой должен был сравняться с ликованием обеих стран.

Тем временем Тимош, потерявший в произошедшей катастрофе и надежды на будущее, и Руксанду, приложил все усилия для того, чтобы силой золота выкупить у татар отца, который, едва покинув крымские степи, принялся собирать остатки разбитого войска. Он уверял казаков, что их поражение объясняется только неверностью хана и что если они снова возьмутся за оружие, поляки будут обречены. Ему удалось пробудить в своих сторонниках мужество отчаяния, и вскоре под его началом опять оказалась многочисленная армия. Одновременно вынашивая иные планы, гетман обратился к Яну Казимиру с мирными предложениями, и время текло в нескончаемых переговорах и бесконечных стычках с обеих сторон. Это непостоянство судьбы, которая, казалось, играет счастьем трех народов, снова подвергло Молдову жестоким испытаниям. Однако Руксанда все больше уверялась в благопрорицательной звезде Корибута, и ничто не могло поколебать ее светлых надежд. Молодой герой в свою очередь понимал, что его честь, а равно и более общие интересы требуют как можно скорее вывести Руксанду из состояния, еще оставлявшего Тимошу какие-то надежды.

Приход весны приближал минуту, когда должна была решиться судьба одного сердца, знавшего до той поры лишь тревоги любви. За присылкой свадебных даров, свидетельствовавших о блеске польского вельможи, должен был последовать приезд самого Корибута. Между тем, ввиду окончания договорной отсрочки, Тимош также получал право на руку своей нареченной. Стремясь опередить соперника, он принял решение самому пойти на Молдову со 100 000 казаков и татар. Известие об этом снова разожгло старинную

ненависть Корибута; торопясь погубить врага, который чудесным образом возрождался после всех поражений, он поспешил преградить Тимошу дорогу с 40 000 шляхтичей. Противники сошлись у Батеуц, неподалеку от Днестра.

Битва не была похожа на сражение, которым руководят хладнокровные полководцы, — это была смертельная схватка заклятых врагов, жаждущих крови. Устремляясь в самую гущу боя, Корибут звал Тимоша на поединок, но в тот миг, когда казак рванулся ему навстречу, стрела, пущенная неким залегшим среди трупов татаринном, нанесла Корибуту убийственную рану. Мужественный дух удержал его в седле, и, посылая коня вперед, он прокладывал себе среди неприятелей кровавую дорогу; но это отняло у него последние силы, и он грянулся оземь, так и не добравшись до Тимоша. Гибель предводителя посеяла страх среди поляков; скоро они были окружены и сдались. Погибли отборные рыцари из окружения Корибута, и среди блистательнейших жертв был брат Яна Собеского. После сражения Тимош велел торжественно схоронить своего врага, и вскоре высокий курган укрыл останки того, кто подвигами своими заслужил у современников имя нового Роланда. Так во цвете лет погиб этот славный герой. Его союз с Молдовой мог иметь важные последствия для ее судьбы, тем более значительные, что побочные потомки графа поднимались впоследствии на польский трон.

При всем том господарь Василе, не желая стать виновником несчастий дочери, хотел было отказаться от своего обещания. Но молдавские бояре, устрашенные неожиданной победой казаков и чаявшие оградить стра-

ну от ужасов нового набега, который могло бы повлечь за собой дальнейшее сопротивление Руксанды, умоляли господаря не испытывать более судьбу.

Теперь ничто не мешало исполнению желаний Тимоша. Нарочный переговорщик известил господаря о приближении жениха к границам Молдовы. Оставив большую часть войска на Днестре, Тимош вступил во владения Василе, предводительствуя тысячью всадников, и направился к Яссам, где после приготовлений должно было сыграть свадьбу. На сей раз его спутниками были уже не те дикие казаки, что наводили ужас везде, где только ни появлялись, а близкие друзья и приятные кавалеры, звучные песни которых вкуже с широтой и щедростью вызывали доверие местных жителей.

Известие о гибели Корибута и явлении Тимоша повергло Руксанду в отчаяние. Первое свидание с женихом выпало на страстную неделю, и воспоминание о давнишнем вербном воскресенье лишь усугубляло страдания княжны. Как жертва, ожидающая заклятия, она провела ночь накануне рокового дня в слезах и молитвах.

В двух часах езды от Ясс есть на правом берегу Прута памятный Цуцорский луг, известный с давних времен как победами, так и поражениями молдаван. На этом-то лугу и разбил Тимош свой маленький лагерь, намереваясь на следующее утро войти в столицу.

Едва первые лучи рассветного солнца озарили землю, господарь Василе с Руксандой, другими членами семьи и блестящей свитой отправился в храм Трех святителей. Внезапно вдоль речки, питающей луг своими водами, показалось нечто вроде леса, двигавшегося к городу; лес быстро приближался, и вот все

пространство перед божьей церковью укрыла сотня зеленых сосенок, несомых сотней же всадников, скрытых под ветвями. Тимош, самый красивый из прибывших, весь в сияющих доспехах, вышел вперед, держа в руке вместо сабли пушистую веточку вербы, с которой и вступил в храм, встреченный митрополитом и господарем, державшим Руксанду за руку. Торжествующий Тимош преклонил колени пред той, о которой мечтал, за которую сражался и ради которой победил, и протянул ей вербу, и молвил: *«Тот, кому небо тебя судило, дарит тебе ныне свою руку и имя».*

Словно пробужденная от тяжкого сна, Руксанда узнала черты, напечатленные любовью в ее душе, узнала слова, столько раз звучавшие в ее грезах. Постоянство девичьего сердца увенчалось счастливым разъяснением целого ряда случайностей, столь же значительных, сколь и необыкновенных, но ни она, ни ее семья не могли все же понять тайну, продолжавшую окутывать эту драму.

Но вот верный оруженосец Корибута, которого хозяин просил передать Руксанде последнее прощанье, нашел средство пробиться к ней и вручить кружевной платочек, подаренный девушкой его господину в день избавления от страшной опасности. Лишь теперь уразумела она, что Корибут под именем Аргира провел в Молдове долгий срок своего невольного изгнания.

И прежде чем вкусить счастье, Руксанда искренне оплакала безвременную смерть великодушного Корибута; она не могла без сердечного стеснения вспоминать, что обаяние этого имени и его слава руководили ею в трудных обстоятельствах и что самой жизнью она обязана отваге его обладателя. До

конца дней своих благословляла Руксанда память польского рыцаря.

Ее свадьба с Тимошем состоялась 2 июня 1652 года и длилась три дня с поистине царским блеском. Среди красочных зрелищ и потешных игр торжество украсил боевой турнир. Состязания конных воинов — казаков и славных воинским мастерством жителей кодр — проходили на Фрумоасском (то есть Красивом) лугу. Соревновались также лодочники на водах Фрумоасского пруда, позволявшего говорить о Яссах как о городе, стоящем на живописном берегу.

Также и монастырь Фрумоаса⁸ хранит своим именованьем память о княжне Руксанде, чья неслыханная красота привела к жестокому соперничеству двух славнейших витязей той эпохи.

МАЗЕПА В МОЛДОВЕ

В давние времена, в XVII веке, когда Молдова благодаря славным подвигам, свершенным для сбережения своего политического бытия, целостности, заповеданной от пращуров земли, и неприкосновенности веры, стала в бореньях с превосходящим недругом щитом христианства и гордостью Запада, туманная завеса еще таила от взора европейцев северо-восточные края континента, и Московия, стонавшая под игом татар, ждала луча просветления, коему назначено было призвать ее к новой великой жизни. Петр I явился тем провиденциальным героем, пред чьими деяниями померкли все учинения других основателей царств.

И словно дабы споспешествовать становлению сего героя-законодателя, в современники и соперники судьба ему назначила мужа не менее выдающегося и замашистого, хотя и не столь счастливого в своих начинаниях. Карл XII, взойдя на трон Швеции пятнадцатилетним отроком, развил в себе дерзкий мужественный нрав, который прославил бы его как второго Александра Македонского, ежели б не имел он противником Петра и не принужден был почти непрерывно воевать с русскими, надеясь обуздать и ограничить превращение России в колоссальную северную империю. Так стал он Петру невольным учителем в мастерстве ратном.

Оба достославных монарха, стремясь за-

хватить наиболее выгодную позицию для осуществления своих планов, постоянно оспаривали друг у друга возможность влияния на Польшу. Эту страну, которая, гранича на севере со Швецией, простиралась тогда от Балтийского моря до Черного, раздирали на части усобицы и раздоры вследствие ее политической системы, узаконившей выборы короля-правителя. Поляки издавна кичились сим принципом, не подозревая, что именно он приведет, как это в конце концов и случилось, к гибели их отечества. Конституция, ласкавшая амбиции многочисленного дворянства и дававшая каждому шляхтичу право голоса и избрания на пост главы государства, была источником внутренних распрей, которыми сполна пользовались соседи, особенно Россия еще в ту пору начавшая утверждать свою мощь на отторгнутых членах Речи Посполитой.

Как в Молдове после угасания династии Драгошей избирали господарей сначала из среды местных бояр, затем из пришлых, а там и из навязанных турками, так в Польше, когда увяло древо могучих Ягеллонов, корона перестала передаваться по наследству и суверенные права короля ущемлялись с каждым новым выбором к ущербу всей республики, и без того терявшей силу в усобных бранях.

Последней попыткой Польши вырваться за свои пределы стало вмешательство во внутренние дела России и оккупация Москвы в 1610 году. Затем ее мощь пошла на убыль, она потеряла вассальную Пруссию, утратила власть над Смоленском и Киевом.

К середине XVII века Украина, крупнейшая из польских провинций, населенная казаками пребывала в состоянии брожения. Вдали от правительственного надзора об-

ширные владения магнатов, составлявшие большую часть этого края, управлялись евреями-арендаторами. Тирания этих кровососов была особенно тягостной, ибо власть людей, обреченных рабству и презрению, казалась нестерпимей и унижительней, нежели произвол чванных аристократов. К этому гнету прибавлялись гонения иезуитов на православие, исповедуемое казаками.

В таких обстоятельствах казаки нередко возмущались, требуя защиты от притеснений и подтверждения своих вольностей, попираемых шляхтой, которую и сам король не умел укротить. Их жалобы оставались без последствий, и в конце концов недовольство казаков вылилось в мятеж, разросшийся до того, что его пламя перекинулось на самое Польшу и достигло севера Европы.

Как простой швейцарский охотник, не снеся обиды, причиненной его сыну, подал знак к общему восстанию, освободившему всю страну от чужеземного ига¹, так и на Украине гнусное оскорбление, нанесенное жене одного казака, повлекло за собой катастрофу, последствия коей коснулись и Молдовы.

Предводителем казаков был тогда Богдан Хмельницкий, испытанный воин, служивший польской республике во многих кампаниях. Сила его распространялась до Азова, откуда замышлял он морскую экспедицию на Константинополь, меж тем как польской армии в союзе с молдавским войском предстояло атаковать османов на суше, пробиваясь по побережью к турецкой столице.

Богдан владел мельницей на Днепре, которую незаконно отнял у него чигиринский подстароста Чаплинский. Богдан подал жалобу в суд; вместо приговора обидчику заковали в цепи его самого, и только бегством

к татарскому хану он спасся от казни, уже уготованной насильником. Когда же самоуправный шляхтич убил его жену и до смерти за-сек малолетнего сына, Богдан, пылая праведной мезтью, вернулся на Украину. По его призыву народ казацкий взялся за оружие. Осенью 1648 года Богдан с трехсоттысячной армией двинулся на Польшу, опрокидывая на своем пути воевод, посланных Краковом для усмирения бунта. Вся Украина, Волынь и Подолия поддержали казаков; к ним примкнули буджакские татары; Речь Посполитая колебалась на краю бездны...

По смерти короля Владислава и долгом междуцарствии польская знать приступила в самый разгар мятежа к избранию нового властителя. Сию честь оспаривали два брата покойного, оба клирики, претендовавшие не только на корону своей страны, но и на руку овдовевшей королевы. Один из них, Ян Казимир, отринувший мантию римского кардинала в надежде стать королем Швеции, отрекся и от этих притязаний и был возведен на трон Польши, а вскоре, с дозволения папы, обвенчался с невесткой. Последняя, Луиза Гонзага, остроумная красавица-итальянка, обожала придворную роскошь и пышность, что вполне отвечало склонностям ее нового супруга, который не столько правил страной, сколько увлекался изящной словесностью и парадными церемониями. Королева и ее фрейлины украшали собой воинственный блеск гибнущей державы и поощряли распутство двора. Судя по великолепию платья и красоте лица, едва ли можно было отличить от них юного пажа королевы, который вскоре стал известен свету своими амурными похождениями, а спустя полвека возглавил третью сторону в столкновениях между Петром Вели-

ким и Карлом XII — украинское казачество. Имя сего пажа было М а з е п а.

В придачу к отличным способностям, коими одарила его природа, он получил прекрасное образование и рыцарское воспитание. Мазепа был уроженец поднепровской Подолии, и в правильных чертах его лица читались приметы скорее романской, нежели славянской расы. Проводя юность свою при дворе, среди искушенных царедворцев, куртизанов, он завел любовную интригу с женой одного из славнейших магнатов, который, гордясь своими сокровищами, знатностью и положением, почитал все же красоту и добродетель своей супруги лучшими украшениями дома.

Какой же яростью возгорелся он, когда, навестив свое сельское поместье, уличил жену в преступной связи с Мазепой! Взбешенный сим афронтом, он решил подвергнуть оскорбителя неслыханному наказанию, полагая, что необычным употреблением власти смост пятно позора со своего имени.

Если бы в ту роковую минуту Мазепа, видя угрозу своей жизни и чести, был вооружен, он несомненно искупил бы вину собственной кровью; однако, захваченный врасплох в чужом доме многочисленной дворней хозяина, тщетно умолял он разгневанного магната пронзить ему сердце. Сиятельный рогач, слыша только голос ненависти, велел доставить необъезженного дикого коня, который недавно был приведен из степей Украины. С Мазепы сорвали одежды и сдвоенными веревками привязали к спине коня так крепко, что у него не осталось никакой надежды освободиться от пут. Под глумливый свист и улюлюканье панских слуг конь со своей ношей был отпущен в дикое поле.

Трудно сказать, что причиняло юноше

бóльшие муки: тело ли, страдавшее от влившихся в него узлов и бешеной скачки свирепого жеребца, не знавшего до тех пор никакой ноши,— или душа, в одночасье лишившаяся предмета своей страсти и подвергнутая столь унижительному публичному надругательству. Провожаемый злорадным хохотом и гиканьем холопов, скакун помчался вперед, словно крылатая стрела; бессильные толчки привязанного к нему тела еще больше горячили его: он летел без дороги, полями, сторонясь поселений и повинуюсь только инстинкту, который гнал его на родину.

Иногда, взбежав на холм, он останавливался и, насторожив уши, издавал отчаянное ржанье, словно просил о помощи и ждал отклика; потом, слыша лишь стоны несчастного Мазепы, снова пускался вскачь; пена, выступившая на его боках, смешивалась со смертным потом и кровью, струившейся из ссадин обреченного. Когда муки Мазепы достигли предела и заставили его возжелать конца, конь, после суточного бега, достиг дремучей чащи, где новая опасность обещала, казалось, прервать страдания обоих. Стая волков, учуяв беспомощную добычу, кинулась в погоню за связанным ездоком, и он не избегнул бы страшной гибели, если бы алчность зверей внезапно не остыла при виде странного кентавра; напуганные твари предпочли убраться восвояси.

Искра надежды замаячила перед юношей, когда он увидел широкую реку, через которую конь бросился в плавь. Пучина, омывшая истерзанные члены Мазепы, грозила потопить его, но сильный скакун вскоре вынес его на противоположный берег. Достигнув суши, он отряхнулся, и водяные брызги оживили Мазепу, впавшего было в бесчувствие, но увы!

он находился все в том же отчаянном положении; бледный луч луны, пробиваясь из-за пасмурных туч, озарял тихую пойму. Пощипав на ходу сочной травы, которой отведал бы и Мазепа, если бы мог, конь вдруг пронзительно заржал и повел головой, словно выбирая дальнейший путь, потом, точно гонимый призраком, опять помчался по степи, бескрайней, безлюдной, пустынной. Даже щебета случайной залетной птахи не было слышно вокруг; утомленный жеребец утратил прежнюю быстроту: он все чаще спотыкался, из ноздрей его валил пар, с губ стекала ржавая пена. К утру кентавр выбежал на окруженную кустами поляну, куда топот копыт привлек диких его собратьев. Некоторые из них, самые бесстрашные, приблизились, нюхая ветер, к странному чужаку, но, разглядев, что он превратился в чудовище, затрясли гривами и с фырканием ретировались в кусты. Между тем инстинкт подсказывал бедному скакуну, что ему могли бы помочь. Он издал тоскливое ржанье, хотел шагнуть вперед, но, видимо, необыкновенное, поневоле предпринятое путешествие отняло у него последние силы. Он грянулся оземь, вытянул шею и, подергав напоследок ногами, испустил дух. Осмелевшие лошади окружили его, обнюхали и, как бы ужаснувшись околевшего монстра, умчались прочь, в лесную чащу.

В таком положении Мазепа пребывал до заката — живой, накрепко привязанный к падали; его силы угасали, и он только изредка обводил мутным взором пустыню, которая должна была стать его могилой. С грозным карканьем перелетали над ним вороны, пророка страдальцу скорую кончину. Один из них сел на раздувшийся труп коня и собрался было начать свою отвратительную вечерю,

но, заметив слабое шевеление человека, взлетел и возвестил хриплым криком, что заупокойная трапеза немного откладывается. Мазепа, бессильный защитить голосом или движением свою истерзанную плоть от стервятников, скоро впал в забытие: сердце его едва билось, белки закатившихся глаз мерцали неверным блеском, словно свеча, перед тем как погаснуть.

В то время как злосчастный паж, отлученный от нег и наслаждений королевского двора, оказался по воле рока заброшенным в украинские степи, где принужден был бороться с безжалостной смертью, женщина, ставшая причиной его горестей, искупала свой проступок не менее удивительным образом.

Жестоко уязвленное самолюбие ее мужа не насытилось бесчеловечной карой, обрушенной на юного любовника; ослепленный гневом, он задумал так наказать супругу, чтобы, не лишая жизни, публично ее опозорить и тем отомстить за свой срам и представить устрашающий пример всем женам, попирающим святость семейного очага.

Для исполнения своего столь же бессердечного, сколь и необычного плана он велел приготовить черную, наподобие сельских погребальных дрог, повозку и запрячь ее парой черных же волов. Грешница, одетая в черное и укрытая черным покрывалом, была усажена в этот невиданный экипаж напротив капуцина, который непрерывно читал ей проповеди и всенародно обличал ее вину. Впереди, оседлав черного вола, ехал жолнер со стягом, на коем написан был приговор несчастной женщины. Под крики глумливых зевак позорный кортеж отправился в долгий многодневный переход к истокам реки Прут, в карпатское имение магната, где Тереза

(так звали осужденную), запертая в скиту, обречена была прожить остаток дней в слезах и раскаянии.

Хотя тогдашняя Польша не славилась строгостью нравов и скандалы вроде описанного были даже модны в самых высоких кругах, все же наказание, коему подверглась Тереза, оказалось довольно снисходительным в своей необычности по сравнению не только с десятью заповедями, но и с другими гражданскими установлениями, предписывавшими побивать неверных жен камнями. Тереза, будь ее воля, предпочла бы стыду казнь; к тому же ее горе усугублялось беременностью, а впереди ждала пожизненная ссылка в диком краю, среди разбойников и хищных зверей.

Но предоставим несчастную ее судьбе и вернемся на Украину, куда перенес Мазепу вольный степной конь.

Солнце уже почти скрылось за горизонт, и тьма стала окутывать туманной шалью два безжизненных, слитых воедино тела, когда некий казак, возвращавшийся с охоты, был привлечен лаем гончих, издалека почувявших что-то необычное. Повернув за ними, охотник едва не наткнулся на полускрытого травой и сумерками кентавра. Собаки, повизгивая, пятились, но храбрый казак, осенив себя крестным знаменем, приготовил ружье и, видя, что на его робкий оклик ответа нет, склонился над трупом и разглядел привязанного к нему человека, в коем еще теплилось дыхание. Ужаснувшись открытой тайне, казак перерезал путы, с помощью сына взвалил Мазепу на спину и поспешил отнести его к себе домой, на близлежащий хутор. Заботами доброго спасителя, его семьи и сбежавшихся к его дому казаков Мазепа был постепенно возвращен к жизни. Благо-

детельный отдых и молодость сделали свое: здоровье вернулось к юноше, а затем, поведав хозяевам о страстной своей любви и о жестокости самовластного магната, он завоевал их сочувствие и укрепил их в ненависти к полякам. Приятные манеры Мазепы, его миловидность и храбрость, наконец быстрый пронцательный ум и сноровка в военном деле привели к тому, что через короткое время казаки уже восхищались им и с охотою вписали в свое войско. Перенесенные страдания и чудесное спасение от страшной участи сделаться, как говорят простолюдины, волчьей сытью, гостеприимство, с которым встретила его мятежная вольница, в корне переменяли легкомысленный характер молодого пажа и превратили его в сурового воина.

Между тем вражда между Речью Посполитой и казаками росла и ширилась. Гетман Богдан продолжал настаивать на обещанных и поправленных шляхтой казацких привилегиях, что привело к новому кровопролитию.

Молдовой правил тогда Василе Лупу, государь мудрый и предприимчивый, известный национальными и гражданскими реформами, проведенными в стране, и, между прочим, восстановлением румынского языка в церкви и делопроизводстве. Но не только сии преобразования вкупе с огромными богатствами принесли ему славу: по всей Европе ходили слухи о неслыханной красоте трех его дочерей, что, впрочем, составляя гордость княжеского дома, прибавляло ему немало государственных забот, ибо многие чужеземные государи и владетельные вельможи надеялись породниться с молдавским властелином. Одна из его дочерей вышла за коронного маршала Радзивилла, и этот брак сделал Молдову в некотором роде политической союзницей

Польши. Однако Богдан, господствовавший на левобережье Днестра, не желал терпеть близости влияния, мешавшего его планам. К тому же его одолевала страсть всех людей, вознесенных фортуной из низов к вершинам власти: он стремился вместе со своей семьей и народом подняться из вековой униженности, для чего решил стать сватом Василе Лупу, тем более что это отвечало и его политическим целям.

Сей замысел зародился в сердце его сына Тимоша, который был много наслышан о чарах княжны Руксанды, младшей дочери господаря, и хотел удостовериться в них своими глазами. Поразмыслив, он доверил свой план Мазепе, который, как мы уже знаем, имел немалый опыт по части любовных приключений. Переодевшись татарскими купцами, оба тайно проникли в Молдову и к концу страстной недели достигли Ясс.

Результатом этой вылазки, в ходе которой молодому казаку удалось, оставшись незамеченным, повидать княжну, стало то, что, благополучно воротясь на родину, он рассказал отцу не только о прелестях Руксанды, но и о царственном блеске господарева двора, из чего следовало, что задуманный союз принесет ему, Тимошу, счастье, а Украине удачу в политических делах.

И вот, в то время когда князь Вишневецкий выразил намерение взять в жены сестру Руксанды, а некий венгерский граф посватался к ней самой, Богдан по весне отправил в Яссы пышное посольство с требованием отдать Руксанду за Тимоша. Молдавский господарь, однако, считая Богдана непросвещенным варваром и мятежником против союзной Польши, предупрежденный к тому же своим зятем Радзивиллом, отказал гетману

в сватовстве, затеянном с такой помпой. Долгие переговоры, смягчившие в конце концов этот отказ, вызванный происками Кракова, лишь усилили ненависть Богдана к республике.

С тех пор он действовал еще решительнее и не только вооружил закрепощенный народ, но и призвал чернь к разделу польских имуществ, а также поднял знамя войны против католичества за торжество православной веры. Турция, сильнейшая в ту пору держава, поднесла Богдану титул князя Украинского, а константинопольский патриарх послал ему освященную саблю, реликвии и отряд греческих миссионеров во главе с архиепископом Коринфским. 300-тысячное войско казаков и союзных татар вторглось в самое сердце Речи. Мазепа бился в авангарде, взыскуя мести; двор магната, обидчика своего, предал он огню и мечу, так что только дымящиеся руины дотлевали там, где высился некогда надменный замок. Все усилия, предпринятые им для разыскания следов несчастной Терезы, остались тщетны. Польша уже не верила в избавление. Краков обезлюдел, знать бежала в Германию или на берега Балтики. Тогда же Тимош с сильной армией пошел на Молдову, намереваясь оружием добыть то, чего не мог добиться мирным сватовством. Польский корпус под командованием Потоцкого, пытавшийся воспрепятствовать сему вторжению, был наголову разбит у Батеуц, равно как и молдавский отряд, загородивший Тимошу днестровские переправы. Несмотря на это Василе Лупу отвергал требования победителей, пока бояре, встревоженные угрозавшим стране нашепствием, не обратились к нему с единодушной мольбой, заклиная согласиться на брак

Руксанды ради спасения отечества.

Сразу после этого вооруженные казаки превратились в мирных гостей, и в июне 1652 года в Яссах была пышно отпразднована свадьба Тимоша и Руксанды. Праздничные торжества длились целый месяц, в течение коего казаки беззаветно предавались врожденной склонности к пирам, а затем счастливый жених вместе с прекрасной невестой вернулся на Украину, в свой дикий степной край.

Сей брак, хотя и нежеланный, представлял все же опору для Молдовы в отношениях политических, тем более что новая буря уже надвигалась на эту землю. Система выбора правителя, которая после заката династии Драгошей многократно приводила к возмущениям в стране и вмешательствам из-за рубежа, явилась и на этот раз причиной целого ряда осложнений. Василе Лупу не был уроженцем Молдовы, но с такою пользою для нее служил смолоду во всех общественных отраслях, что заслуженно получил права гражданства и был избран господарем, какую должность с блеском отправлял около двадцати лет. Однако упомянутая система, позволявшая каждому боярину претендовать на трон, а также интриги соседней Мунтении вызвали заговор против молдавского князя. На страстной неделе 1653 года Василе Лупу почтил своим присутствием божественную литургию в монастыре Арона-водэ, которую служил проездом через Молдову в Москву патриарх Антиохийский Макарий. Тогда-то некий монах и передал господарю тайный донос, из коего явствовало, что великий логофет Георгицэ Стефан² в сговоре с Матеем Бесарабом, князем мунтянским, и графом Ракоци из Трансильвании намерен свергнуть его с трона и умертвить. Одновременно пришло

сообщение о том, что соединенная армия венгров и мунтян под командой Кемени пересекла границу и продвигается на Яссы. Надежд на молдавское войско, сильно сокращенное в численности по совету коварного Георгицэ, было мало, и вероломно преданный господарь счел за лучшее закрыться с семейством и казной в Хотине, а затем, перебравшись за Днестр, уйти в крепость Каменец, под защиту своего зятя. По велению старого Богдана корпус казаков, предводительствуемый Федоренко и Мазепой, перешел Днестр, соединился с приверженцами Лупу и неподалеку от Ясс, у села Поприканы, нанес противнику столь сокрушительный удар, что Кемени со своими венграми и логофетом Георгицэ без оглядки бежал в понизовье, в горы, а Василе Лупу снова оказался на престоле.

Вознамерившись отомстить Матею Бесарабу, который из недавнего друга превратился в непримиримого врага, господарь при поддержке казацкого корпуса Мазепы предпринял поход в Мунтению. Причиной поспешности экспедиции являлась надежда настичь беглецов и отнять у них добычу и пленников, захваченных ими в Яссах. Среди них находилась дочь одного преклонных лет боярина, которая по красоте и добродетели была украшением своего пола и единственной наследницей родителя. Слезы и жалобы старика тронули Мазепу, и он поклялся, что вырвет девушку из рук похитителей. Воспламенившись рыцарскими чувствами, он выбрал трех лучших казаков и столько же молдаван и, опередив свое войско, быстрее ветра поскакал по следу беглецов, с которыми внезапно столкнулся лицом к лицу поблизости от Панчиу. Кемени, весьма удивленный дерзостью этой горстки

храбрецов, прежде чем атаковать их и уничтожить, попросил объяснений, которые и были даны Мазепой в тоне, склонившем венгерского военачальника выслушать пропозицию смельчака. Мазепа с жаром воззвал к благородству Кемени, к его прославленному великодушию и солдатской чести, не позволяющей воинам пятнать себя преступлением и разбоем. В конце своей речи он потребовал освободить девушку, злодейски похищенную из лона семьи, а если похититель на это не согласится, он, Мазепа, готов решить дело поединком. Пораженный Кемени одобрил выставленные условия.

После короткого розыска выяснилось, что девушку захватили три брата, старший из которых принял вызов. Когда был установлен порядок дуэли, венгерское войско отошло на тысячу шагов от очерченного круга, внутри коего, с одной стороны, остался Кемени с пятью венграми, в том числе виновниками похищения, и девушка, трепетно ожидавшая исхода боя, а с другой — Мазепа и пять его соратников. По данному сигналу противники спешили и выхватили сабли. Венгр, ослепленный яростью и страстью, больше помышлял о нападении, чем о защите, но когда он бросился к Мазепе, стремясь нанести ему смертельный удар, тот неожиданно метнул палицу, которая разом свалила его с проломленным черепом. Братья погибшего, взбешенные этой уловкой, кинулись на Мазепу с саблями, нарушая предварительную договоренность. Но куда младший из них пытался привести в чувство поверженного брата, Мазепа, отступя и ловко извернувшись, пронзил среднего, и он упал, захлебываясь собственной кровью. Затем Мазепа смело двинулся вперед и во мгновение ока сокрушил третьего врага. Свидетели кровавого побоища словно

окаменели. Воины, в отдалении наблюдавшие за поединком, охотно отомстили бы за смерть троих братьев, если бы не должны были блюсти обещанный нейтралитет. Восхищенный доблестью казака, Кемени передал ему девушку, ставшую причиной этой романтической сцены, а сам, озабоченный приближением армии Василе Лупу, не замедлил отступить через горы в Трансильванию.

Прибывшие вскоре основные силы молдаван и казаков воздали спасителю девушки надлежащие почести, особенно же радовался ее отец, который, невзирая на свои седины, препоясался мечом ради освобождения дочери. Не было конца изъявлениям его благодарности и ликования, тронувшим сердца всех очевидцев. В память об оном знаменательном дне и гибели трех братьев Мазепа посадил на холме, на месте боя три ели, которые и дали тому месту название Б р а з и й, сохранившееся поныне.

По свершении описанных подвигов Мазепа вернулся на Украину, а Василе Лупу с казаками Тимоша продолжил поход в Мунтению, где после ряда блестящих побед над Матеем Бесарабом потерпел 17 мая 1653 года поражение от венгро-румынских войск, пришедших на помощь Георгицэ Стефану. Господарю пришлось бежать за Днестр, к Богдану, а Тимош, преследуемый неприятелем, закрылся с 8000 казаков, женой и тещей в Сучаве, где хранилась большая часть молдавской казны.

С той поры звезда Василе Лупу, этого выдающегося государя-преобразователя, повернула на закат. Он искал спасения на Украине, где война с Польшей поглощала все силы Богдана и где отвага и хитрость Мазепы были нужнее. Молдова являла в ту пору печальное зрелище: она оказалась центром

столкновения трех наций, каждая из которых преследовала собственные интересы. Осада Сучавы длилась три с половиной месяца. Отборные венгро-румынские войска, среди которых находился и претендент Стефаницэ со своими сторонниками, непрерывно обстреливали фортецию из пушек, на что осажденные отвечали с не меньшей энергией, доблестно обороняя как сокровища господаря, так и своего предводителя Тимоша и его семью. Казаки и татары, посланные все же на выручку Сучавы, уже перешли Прут, когда шальной осколок вражеского ядра, взорвавшегося над крепостью, оборвал жизнь Тимоша, и упавший духом гарнизон сдался на милость победителей. Доставшиеся им богатства были поделены между Бесарабом, венграми и претендентом. Судьба жены и дочери Василе Лупу оставалась неизвестной, а сам он, узнав о капитуляции, укрылся в Крыму. Через несколько лет после этой катастрофы, изгнавшей с молдавской земли сего достойного правителя, сошел с подмостков истории и славный Богдан Хмельницкий.

Этот необыкновенный человек сыграл на сцене мировых событий значительную роль: великий политик, мужественный воин, властительный гетман, он жил как простой крестьянин, принимая послов коронованных особ в той же хижине, где обитал со своей женой. В течение десяти лет одно его имя приводило Польшу в трепет, и соседняя Молдова ощутила тяжесть его десницы. Не сумев осуществить план конфедерации Украины с Польшей, он отдался под покровительство царя Алексея, отца Петра Великого. И если Польша впоследствии распалась, постепенно мельчая, то казаки оказались первыми, подпавшими под иго царей.

При Яне Собеском после множества происходивших на Украине и в Молдавии злоухищрений и стычек между поляками и турками последние отдали правобережную Украину молдавскому господарю Дуке³, имевшему в Немирове своего заместителя. Когда же они потерпели поражение под Веной, левобережный гетман Самойлович передал булаву, бунчук и знамя войсковому есаулу Мазепе, и тот, видя, что турки продолжают попира́ть целостность Украины, обратился за помощью к Петру, который, оценив влияние Мазепы на казаков, даровал ему титул князя Украинского. Новоиспеченный же князь, будучи в годах более чем зрелых, нашел в себе, однако, довольно сил, чтобы не только провести реформу казачьего войска, но и предпринять попытку отложения Украины от Веллкороссии в ту именно пору, когда Петр, став императором, проявил намерение собрать под своим скипетром провинции, населенные славянами. Здесь и таится корень секретной связи Мазепы с Карлом XII, упорно препятствовавшим всем начинаниям возродителя России.

В 1708 году Карл выступил из Саксонии с 45-тысячной армией и, рассчитывая на обещанное Мазепой войско и провиант, персправился через Березину, которая век спустя стала роковым рубежом для отступающих солдат Наполеона I. Несколько раз побежденный шведами, Петр продолжал преследовать вражескую армию до Десны, куда Мазепа привел подкрепление Карлу, насчитывавшее, впрочем, только 2000 казаков, потому что весь народ не хотел сражаться против русских. Затем Карл вместе с Мазепой пошел к Полтаве, и там 27 июня 1709 года произошло достопамятное сражение, результатов

которого, затаив дыхание, ждала Европа. Риск был неравный: гибель Карла лишила бы мир одного героя, смерть Петра похоронила бы вместе с ним обновительные надежды России. При самом начале баталии Карл был ранен в ногу и в дальнейшем руководил движением войск с носилок. Обе армии, равно как и водители их, показывали чудеса храбрости, однако ядро, убившее носильщиков короля, приблизило шведов к конфузии. Битва была проиграна: 14 000 шведов с генералами сдались в плен, а Карл и Мазепа с небольшим отрядом бежали в Молдову, именно в Варницу близ Тигины, то есть Бендер, надеясь склонить турок к войне с Россией. Но все их усилия были бы тщетны, если бы татарский хан не поднял тревогу в связи с колоссальными планами Петра на Азове. Удостоверясь в опасности, грозившей Порте, великий визирь Кюперли двинул к Дунаю мощную армию, и было это вскоре после того, как он провозгласил господарем Молдовы Дмитрия Кантемира, полагаясь на его верность Стамбулу.

Однако сей господарь заключил с Петром тайный трактат, согласно которому отдавал Молдову под защиту двуглавого орла и обещал выставить армию против турок. Прервав преобразовательную деятельность, Петр в сопровождении своей супруги Екатерины, немки, возвысившейся от пленницы до императрицы, повел на соединение с новым союзником войско, коему встречь был уже собран корпус молдаван, на чью помощь он особенно рассчитывал. После трехдневного стояния в Яссах, так и не получив решительного ответа от князя Брынковяну⁴, Петр с 25 000 русских и 5000 молдавских воинов поневоле выступил против 100-тысячной турецкой армии,

которая, переправившись через Дунай, поднималась вдоль Прута.

Историческая битва 16 июня 1711 года у Станилешт, близ Фэлчу, когда горсть храбрцев во главе со своим героическим императором, заведомо обреченная на гибель, лишенная снаряжения, провианта и, в разгар зноя, даже воды, отважно сражалась против вчетверо превосходящей армии великого визиря, — эта битва хорошо известна. Только энергия Екатерины спасла Петра, его сподвижников и самое Россию от окончательного краха. И хотя Прутский мир материально был невыгоден для Петра, в тот горестный день император одержал блистательную моральную победу, ибо, оказавшись в крайне стесненных обстоятельствах, решительно отверг требование выдать своего верного друга князя Кантемира. Петр ответил великому визирю: «Я дал господарю слово сберечь его и не изменю, лучше уступлю туркам землю до Курска: мне остается еще надежда возвратить ее, но нарушение слова невозвратимо». После сего Петр с остатками армии, с Кантемиром и тысячью его молдаван ушел в Россию, а позднее он дал им земли для поселения под Харьковом, подчинив колонистов управлению Кантемира. Мазепа же, умерший в 1709 году, был, как один из виновников происшедшей катастрофы, объявлен изменником государя и предан анафеме; набитое соломой чучело его вздернули на виселицу.

В преддверии сих великих событий Карл XII, пребывавший в Варнице, бывал не раз поощряем Мазепой препятствовать заключению мира меж Стамбулом и Санкт-Петербургом, но, убедясь в неуспехе своих происков, осенью 1714 года после пятилетней добровольной ссылки, переодевшись немецким дра-

гуном, проехал через Молдову, Трансильванию, Германию и из Штральзунда переправился в Швецию, где вскоре погиб.

Мазепа, убеленный сединами и уставший от ударов судьбы, и в последние годы жизни не терял надежды послужить Украине. Расставшись с Карлом, он решил самолично предпринять поездку в Константинополь. Молдова была знакома ему с юных лет еще по эпохе Богдана и Тимоша, и на пути в Галац он с грустью припомнил свой пятидесятилетней давности рыцарский подвиг, совершенный ради освобождения боярской дочери.

Ведомый сими воспоминаниями, достиг он холма, где некогда сразился в одиночку с тремя венграми, и едва мог узнать место поединка. Три малых деревца, посаженных им, выросли и превратились в раскидистые мощные ели; под их могучими ветвями приютился неприметный скит, служивший убежищем бедным монахиням, удалившимся от мирских сует. Найдя там, по обычаю подобных заведений, скромное гостеприимство, Мазепа захотел узнать, каким образом пустынное это место стало душеспасительной обителью. Пожилая игуменья рассказала ему, что в 1653 году в пору смут и потрясений, некая замечательной красоты девица, похищенная набегниками, была по изволению божьему чудесным образом освобождена славным иноземным рыцарем, в память какового избавления отец девицы и основал сию обитель.

Мазепа, взволнованный рассказом монахини, возродившим в его душе образ юности, ласкаясь мыслию, что хоть одно из его деяний обрело прочное признание, пожелал, не открывая себя, узнать также историю самой рассказчицы.

«Мое происхождение мне неведомо,— от-

вечала достойная женщина,— знаю только, что матушка, спасая меня от татар, бежала сюда из Польши, от истоков Прута. Ее точила некая печаль, и, умирая, она поведала мне, что была когда-то женой вельможного кастеляна, с коим разлучила ее жестокая судьба. Во искупление своего греха заклонила она и меня принять постриг, что я и сделала, денно и ночью молясь с тех пор за упокой ее души!» Свою исповедь игуменья завершила горькими слезами и вздохами.

Но кто мог бы описать боль, нежность и изумление, которые каждое слово этой повести пробуждало в сердце старого Мазепы? Вглядываясь сквозь подступившие слезы в лицо черноризицы, он признал в ней свое дитя — дочь несчастной Терезы, которая из-за него лишилась чести и благополучия и подверглась столь же разительным, сколь и безжалостным ударам рока. В конце концов, не в силах противостоять буре, поднявшейся в его душе, вскричал он, борясь с рыданиями: «Приди в объятия своего отца, дочь Терезы, чьего греха и горестного удела я один был виной и причиной! Ныне же милостивый господь доставил мне случай покаяться, а тебе — собственноручно закрыть мои глаза на смертном одре, рядом с могилой твоей незабвенной матери!»

Услышав эти слова, пролившие луч света на тайну, скрывавшую прошлое Терезы, монахиня упала к ногам старика и в отеческих его объятиях нашла первое утешение после кончины своей родительницы.

Описанный случай разом преобразил и воинственную натуру Мазепы: навеки простясь с политикой и великими планами, он посвятил остаток дней своих благочестию и смиренным размышлениям о боге. Вместе с дочерью

собрался он совершить паломничество в Иерусалим, дабы просить там о разрешении наложенного на него проклятия, а затем завершить в скиту Бразий свои бурные дни. Итак, оба направились в Галац, надеясь оттуда продолжить путешествие. Но богоугодным намерениям Мазепы не суждено было сбыться, ибо в этом городе настигла его смерть. Господарь Николай Маврокордат, перенявший трон Кантемира и предоставивший почетное убежище экс-королю Польши Станиславу Лещинскому, сыгравшему известную роль в политической драме Петра и Карла, повелел, узнав о кончине Мазепы, устроить ему пышное отпевание в храме пречистой богородицы Марии и написать на могильном камне, что после долгих земных скитаний прах Мазепы обрел там вечный покой⁵. Говорят, дочь усопшего сходила все же на богомолье в град божий и, не умея совершить выбор между обителью, где умерла ее мать, и Галацем, где упокоились бранные останки Мазепы, предпочла мирно опочить у нетленной могилы Спасителя.

ДНЕВНИК МОЛДАВСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Государственные законы Китая не разрешают подданным покидать пределы страны и тем более перенимать иноземные обычаи. Поэтому искусные во всяких ремеслах китайцы чрезвычайно медленно развивают науку и едва ли продвинулись ныне дальше, чем были пятьсот или тысячу лет назад. Так же и перед молдочанами, не всем располагающими в избытке, встает угроза замешкаться в национальном развитии, если те, кто желает его своему народу, сами не будут содействовать сему труду, изучая у наших соседей полезные заведения и порядки, ремесла и хозяйственные орудия для скорейшего введения их у себя на родине. Хотя моя нынешняя поездка не позволяет доставить отечеству такую пользу, мне все же удалось, насколько возможно в скором путешествии, сделать кое-какие заметки, которые, чаю, хотя бы частично восполнят отсутствие у нас описания дороги в Санкт-Петербург и самой этой блестящей столицы.

Итак, начну с северного рубежа старой Молдовы, т. е. от реки Днестр, которую римляне называли Тирас, или Данастер. Ее скалистые берега и прозрачные воды не раз обагрившись кровью наших предков, пролитой за родину, не раз откликались эхом на стоны закованных в цепи отроков и девиц, угоняемых врагами в горькое рабство и бросающих с чужого берега последний взор на милую отчизну...

От Хотина за Днестром начинается Подоль-

ская губерния, присоединенная к России в 1795 году. Климат здесь умеренный, почвы весьма плодородные, а изобилие скота облегчает обработку земли, так что производство пшеницы и ржи доходит до 20 тысяч пудов, из коих $\frac{2}{3}$ перегоняют на водку, а $\frac{1}{3}$ назначают для продажи за границу. Среди других усовершенствований отмечу посадку тутовника для разведения шелковичных червей. Число жителей губернии превышает один миллион поляков и русинов, католиков и униатов со своими епископами. А православный епископ именуется Каменецким и Брацлавским. Местечки населены множеством жидов, держащих в руках торговлю, корчемный промысел и другие доходные занятия. Главный город губернии, Каменец, удаленный от Ясс на 48 миль (или 96 часов езды), а от С.-Петербурга на 306 миль (612 часов), расположен на высокой скале, обегаемой рекой Смотрич. Если бы противоположный берег этой реки не был от природы выше, нежели сказанная скала, Каменец в свое время превратился бы в неприступную крепость, а ныне она пребывает в запустении. Турки насилу захватили ее в 1672 году и держали 27 лет. В память о той эпохе рядом с католическим собором остался минарет, называемый Фара. Город известен хорошей гимназией и несколькими красивыми церквями. Знаменитый Ян Собеский, избранный впоследствии королем Польши, 11 ноября 1673 года одержал вблизи Хотина блестящую победу над султаном Магометом IV, причем поляки были поддержаны 8-тысячным отрядом молдаван, которые, поневоле выступив на стороне турок, перед битвой обернули оружие против них, потому что визирь Юсуф-паша, разгневавшись за что-то на молдавского господаря Петричейку¹, в ярости ударил его палицей. Молда-

ване сражались в этой баталии с таким мужеством, что, прорвавшись в гущу оттоманского войска, Петричейку собственноручно ранил визиря и тем повершил триумф дня.

От Каменца начинается почтовый тракт, род шоссе, пересекающий хорошо возделанные холмы и ведущий за 88 верст в местечко Проскуров на реке Буг. В 136 верстах оттуда, забирая по ухоженным равнинам несколько к востоку, расположен город Бердичев Волынской губернии, южные земли которой считаются самыми плодородными в империи. Город этот, принадлежавший некогда польской фамилии Радзивиллов, населен по большей части жидами, занимающимися торговлей, особенно конным барышничеством; кони там хороши и породисты. В Бердичеве много красивых домов. Более других привлекает внимание католический кармелитский монастырь. До губернского города Житомира оттуда 47 верст. Житомир, сердце Волыни, насчитывает около 6000 жителей, которые торгуют полотном, кожами, воском, салом и солью, доставляемой из Галиции. Продается там одобештское, под именем французского, вино, по 2—3 рубля бутылка. Улицы широкие, мощеные, а деревянные дома, строенные по всем законам зодческого искусства, радуют глаз изящной отделкой. Губернию населяют поляки, литовцы, русины и татары, общим числом миллион семьдесят тысяч душ. Среди поляков много однодворцев и мелкопоместных дворян.

От Житомира к северу тянется обширная низменность, ограниченная с востока Днепром, а с запада — грядой предгорий, откуда берет начало немало рек, впадающих в Балтийское и Черное моря. Эта равнина, расположенная на уровне моря и простирающаяся на 80 миль, изобилует озерами и стоячими болотами; почвы

песчаные, поросшие березой, елью и дубом; есть железные рудники. Обитающие в этих сырых дебрях люди, а также скот в основном низкорослы. Главные отрасли промышленности — рубка леса и смолокурение. Выкорчевав ель, рубят ее корни намелко, укладывают в форме конуса (наподобие сахарной головы) на чистой глинобитной площадке и, присыпав землю, поджигают снизу, как это делают углежоги, устроив сток во вкопанные сбоку сосуды. Медленное горение разлагает содержащуюся в древесине камедь, или живицу, и через 10—15 дней сосуды заполняет пахучая вязкая смола, какую возят и к нам. Сходным образом добывается из березовой коры деготь. Леса в том краю столь велики и густы, что кажутся бесконечными, а города и села словно ютятся на полянах. Несмотря на это, о разбойниках или ворах там слыхом не слыхивали, и путешественник может даже ночью спокойно ехать без вооруженной охраны. В борьбе со злом правительство применяет средства моральные, неустанно попечительствуя о евангельском воспитании и благополучии жителей, отсутствие коего чаще всего и уклоняет человека от его долга: в каждом, даже самом маленьком городке есть школы, в которых юношество приучается, между прочим, и к воинской дисциплине, для чего введено ношение мундиров.

Дорога отсюда и дальше песчаная, обсаженная до самой столицы высокими и красивыми, в четыре ряда, березами. В 230 верстах от Житомира находится городок Мозырь на реке Припять, притоке Днепра, который древние называли Борисфеном. Далее, через 77 верст, протекает Березина. Обе эти реки намятны россиянам: первая тем, что через нее в 1708 году переправился король шведский Карл XII,

устремившийся отсюда к своему поражению под Полтавой, а вторая — последним разгромом наполеоновской армии 15 ноября 1812 года. Волны этой реки, словно напоминая о жестоких битвах, отдают багрецом.

Днепр, одна из величайших европейских рек, начиная от Смоленска судоходен. Далее дорога ведет к лежащему на высоком днепровском берегу городку Рогачеву, старинному владению графа Сапеги в Могилевской губернии. Главный город ее лежит в 102 верстах и делит на две половины путь от Ясс до С.-Петербурга. Устроенный на возвышенности, Могилев был в старые времена укреплен. Теперь он приведен в порядок, застроен деревянными домами и украшен храмом на площади, возведенным Екатериной II в память о встрече с императором Иосифом II. Число жителей достигает 10 тысяч, пятую часть из них составляют евреи. В Могилеве 22 кожевенных фабрички, а всех жителей губернии 800 000 душ православных, католиков и униатов с архиепископами. Губерния производит в основном строительный, а особенно корабельный лес. В 72 с половиной верстах от Могилева стоит Орша со множеством католических монастырей. Отсюда, по переправе через Днепр, тракт ведет на восток, в Москву, а ежели ехать левым берегом, огибая его, то на Петербург.

Миновав ряды невысоких холмов, дорога вступает в Витебскую губернию по низменности, сходящей к Балтике, а сам Витебск, уже на Двине, удален от Могилева на 85 верст. В этой старой крепости живут 13 тысяч поляков, русских и евреев. Здесь есть красивый католический монастырь с 3 церквями, 11 православных храмов, 3 синагоги, склады, больницы и прекрасные школы монашеского ордена пиаристов. В губернии много больших

озер, и песчаная дорога, ведущая между ними в Петербург, на каждом шагу обнаруживает знаки, что Балтийское море отступило отсюда позднее, чем из каких-либо других мест. Растят здесь главным образом коноплю, разводят пчел, белую породу коров и некоторое количество бесхвостых овец. Местные леса дают много отличного поташа (калийной соли) для фабрик, а число жителей составляет около 700 000 русских, поляков и евреев.

От Витебска, через Сураж-Усвят, находится в 16 верстах принадлежащий к Псковской губернии город Великие Луки, вплоть до которого простиралось некогда старое Польское королевство. Преодолев возвышенные холмы, среди которых течет Двина, дорога от Витебска на Великие Луки следует среди песчаных пустошей, покрытых сумрачными лесами и такими обширными озерами, что по одному из них, именуемому Сороть, ходят парусные суда, груженные товаром. Почвы Псковской губернии не благоприятствуют земледелию, что вынуждает крестьян к упорному труду, благодаря которому они не только обеспечивают себя, но и получают почти миллион четвертей пшеницы на вывоз. Высокоценный лен, конопля, воск, кожи и смола образуют основу торговли для миллиона с половиной жителей, подчиненных в религиозном отношении архиепископу Псковскому. Хотя северное лето начинается поздно, а кончается рано, творец в своей неизреченной мудрости устроил так, что летний день здесь весьма долгод и солнце успевает одарить землю потребным для произрастания всходов теплом. Здешние июнь и июль можно считать сплошным днем, прерывающимся после захода солнца лишь на 2—3 часа. Известно, что по мере продвижения к северу летние дни становятся все длин-

нее, так что есть поселения, где солнце не-
закатно светит три месяца кряду, зато столько
же длится и зимняя ночь.

Приближение к Балтийскому морю напоми-
няет мне, что стяги молдавского войска раз-
вевались некогда и на сих пустынных бере-
гах. В 1423 году господарь Александр Добрый,
своjak и союзник польского короля Ягайлы,
направил последнему на подмогу против тев-
тонских крестоносцев молдавский корпус. Наши
одержали победу в сражении и гнали неприя-
теля до стен Мариенбурга, после какового
триумфа вернулись на родину с богатой до-
бычей. Этот и многие другие подвиги пока-
зывают, что наши предки искусно владели
оружием и тем уберегли в бесчисленных бу-
рях свое политическое бытие. Но, как гово-
рится, *другие времена — другие заботы*. Ныне,
благоуверенные в этом бытии, мы должны смело
обратить наше гражданское мужество к иско-
ренению предрассудков, мешающих нам идти
по открывшемуся пути счастья. Впрочем, вер-
немся к берегам, от которых мысленно уклони-
лись.

Великие Луки, удаленные от Витебска на
161 версту, расположены на обоих берегах реки
Ловати, впадающей в Онежское озеро (по-
верхность коего составляет треть Молдовы).
В городе есть небольшая крепость, 9 церк-
вей, 27 мастерских, вырабатывающих юфть.
Жидам здесь жить не дозволяется, однако они
еще встречаются в Усвяте, где их женщины
по старинному обычаю носят на головах чалмы.

В 191 версте от Великих Лук находится
городок Порхов, бывший в старину одной из
крепостей Новгородской республики; остатки
крепостных стен местами видны и ныне. Жи-
телей там примерно тысяча, торгует Порхов
льном и коноплей. Вдоль всей дороги путник

может найти приют в почтовых станциях, а редкие поселения встречают его гостиницами, выстроенными попечением благоустроителей рядом с почтой. Красота этих зданий в сочетании с удобствами, которые находит проезжающий, напоминает боярские дома.

В 38 верстах от Порхова начинается Петербургская губерния, которая, прежде чем ее отвоевали у шведов, называлась Ингрией, почему и говорят, что венгры ведут свой корень из этих мест. Здесь насчитывается 600 000 чухонцев, угров и немцев, развивающих промышленность в столице и ее окрестностях. Дикая десь, среди коих мерцают, подобно светлым полянам, многочисленные озера, оживляются прекрасными храмами и дворцами, чьи блестящие башни и раскрашенные фасады производят отрадное впечатление. Вблизи столицы таких дворцов становится больше; летом в них проживают владетельные собственники, обладающие правом поднимать над фронтоном фамильный вымпел.

Проехав 134 версты от Порхова по болотистой дороге, мощенной словыми бревнами, попадаешь в городок Лугу, стоящий на одноименной реке, а дальше, в 96 верстах, находится город Гатчина с 3000 жителей и императорским дворцом. Он был выстроен как место развлечения для графа Орлова², а в последнее время принадлежал покойной вдовствующей императрице Марии Федоровне³. Дворец строен и величав, в нем радуют глаз прекрасные покои, галереи и мраморные статуи, а также много иных ценностей.

Обширный дворцовый парк устроен в английском вкусе: он пересекается множеством каналов, через которые переброшены изумительные гранитные и чугунные мосты, связывающие между собой аллеи. На радость цар-

ственному семейству по просторным прудам скользят небольшие парусные суда, называемые по-английски яхтами. В Гатчинском дворце находилась летняя резиденция милосердной императрицы Марии, имя которой с благоговением произносят сироты и филантропы. Эта государыня с вершины блистательного трона простирала нуждающимся щедрую руку и тем освятила свои долгие дни. Под ее покровительством находились все благотворительные учреждения империи. Единственной ее утехой было устраивать их и им споспешествовать. Здесь же, рядом с дворцом, она учредила сиротский приют, где 1000 бедных мальчиков и девочек получает начальное образование, после чего их переводят в петербургские школы для обучения наукам и ремеслам, каждого в соответствии со склонностями и талантом. Так многие дети, оказавшиеся жертвой ранней кончины родителей или иных роковых обстоятельств, становятся полезными членами общества...

Широкая равнина, которую остается преодолеть, прежде чем вступить в имперскую твердыню, носит признаки культуры и близости к столице. Цивилизация превратила эти дикие места в щедрые цветущие поля, изобилующие селами, дворцами-павильонами и плодоносными садами. Отъехав от Гатчины 22 версты, по благоустроенному шоссе путник попадает в Царское Село, иначе именуемое София, где находится главный дворец, в коем августейшее семейство проводит часть лета.

Екатерина I построила здесь каменные палаты в 16 светлиц, а нынешний дворец, один из самых значительных в Европе, был возведен в 1745 году графом Растрелли¹ по повелению императрицы Елизаветы. Длина его составляет 140 сажень, не считая флигелей-

крыльев, соединенных с основным строением арками и обнимающих овальную площадь перед дворцом; привлекает взгляд прекрасная решетка чугунного литья; трехэтажный фасад украшен колоннами, кариатидами и статуями, которые, как и вся кровля дворца, были позолочены; теперь, однако, за древностью лет позолота сошла и заменена бронзовой краской.

Внутренние помещения дворца соответствуют его внешнему величию. Все покои и аудиенцзалы украшены по-своему; стены одеты то мозаичными янтарными панно, то бесценными картинами, то зеркалами, оправленными драгоценными камнями, как-то: агатом, яшмой, сапфиром, жемчугами. Довершают зрелище античные изваяния и деревянная мебель из всех стран мира. Достояна внимания и придворная часовня. Екатерина II, между прочим, пристроила к дворцу чудесную ионическую колоннаду и, на уровне второго этажа, маленький висячий сад, полный дивных цветов и растений; от сада ведет к павильонам и галереям не лестница, а пологий пандус. Путешественник, побывавший в странах европейского Юга, где природа и культура доставляют столько наслаждений, окидывая взглядом здешний дворец и парк, представляет себя перенесенным, как по волшебству, в те блаженные долины, и только хмурая слъ, береза и рябина пробуждают его грустным шелестом от сладкого сна, оборачивающегося наконец изумлением пред тем, как рука смертного в краю, который, кажется, навеки был обречен оставаться диким, сумела смирить природу и оживить в ней плоды своего гения и цивилизации. В парке перекрещиваются бесчисленные каналы; грациозные суда наподобие военных кораблей скользят по глади прудов, возмущаемой только стаями мирных лебедей.

Здесь возвышается над водой ростральная колонна, воздвигнутая в память знаменитой морской победы, там триумфальная арка увековечила покорение Херсона, и весь парк, похоже, населен монументами, олицетворяющими блеск и славу России. В павильоне, называемом Эрмитаж, имеется на втором этаже покой, где Екатерина могла без помощи слуг принимать гостей за столом, который, как в сказке, сам убирался блюдами или напитками по вкусу пирующих.

Любопытно посетить там же китайский павильон, возведенный по доподлинному образцу, и зверинец, где содержатся прирученные животные из Индии и Кашмира, а также осмотреть многие другие редкости, что, впрочем, потребовало бы нескольких дней пребывания в столь прекрасном месте. По другую сторону почтового тракта император Александр заложил другой парк, который сообщается со старым посредством гигантской гранитной аркады и служит ныне местом прогулок наследника короны. Вернувшись после французской кампании, Александр воздвиг у главного входа в парк триумфальные ворота во славу своего воинства. На обеих сторонах этого монумента сделана по-русски и по-французски надпись: «Любезным моим сослуживцам». Ворота эти, в 12 аршин высотой, целиком вылиты из чугуна и насчитывают с обеих сторон по 8 колонн, называемых пестумом, высотой в 9 аршин, а весит все сооружение 250 000 фунтов. Достояния удивления быстрота, с которой оно было воздвигнуто. 12 мая император сделал заказ англичанину Кларку, и уже 16 августа того же года все было готово, доставлено с завода за 560 верст и установлено так, как мы это видим сейчас.

В одном из крыльев дворца расположен им-

ператорский лицей, где воспитываются 170 знатных юношей, 50 из которых содержатся на государственный счет; после шестилетнего обучения отсюда выходят высшие политические чиновники, отличающиеся глубокой образованностью.

Императрица Екатерина II приказала выстроить здесь церковь св. Софии, повторяющую по форме храм в Константинополе; среди множества дарованных ею украшений особенно хороши высокие гранитные колонны.

От Царского Села до С.-Петербурга 22 версты. Хорошо ухоженное шоссе идет между поселками шведских колонистов и аристократическими дачами. Почтовые лошади пробегают эту дистанцию за 66 минут, и пока нетерпеливый путник, щурясь от дальнего блеска золоченых куполов, всматривается в разворачивающуюся панораму горделивой столицы, карета стремительно выносит его к рогатке (заставе).

Нет ни одного молдо-румына, который не слышал бы от стариков бесчисленных рассказов о величии и могуществе России, коим и в наши дни дала она тысячи доказательств; следует также знать, что основателем этой империи, одной из самых обширных в мире, был славный Петр I, по праву называемый Великим. Высокий дух, отвага и неутомимое трудолюбие этого героя в течение 36 лет его правления произвели на севере Европы такие перемены, которых можно было бы ждать лишь по прошествии веков, и тем подтвердили удивительную истину: один достойный и желающий отчизне блага человек может одушевить ее дремлющие силы и положить начало ее счастью и славе. В истории России запечатлены чудесные деяния этого мужа, неколебимым памятником коим служит сама ее столица.

После того как одержало блестящие победы оружие Петра, стремившегося вопреки проискам Польши и Швеции сблизить Россию с цивилизованной Европой как для развития торговли, так и привлечения иностранных умельцев к затеянной им реформе, решено было здесь, на окраине империи, построить новую столицу. Ни жестокая война с храбрым его недругом Карлом XII, ни дикость невских лесов и болот не могли отклонить Петра от величественного замысла. Итак, почти в самом устье этой прекрасной полноводной реки, впадающей в Балтийское море, на одном из островов, было заложено в 1703 году основание будущей твердыни, которую Петр во имя своего святого покровителя назвал Санкт-Петербургом, самолично позаботившись о планировке дворцов и улиц, о строительстве порта и посадках деревьев, для чего потребовались ему 40 тысяч работных мужиков, согнанных со всей империи. К 1725 году, когда Петр скончался, здесь насчитывалось 109 каменных домов и 354 деревянных. В последующие царствования, особенно при Екатерине II и покойном Александре, та, столица стала одной из самых блестящих в Европе и по праву заслужила наименование Северной Пальмиры⁵. Важнейшая часть города сосредоточена на левом берегу Невы, ширина которой составляет 120 сажень, а местами доходит до 330. Река эта расходится на 10 рукавов и каналов; вторая половина города расположена на 7 островах; в окружности он имеет 30 верст, в диаметре 9; насчитывает 43 улицы, которые, если их вытянуть по прямой, образуют линию длиной в 500 верст.

Екатерининский канал, Мойка и Фонтанка, вытекая из Невы, прорезают городские кварталы и снова вливаются в Неву. Через них

переброшено 10 чугунных, 29 гранитных и 120 деревянных мостов. Число каменных двух-трёх-этажных домов составляет 3200, а деревянных — 5280. Здесь имеется 113 православных храмов и монастырей и 35 принадлежащих другим религиям; жителей всего 300 тысяч душ вместе с гарнизоном.

Одним из украшений города являются красивые высокие пристани и набережные; расположенные вдоль Невы и каналов, они выложены гранитом и ограждены чугунными балюстрадами. Улицы широки — от 10 до 12 сажень, с мощеными тротуарами, которые тем чище, чем чаще их моют дожди; ночью они освещены 5000 фонарей. Город прорезают пять широких улиц, называемых проспектами, из них самый красивый Невский. При первом посещении столицы путешественник непременно придёт к монументу ее основателя у Исаакиевского моста, на площади, которую окружают одноименный собор, здания сената и Адмиралтейства.

Немеркнувшие деяния Петра Великого, наполнившие мир изумлением, стяжали благодарность и преклонение в сердцах россиян перед героем новых веков. В его честь Екатерина II, достойная наследница своего пращура, воздвигла в 1782 году сей монумент. Петр представлен верхом, как бы на гребне обрывистой голой скалы, где его бесстрашный скакун попирает извивающуюся змею. Фигура императора, со вскинутой правой рукой, обращена к Неве, по коей несутся ныне бесчисленные корабли; отсюда видны Академия наук, крепость и Адмиралтейство; кажется, уста монарха шепчут: «Я возвысил науки, армию, флот и торговлю моего Отечества!» Изображения скалы и змеи дают понять, что сему северному Гераклу понадобилась вся его доб-

лесть и упорство, дабы преодолеть препоны сокрушить предрассудки и зависть, тщившиеся обуздать его устремления: из истории видно, что Петр долго боролся с косностью соотечественников, прежде чем принудил их понять, в чем состоит истинное благо родины. Создал памятник француз Фальконе⁶, задумавший и отливший фигуры императора и коня в бронзе; высота их 17 с половиной пядей, вес 44 041 фунт, да еще 10 000 фунтов металла тянет хвост коня, опирающегося лишь на задние ноги. Скала, где стоит монумент, цельная, гранитная. Вначале она была 12 пядей в высоту и 83-х в длину, а весила 4 миллиона фунтов; ее откололи от другой, большей, скалы, на которую Петр, говорят, всходил, бывая в Финляндии. В новой истории неизвестны другие случаи, когда кому-либо удавалось перевезти с места на место такую непомерную тяжесть: это потребовало немало мастерства и не меньших расходов. Теперь, однако, камень под Петром уже не так велик; утверждают, что Фальконе нарочно отесал его, дабы изумление зрителя направить на статую, которая, к слову сказать, меж новейших изваяний совсем неплоха. С обеих сторон камня написаны по-русски и на латыни краткие, но многозначительные слова: «Петру Первому Екатерина Вторая, 1782».

Слева от монумента возвышается новое здание сената, достойное своего имени как величием, так и красотой.

Исаакиевский собор несомненно займет одно из первых мест в свете. Екатерина II, будучи в день св. Исаакия оповещена о Чесменской морской победе над турками⁷, решила, из благодарности провидению, возвести большой храм, который, впрочем, был построен неудачно. Поэтому Александр повелел перестроить

его с невозможнейшим блеском. Французский зодчий Монферран предложил проект по образцу римского Пантеона. Собор имеет форму прямоугольника с перистилем и четырьмя фасадами, два из которых снабжены портиками по 18 колонн красного гранита, а всего поднято 48 колонн высотой в 72 пяди и толщиной в 6, причем каждая весит 8 тысяч пудов. Базисы и капители — бронзовые. Судить о стоимости здания можно по тому, что лишь эти 48 колонн обошлись почти в 5 миллионов рублей. К перистиллю ведут 13 гранитных ступеней. Изнутри церковь округлая, с удлинениями в форме креста и тремя алтарями; наружные стены будут выложены васильковым мрамором, а внутри, по колени, красным и уже выше белым, с такими же колоннами и пилястрами. Внутренняя окружность собора составляет в диаметре 10 сажений, высота до свода, где будут построены пять куполов, 24 сажени. Внешняя длина церкви 48 сажений, а ширина 24. Собор покоится на гранитном фундаменте, уходящем вглубь на 3 сажени, который в свою очередь поддерживают в зыбком болотистом грунте тысячи сосновых свай: ведь вода находится лишь в 10 пядях от поверхности земли. Работы будут завершены в течение пяти лет и достойно увековечат память монарха-обновителя России и Его Величество императора Николая, чьей волей они близятся к окончанию.

Петр I, совершив краткие поездки в Англию и Францию, жил некоторое время в Голландии, где инкогнито обучался искусству кораблестроения, равно как и другим наукам. Вернувшись на родину, он взялся за осуществление любимой мечты — создание русского флота. На берегу Невы заложил он окруженное крепостными стенами здание Адмирал-

тейства с верфями и складами для строительства торговых и военных судов. В 1706 году была спущена на воду бригантина, построенная по его проекту, а в 1718 по Неве проплыл первый 90-пушечный корабль. На его борту Петр устроил пир для товарищей по оружию, причем сам сидел за особым столом вместе с восемью плотниками, помогавшими ему в строительстве этого судна. До кончины императора со стапелей Адмиралтейства сошло 42 линейных корабля и 300 галер. При Александре здание было перестроено, крепость снесена, а на ее месте разбиты прекрасные бульвары с липовыми аллеями. Ныне главное строение имеет 200 саженей в длину и 50 в ширину. Над воротами возвышается квадратная башенка с перистилем, увенчанная позолоченным обелиском-иглой высотой в 33 сажени. К воротам Адмиралтейства сходятся 5 упомянутых проспектов. На вершине иглы весь день развевается флаг. О подъеме воды в Неве публику извещают отсюда три пушечных выстрела. Первое крупнейшее наводнение произошло в 1777 году, а второе, не менее опасное, 7 ноября 1824 года. Следы его сохранились на всех домах; местами они выше человеческого роста.

Помимо главного Адмиралтейства имеются еще верфи выше по течению, с правой стороны Невы, на Охте, а также ниже, на левом берегу. Там строятся линейные корабли, из которых два нынешней осенью были спущены на воду в присутствии Его Императорского Величества, прибывшего на Неву с праздничной флотилией. Во время церемонии священнослужители благословили новое судно и нарекли ему имя, после чего комендант трубным сигналом приказал спустить его на воду; в туче дыма и пыли, поднятой его движением, судно, ускоряя бег, соскользнуло в Неву, валы

которой сперва расступились под неожиданным бременем, но тут же снова сошлись у бортов; гром артиллерийских залпов, звуки музыки и восхищенные возгласы толпы приветствовали нового покорителя морей, коему суждены сражения со стихиями и недругами России. После торжеств судно направилось в Кронштадт, где его снарядят пушками и боеприпасами.

Площадь в 500 саженей простирается от Адмиралтейства до зимней резиденции царя, так называемого Зимнего дворца, построенного в 1762 году императрицей Елизаветой. Длина его 100 саженей, ширина 80, трехэтажный фасад украшен ионическими колоннами и статуями. Аркады, под которыми протекают невские каналы, соединяют с ним еще три дворца, именуемых Эрмитажами. При входе в Зимний гости поднимаются по величественной мраморной лестнице в огромный Георгиевский зал, отведенный под большие празднества и прием послов, для чего в глубине зала стоит императорский трон. Восточную часть дворца занимают парадные покои, через которые гости переходят в Эрмитаж. Там в 40 залах и галереях Екатерина II собрала бесценные удивительные плоды ума и рук человеческих, приумноженные в последующие царствования. Число картин восходит до 1800, античных произведений и копий с них — до 13 000. Библиотека насчитывает 110 000 томов, включая Вольтеровскую с его еще не изданными рукописями⁸. Кроме того, в коллекции имеется множество эстампов и рисунков, приобретенных в Риме, Париже, Амстердаме, Лондоне и Вене. В длинной, 30 саженей, галерее находятся великолепные копии Рафаэлевых фресок, известных во всем мире непревзойденной красотой. Взор зрителя чаруют картины старых и новых европейских мастеров,

среди которых сияет «Святое семейство» того же Рафаэля, изображающее богородицу, ее божественного сына и св. Иосифа. Говорят, этот холст был куплен за 20 000 червонцев. Мало того что правдивость и красота форм и колорита (красок, игры света и тени) буквально оживляют фигуры,— великий живописец сумел наделить их душой. Божественный младенец с ясным лицом, отражающим нечто высшей природы, обращен к Иосифу, который смотрит на него с глубокой печалью, словно провидя будущие его страдания, тогда как в чертах Марии видны лишь удовлетворение и радость счастливой матери! Три часа кряду бродя по галерее, я едва успел обежать взглядом ее стены; чтобы рассмотреть картины как следует, нужно потратить несколько дней; также и подробное их описание заняло бы целую книгу. В зале, который можно было бы наречь именем Марса, помещены портреты русских генералов, сражавшихся против Наполеона. Среди них представлен очень похоже в натуральную величину император Александр⁹ на коне. Все работы принадлежат кисти англичанина Доу. Здесь же можно видеть портрет Екатерины, выполненный славным Лампи¹⁰, который в эпоху Потемкина¹¹ посетил Яссы и написал много бояр и знатных дам; по беспечности и неразумию современников ни одно из этих ценных полотен до нас, увы, не дошло. У Лампи учился и наш Еустатие Алтини¹², новая манера которого видна в церковных иконах последних десятилетий.

В каждом зале установлено по сосуду или вазе из драгоценных сибирских камней: агата, яшмы, малахита. Одна из них, яшмовая, овальной формы, имеет в высоту четыре с половиной аршина, а в ширину свыше двух. Она весит 128 пудов и стоит 150 тысяч рублей. Выстав-

лены также восточные дары персидского шаха и турецкого султана. Среди прочих Хосров-Мирза преподнес России необработанный алмаз формой и величиной в половину мизинца. Есть здесь и дары Халил-паши, из которых выделяются вкусом отделки сабля и седло, выложенные брильянтами. В той же комнате можно полюбоваться смекалкой русского крестьянина, отлившего в бронзе павлина, петуха и сову. Птицы эти, с помощью музыкального механизма, двигаются каждая на свой лад: павлин распускает хвост и издает надменный крик, петух поет полночную песнь, а мрачная сова только ворочает светящимися глазами.

Среди многочисленных ценностей, собранных здесь как вклад цивилизованной Европы, есть принос и нашей Молдовы. Правда, подарок не является природным ее произведением, но это ее живое достояние, унаследованное от римских предков и заслуживающее, чтобы мы о нем помнили. Я говорю о трех античных серебряных сосудах, которые наша земля хранила в своем лоне 1700 лет, дабы ныне они заняли почетное место в Эрмитаже. Не зря славится имя предков! Но как наследственное благородство следует умножать благородными деяниями, так и память о корне молдовлахов налагает на нас обязанность крепить славу сего имени любовью к родине и общему благу, сиречь добродетелью, коей и римляне прославились в свете. Сосуды эти были найдены в 1812 году на берегах Прута, в могильном кургане римского полководца, павшего в битве с даками. Самый большой из сосудов весит 12 фунтов, а в высоту и ширину насчитывает соответственно 12 и 7 пядей. По его срединной окружности идет барельеф, изображающий сражение амазонок с афинянами, между которыми узнается фигура Тесея¹³. Верхний ре-

льеф представляет сцену охоты, а нижний — нереид, оседлавших морских чудовищ. Ручка сосуда выполнена в виде двух кентавров. Второй сосуд — круглый таз весом в 9 фунтов, диаметром в 6 и высотой в 7 пядей. Опоясывающий его барельеф рисует сцену римской религиозной церемонии. Третий — диск-блюдо диаметром в 4 пяди тоже изображает охоту; фигуры на нем были позолочены, а их одежды покрыты глазурью. На блюде лежат ожерелья, бусы, старинные браслеты с вправленными в них рубинами. Все это, по мнению ученых, красивейшие и наилучшим образом сохранившиеся античные предметы из тех, какие были найдены до сих пор. Мало ли еще подобных кладов таится в земле Молдовы? Как хотелось бы, чтобы те, кому они откроются, хранили их как неоценимое наследие или передавали в дар Ясской академии для размещения в национальном музее.

Величайшую ценность являет собой императорская сокровищница, но все размещенное там собрание диамантов, рубинов, жемчужин и прочего меркнет перед коронами августейшей четы, подобными солнцу среди блистающих звезд. Царская корона усажена бриллиантами, а в центре креста переливается великан-рубин; скипетр венчает знаменитый алмаз в 194 карата. Достойна удивления дворцовая часовня...

Рядом, на высоте шести саженей, находится зимний сад, опирающийся на аркады, как висячие сады Семирамиды. Лавр и апельсин распространяют, словно в своем отечестве, приятное благоухание. На той же высоте расположен и летний сад, усаженный березами и тополями, с цветочными клумбами и бассейнами. Чтобы не углубляться в дальнейшее описание различных красот, достаточно ска-

зять, что вкус, мастерство и роскошь состязаются между собой в украшении этого и впрямь царского обиталища.

Перед дворцом находится величественное здание, в середине которого триумфальные врата выводят на улицу, называемую Мало-миллионной. Венчает их шестиконная упряжка, коей правит богиня Славы. Здесь расположен департамент иностранных дел со всеми службами и резиденцией министра, графа Нессельроде. Часть этого здания освещается газом. На площади между фасадами и собственно дворцом заложен памятник покойному императору Александру. Высота будущего столпа, сходного с Траяновой колонной в Риме, составит 23 сажени. Высокий, в 4 сажени, пьедестал послужит подножием цельной гранитной колонне 12 сажений длиной, которая весит 40 тысяч пудов. Над ней будет вознесен на сфере бронзовый ангел со святым крестом в руке. Известна и надпись на пьедестале: «Александру — благодарная Россия».

Дворовые дорожки выводят отсюда к стоящему на берегу Невы Мраморному дворцу, называемому так потому, что его стены снизу доверху выложены мрамором. Дворец является ныне резиденцией великого князя Константина.

Марсово поле, предназначенное для военных смотров и парадов, представляет собой площадь в 250 сажений, обрамленную Мраморным дворцом, Павловскими казармами и прекрасным Летним садом с позолоченной железной оградой. В глубине поля виден величественный старый Михайловский замок, бывшее жилище Павла I, и красивый новый Михайловский замок, где пребывает Великий князь Михаил. Привлекает внимание стоящая на площади неподалеку от моста исполинская статуя памяти Суворова, обнаженным

своим клинком защищающая три короны¹⁴

Нельзя не рассказать о втором выдающемся храме столицы, называемом Собором Казанской божьей матери. Он был построен русскими без помощи иностранных мастеров. Фундамент заложил император Александр в 1801 году, а спустя 10 лет храм уже освятили. Собор имеет форму креста длиной 34, а шириной 26 сажень, и такова же его высота до купола. Внутри выстроены в два ряда 56 гранитных колонн, по пять сажень каждая. Прекрасен неф с трех алтарями, в главном из которых блистает чудотворная икона Казанской богородицы, перенесенная в столицу еще Петром I. Царские врата, равно как и балюстрада, кованы из массивного серебра, лучи, нисходящие с тверди к смертным,— из серебра позолоченного, а сам лик божий выложен самоцветами. Мраморный императорский трон отделан зеленым бархатом, вышитым золочеными двуглавыми орлами. Дивный иконостас свидетельствует о том, как далеко продвинулись в своем мастерстве русские иконописцы, равно как и ваятели, чему в соборе также немало примеров. Хранятся здесь и бесчисленные трофеи, добытые в сражениях 1812—1813 годов против Наполеона: 107 знамен и штандартов вражеских полков соседствуют с жезлом маршала Даву и ключами от всех городов и крепостей Европы, покоренных в этой кампании русским оружием. В соборе покоится прах князя Кутузова-Смоленского, спасителя России. Русский ваятель г-н Мартос готовит статуи четырех евангелистов в натуральную величину, которые выльет из серебра, пожертвованного донскими казаками, отнявшими его у французов в дни бегства последних из Москвы. Тот, кому доводилось посещать крупнейшие храмы Европы, несомненно оста-

нется удовлетворен богатым убранством Казанского собора и величавой соразмерностью его пропорций. Он ощутит прилив глубокого благоговения в часы божественной литургии, слушая изумительный хор, словно возносящий к небесам на крыльях гармонии молитву благочестивых прихожан! Не менее привлекательны и фасады храма: тот, который обращен к Невскому проспекту, имеет два полукруглых крыла диаметром в 40 сажений. Перистиль насчитывает 132 дорических колонны, сходных по материалу и виду с колоннадой собора св. Петра в Риме. Над капителями возвышаются исполинские бронзовые статуи архангелов Михаила и Гавриила, а в портике представлены изваяния апостола Андрея Первозванного, Иоанна Крестителя, св. Александра Невского и Владимира. Громадные бронзовые двери скопированы с флорентийского образца. Храм увенчан огромным куполом, высота коего вместе с крестом составляет 33 сажени. Общая стоимость строительства выросла до 4 200 000 рублей, но в других странах оно обошлось бы раз в десять дороже.

Интересно заметить, что поблизости имеются еще шесть храмов различных религий, и нередко можно встретить на улице компанию друзей, внезапно расходящихся для молений по разным церквям. В Петербурге насчитывается 12 разных вероисповеданий, и лишь к евреям правительство относится нетерпимо.

Публичное образование молодежи, главное условие реформирования любой нации, еще при Петре I сложилось в систему, которая, непрерывно совершенствуясь при последующих царствованиях, привела к быстрым успехам во всех отраслях российских наук, искусств и ремесел. Ни в древней, ни в новой истории мы не найдем других примеров того, как еще

недавно отсталый народ сумел в течение одного столетия преодолеть пропасть между невежеством и цивилизацией. А ведь Петру пришлось бороться не только с внешними врагами, но и противостоять сплочению внутренних зложелателей, которые происками и заговорами тщились погасить восходящее солнце, нестерпимое для их взоров!

В целях распространения и процветания знаний в Петербурге имеются: Академия наук, Академия художеств (живописи, архитектуры и скульптуры), Медико-хирургическая академия и Российская академия, ведающая изучением русского языка и словесности; десятки институтов, кадетские для дворянских детей корпуса, выпускающие армейских и морских офицеров, Главное инженерное училище, Высшее горное училище, где готовят знатоков рудного дела, Пажеский корпус, Главный педагогический институт для обучения методам преподавания, Воспитательный дом для сирот павших воинов, 3 института благородных девиц (Екатерининский, Смольный и Патриотический), коммерческое и кораблестроительное училища, музыкальная школа певчих, школа глухонемых, слепых, школа при новообразованном университете, одна гимназия, 15 народных училищ, три школы для немцев, составляющих в столице пятую часть населения, 8 духовных семинарий, духовная академия при Александро-Невской лавре, множество частных пансионов, публичная библиотека, 15 типографий, 8 литографий и 30 книжных лавок и магазинов.

Академия наук, основанная Петром Великим, находится на правом берегу Невы, напротив Адмиралтейства. Ее созданию содействовал и высокоученый господарь Молдавии князь Дмитрий Кантемир. Она располагает

астрономической башней, библиотекой в 50 тысяч томов и множеством рукописей, особенно китайских. В кабинете естественной истории хранится скелет животного, называемого мамонтом, вроде огромного слона, исчезнувшего с лица земли во время природного катаклизма, после коего только местами остались в грунте лишь кости. Этот мамонт был открыт в Сибири, на морском берегу, где вечные льды лютого севера сберегли его со всею плотью в течение многих тысяч лет. Голова чудовища покрыта кожей, глаз сохранился только один, косматая шерсть достигает в длину четырех пядей. Здесь имеется также полное собрание анатомических препаратов, хранимых в спирту и отображающих развитие человеческого зародыша со дня зачатия до родов. Среди механических, физических и математических приборов заслуживает внимания так называемая сфера Готорпа, представляющая систему миростроя. Внутри нее могут спокойно расположиться 12 человек для наблюдения точно воспроизведенных путей звезд и планет. В одной из камер можно видеть восковую персону Петра I в его обыденном одеянии, весьма высокого, статного и сильного, совершенно как в жизни. Он изображен не столько монархом, сколько философом наподобие Архимеда, погруженным в научные размышления, среди измерительных инструментов, с которыми мастерски работал сам, будучи, между прочим, искусным механиком и хирургом; говорят, в отсутствие медика он смело производил хирургические операции. Здесь хранится немало вещей и орудий, собственноручно изготовленных этим трудолюбивым монархом на токарном станке.

Академия художеств, размещенная в одном из самых величественных столичных зданий,

украшает собой невольский берег напротив Английской набережной. 300 юношей, избранных среди сыновей нуждающихся обывателей, живут и обучаются здесь на казенный кошт одному из изящных искусств. В круглом дворе академии стоит колоссальный памятник гражданину Минину и князю Пожарскому, спасшим в XVII веке Москву от польского ига. В зале и верхних галереях собраны оригинальные картины и копии великих мастеров, а также античные статуи, вылитые в гипсе. Среди новых картин выделяется конный портрет Екатерины II в фельдмаршальском мундире, когда, взойдя на трон вслед за своим супругом, она, воистину как Семирамида, предстает строю присягающих гвардейцев. Учащиеся академии раз в три года устраивают выставку новых работ; тогда она открыта для представителей всех сословий, и публика имеет возможность судить о картинах, хваля или браня их в согласии со своими впечатлениями. Самых даровитых учеников академия, не считаясь с расходами, посылает за границу, особенно в Рим, для усовершенствования мастерства. Именно Академии художеств Россия обязана тем чистым стилем, который виден в ее архитектуре и произведениях искусства¹⁵.

В экспозиции нынешнего года выставлено несколько прекрасных вещей. Среди участников выделяется граф Ф. П. Толстой, вице-президент Академии. Этот барин, известный в Европе как талантливый медальер, представил теперь достойные образцы своей живописи. Г-н профессор Ворадиев-Воробасев искусно написал фрегат в объятиях свирепой бури: под сумрачным небом судно с обломившейся мачтой готово, кажется, погрузиться в пучину. Волнение зрителя при виде сего опасного приключения переходит в изумление,

когда он узнает, что именно на этом фрегате Его Императорское Величество Николай возвращался в Одессу после взятия Варны и лишь волею провидения спасся от ужасной гибели. Его превосходительство А. Н. Оленин является президентом Академии и директором императорской публичной библиотеки. На площади перед академией высится обелиск (заостренный кверху четырехгранный столп), посвященный победам графа Румянцева¹⁶.

Также на набережной Невы находится Высшее горное училище, где обучаются 200 молодых дворян, кто на государственный, а кто на собственный кошт. Курс начинается с элементарных дисциплин, а завершается выпуском минералогов, готовых как теоретически, так и практически для изыскания, добычи и обработки металлических руд. Всякий иностранный юноша благородного происхождения принимается в училище с содержанием 900 рублей в год на одежду, питание и обучение. Думаю, нашим соотечественникам стоило бы воспользоваться этой льготой, дабы приобщить своих сыновей к науке, что принесло бы немалый барыш владельцам шахт и рудников. Как и в других подобных заведениях, здесь царит военный порядок с целью укоренить в молодых умах систему послушания и субординации. Нынешним летом на публичном экзамене в присутствии сиятельных особ, в том числе министра народного просвещения графа Ливена и его товарища графа Блудова, студенты блестяще отвечали на вопросы из естественной истории, физики, химии и пр., а также проводили любопытные химические опыты, особенно с горючими газами. Затем под гром оркестра перед присутствовавшими продефилировал маршем весь корпус воспитанников, из коих младшим было лет по восемь; достойнейшие

получили золотые медали; вручать их в знак уважения предложили молдавско-румынским гостям¹⁷.

В кабинете минералогии собрана богатая коллекция образцов пород, металлов, руд и редких сибирских камней-самоцветов; есть там и необыкновенный гибкий камень из Бразилии. Директор училища — его превосходительство г-н Карниев, ученый муж и рачительный пестун своих питомцев.

Забота правительства о народном образовании простирается и на тот разряд людей, которые, казалось бы, самой природой осуждены на вечное прозябание, т. е. на глухих, немых и слепорожденных. Попечением императрицы Марии Федоровны в одном из флигелей учрежденного ею дома призрения была основана школа глухонемых. В 1809 году она привезла из Парижа ученика аббата Сикара г-на Жоффруа, который устроил и организовал все необходимое для воспитания и обучения этих несчастных. Когда он умер, дело принял его помощник г-н Жорж Гурзов, который несколько лет провел в Яссах в должности учителя, а ныне с дозволения правительства руководит этой благотворительной школой. Здесь воспитываются 40 юношей и 30 девушек, большая часть которых содержится за счет школы, а другая — на пожертвования Его Императорского Величества или семей учащихся, что обходится по 650 рублей в год на каждого. Детей принимают не младше 8 и не старше 12 лет. Курс обучения длится десять лет, после чего те, которые не располагают достаточными средствами, поступают в типографии или канцелярии, где считаются самыми усердными работниками. Состоятельные обычно женятся, но никогда на глухонемых. Известно, что врожденная немота является след-

ствием не органического поражения языка, а исключительно отсутствия слуха, вследствие чего, не имея представления о звуках, дети не могут отвечать на задаваемые вопросы. Поскольку человек овладевает знаниями только при посредстве слов, не может не изумлять метод, с помощью которого глухонемые дети их постигают. Можно сказать, что они слышат глазами и говорят руками. Заслуга создания этого метода принадлежит французскому аббату Делепе, имя которого боготворят все благодетельствованные. Через жестикуляцию, т. е. мимические знаки, дети узнают сначала названия вещей, затем следует пальцевое чтение и приобщение к обычному письму. Далее приступают к изучению российской и французской грамматики, религии и морали, истории, поэзии, математики, географии, логики, философии, основ российского законодательства и политической экономии, рисунка и живописи. Те, кто лишен выдающихся талантов, приучаются к ремеслу в соседнем Воспитательном доме. Для проверки знаний учащихся я показал преподавателю отрывок из русской книги и попросил продиктовать его одному из учеников, чтобы тот записал его на доске. Наставник начал диктовать знаками, а ученик, если можно так выразиться, без запинки все это воспроизвел в записи, а вдобавок еще и перевел на французский. Затем один из гостей написал на доске: «Кто был самой добродетельной женщиной Рима?» Глухонемой тем же способом ответил: «Лукреция. Потеряв честь, она рассталась и с жизнью». Другой гость спросил через аудитора (также глухонемого помощника учителя): «В чем различие между человеком и животным?» Ученик написал: «Разум, речь и бессмертие души суть свойства человека, недоступные бессловесным тварям»

Далее глухонемые удовлетворили гостей и в отношении многих других вопросов из географии, математики и морали (так что иные красноречивые говоруны не могли бы сделать это лучше), изумляя вопрошающих своим здравомыслием и полнотой знаний, очевидными из ответов. Эмблемой этой школы, как и других благотворительных заведений, является аллегорическая птица пеликан, которая, по преданию, самоотверженно раздирает себе клювом грудь, чтобы напоить птенцов своей кровью. Какая глубокая мораль открывается в этой аллегории для нежных родителей и их любознательных отпрысков!

Не менее интересно посещение школы слепорожденных, основанной императором Александром. Эти люди, которые без подобной помощи только обременяли бы общество и были бы в тягость самим себе, становятся не только его полезными членами, но и, при должном старании, сами зарабатывают на жизнь. 40 учащихся живут здесь за счет государства или своих родственников, изучая на русском языке обширный курс наук. Чувствительность пальцев и тонкий слух отчасти заменяют им отсутствующее зрение. Поэтому книги для слепых печатаются рельефными буквами, и они читают их на ощупь с той же быстротой, что и зрячие. Такой же выступающий над бумагой шрифт помогает им усвоить арифметические действия, географию и нотную грамоту. Для испытания я указал прутиком точку на рельефной карте Европы и спросил: «Как называется это место?» Слепой, пробежав по карте кончиками пальцев, ответил: «Яссы, столица Молдовы». — «А где Петербург?» — Палец слепого тут же перенесся на север. — «А можно ли отсюда доплыть до Молдовы на судне?» — «Следуйте за мной», — отвечал слепец и повел пальцем

по Неве, через Балтийское море между Швецией и Данией тесным Зундским проливом, миновал Германию, вошел в канал Ла-Манш, отделяющий Англию от континента, а затем, обогнув Францию, Испанию и Португалию, с осторожностью проник через Гибралтар в Средиземное море. Здесь он заметил: «Не будем опасаться алжирских корсаров, французы их уничтожили»¹⁸. Пройдя Сицилию и Морею, он принес поздравления новой Греции и со вздохом добавил: «Гомер, князь поэтов, тоже был слеп, но ему пришлось хуже, чем мне, ибо, вкусив от земной красоты, он тем горше ощущал ее потерю». Затем он осмотрительно проследовал между островами Эгейского архипелага, вступил в Дарданеллы и перед Константинополем сказал: «Здесь начинают смотреть на вещи по-европейски!» Скользя через Босфор, палец слепого стрелой полетел к устью Дуная и поднялся к Галацу: «Вот ваша родина, сударь». Поблагодарив его за столь удачное и приятное путешествие, я мысленно пожелал, чтобы наша торговля, освободившаяся от оков, сумела, подобно этому слепцу, найти верные пути к процветанию, которые теперь открываются перед ней.

Слепые пишут обычные письма с помощью очень простого устройства, а получают другие, с выпуклыми буквами, написанными специальным составом, который, мгновенно застывая, позволяет читать их ощупью. У них есть своя типография, и они сами печатают для себя книги и музыкальные сочинения. В моем присутствии ученик 10 лет, слепой типограф, набрал следующую фразу: «Сегодня, 7 сентября 1830 года, нас посетили молдавско-румынские бояре». А его наставник, тоже незрячий, выправив несколько грамматических ошибок, уложил гранку под пресс и оттиснул

эти слова в память о мастерстве своих подопечных. Они также производят различные изделия: шьют туалеты, ткут ковры, вяжут кошельки, пояса и пр. В своей часовне они сами поют и читают псалмы. Директором школы слепорожденных служит г-н Кошанский. Любящий отец не изъявляет к сыновьям столько искренней нежности, сколько выказывает ее этот достойный муж к несчастным детям, вверенным его великодушию. Музыка — один из предметов, которые он с успехом культивирует. Ученики сами сочиняют сонаты, а после исполнения прекрасной симфонии они спели следующий сладкозвучный гимн:

Х О Р

Говорят, на этом свете
око радуется свету,
И что солнце равно светит
и цветку, и человеку.
Но увы! незрячих очи
зрят лишь тьму бескрайней ночи.

О Д И Н

Сколь безжалостна судьбина,
что гнетет нас с колыбели!
Оделила, ослепила,
путь лишила ясной цели.
Тяжела юдоль земная,
перед нами - мгла ночная.

Х О Р

Говорят, на этом свете...

и т. д.

О Д И Н

Но небесной славе вящей
всяк из нас служить обязан.
Царь-отец душой скорбящей

пробудил наш темный разум,
И, судьбу благословляя,
все мы славим Николая!

Святого Александра, князя Новгородского, прозвали Невским после победы, одержанной им в 1240 году на невском берегу над шведами. В этом месте, на краю города, Петр I построил прекрасную лавру (иначе — монастырь), где находится и резиденция митрополита. Кафедральный Троицкий собор поражает величественной архитектурой и чудесными образами кисти Рубенса, Ван Дика и Менгса¹⁹. Глубоким благочестием дышит памятник Невскому, пламенному защитнику веры и отечества. На закате дней, а именно в 1264 году, он надел монашескую рясу, а к лику святых был причислен во Владимире, откуда Петр с подобающей пышностью перенес его мощи в столицу. Среди драгоценных военных трофеев можно видеть серебряную раку весом в 3600 фунтов, покрытую парчою, на коей изображен лик святого, и обвитую лентой ордена, учрежденного Петром в 1725 году. Барабан соборного купола украшен 20 мраморными статуями, а пилястры — портретами Петра I и Екатерины II. Среди церковных сокровищ хранится корона св. Александра, жезл Петра и другие замечательные реликвии. По обе стороны собора возвышаются две звонницы, причем колокол на одной из них весит 3600 фунтов. Поблизости расположены Благовещенская церковь и церковь св. Лазаря, где погребены знатнейшие люди империи; здесь я видел могилу доблестного Суворова. Рядом находится Некрополь, усаженный могилами так густо, что, кажется, для новых места не найти. Выделяется меж другими захоронение Ломоносова, одопевца России. Над одной из могил

представлены в мраморе семь еще не оперившихся птенцов, тянущихся из гнезда с раскрытыми клювами к склонившейся над ними печальной птице. Эта меткая аллегория олицетворяет семерых осиротелых малюток, которые вместе с родителем оплакивают свою нежную мать. На другой могиле переломленный бурей дуб символизирует могучего воина, во цвете лет павшего на поле брани. Взирая на эти анналы Смерти, нельзя о многом не задуматься. Более других смущает душу решительный контраст между противоположными концами Невского проспекта, который, как уже сказано, начинается в центре города, у Адмиралтейства, а заканчивается здесь, при стенах монастыря. Там все кипит, там изобретают многочисленные орудия для борьбы со стихиями и людьми, там стремятся покорять земли и копить сокровища, там земное величие занимает место бессмертия, там желание выгоды покрывает будущее непроницаемой завесой! А здесь туман тщеславных мечтаний, ослепляющих человека при жизни, рассеивается на краю могилы, и луч истины блещет в тот миг, когда смертный смежает глаза в преддверии вечного покоя.

В монастыре обитают 100 монахов, а настоятельством сам митрополит, ныне его преосвященство о. Серафим. Для надобностей православия здесь, говорят, есть духовная академия, семинария и начальное училище, в которых 300 юношей изучают курс богословских наук и выходят священниками или преподавателями других семинарий. Курс включает теологию, философию, литературу, математику, арамейский и древнегреческий языки, немецкий, французский и русский. Академическая библиотека насчитывает 7000 томов; при ней оборудован и физический кабинет. Не мешает заметить,

что первая в этой стране духовная семинария была основана в 1671 году²⁰ ученым молдаванином Петром Мовилэ, братом молдавского господаря, бежавшим в Россию вследствие политических неурядиц. Здесь, благодаря своим редкостным дарованиям, беглец возвысился до сана митрополита Киевского. Духовные академии в Москве, Новгороде и Чернигове также обязаны своим основанием сему благочестивому мужу.

Напротив одного из царских дворцов, так называемого Аничкова, находится императорская публичная библиотека. Ее фасад ограничивает площадь перед новым театром, который, вкуче с другими прекрасными зданиями, напоминающими ансамбль Пале-Рояля в Париже, станет превосходным украшением Невского проспекта. Польский епископ граф Залуцкий, ревностный поклонник образования, в течение 43 лет собрал отборную библиотеку в 200 000 томов и, с условием ежегодно пополнять это сокровище, подарил ее варшавянам для общего пользования. После того как Суворов взял Варшаву штурмом, библиотека была перевезена в Петербург, и за минувшие годы к ней прибавилось еще 100 000 томов, особенно в царствование Александра, покровителя народного просвещения. Среди многих бесценных изданий и рукописей нельзя не выделить старинного Плутарха, послания апостола Павла, сочинения Августина Блаженного и подлинник договора, заключенного в Луцке ~~Петром~~ Петром Великим и господарем Молдавии Дмитрием Кантемиром. Договор был скреплен в Яссах 11 июня 1711 года. Разбором гуннских, арабских и санскритских манускриптов занимаются здесь ученые востоковеды. Каждый, кто жаждет знаний, может получить в читальном зале любую из дозво-

ленных книг. Свои библиотеки есть во всех императорских высших школах, а из частных наиболее известны принадлежавшие канцлеру Румянцеву и графу Разумовскому.

Также на Невском проспекте находится просторное здание, называемое Гостиным, т. е. торговым, двором. Оно построено в форме квадрата с двухэтажными галереями и насчитывает свыше 340 лавок, в которых торгуют исключительно местным товаром.

Для попечения о здравии населения в Петербурге есть три военных и три партикулярных госпиталя, родильный приют, дом прививок для младенцев и несколько ведомственных лазаретов. В этих богоугодных заведениях немощный бедняк любого вероисповедания может найти помощь и исцеление. Мужчин обихаживают сидельцы-инвалиды, обученные этой работе, а женщин — монахини, называемые сестрами милосердия. Императрица Мария Федоровна основала в свое время богадельню для этих монахинь, выбирая их среди вдов хорошего поведения. Их обучают уходу за больными в госпиталях или частных домах, взяв клятву исполнять свои обязанности неуклонно и честно. В знак призванности они носят у сердца на зеленой ленточке образок богоматери с надписью «Утешение страждущих»; с обратной его стороны читается слово «Милосердие». На содержание этой богадельни Воспитательный дом, приносящий доход в несколько миллионов, отчисляет ежегодно 230 000 рублей.

Уйдя из мира, сестры милосердия отказываются лишь от радостей света, но не от долга помогать ближним всей своей жизнью, что они и делают, с лихвой возмещая страждущему человечеству получаемое ими вспомоществование.

Рядом с обителью исцеления находится уч-

реждение противного свойства, ужасное, но необходимое, а именно то, где создаются орудия убийства, проще — оружейня, или новый арсенал, изготавливающий пушки. Это очень большое двухэтажное здание, фасад которого украшен знаками воинской доблести. В 12 помещениях нижнего этажа производятся отдельные части пушек, и машины, движимые паром, обтачивают орудийные стволы. В одном из величественных залов хранятся на верхнем этаже доспехи тевтонских рыцарей, выстроенных как ряд человеческих фигур. Пылают одновременно 60 печей, и 1000 мастеров неустанно проливают пот за своей смертоносной работой. В старом арсенале можно видеть среди любопытных вещей знамя стрельцов, уничтоженных Петром Великим. Эти янычары старой России изобразили на одной стороне своего знамени преисподнюю, наполненную бесчисленными их врагами, а на другой — рай, где блаженствуют они сами. Есть там необыкновенные 20-ти и даже 100-ствольные приспособления для стрельбы, вылитые с целью уничтожать как можно быстрее наибольшее число людей; ныне, однако, этими орудиями уже не пользуются. Среди плененных чуждых стягов обращает на себя внимание штандарт конфедерации Костюшки времен войны 1795 года, положившей конец существованию Польши; лишь в 1815 году великодушный Александр снова вернул ее к жизни²¹.

Биржа, где ежедневно собираются банкиры, негоцианты и капитаны торгового флота для совершения контрактов и сделок, расположена на стрелке Васильевского острова и выделяется своей величественной архитектурой. Окруженная перистилем в 44 дорических колонны, формой она напоминает храм Тесея в Афинах, насчитывая 55 саженей в длину, 41 в ширину

и 14 в высоту. Гигантский внутренний зал освещается через застекленный купол; он украшен колоссальным бюстом императора Александра и портретом Его Императорского Величества Николая, покровителя торговли. Зал окружен восемью большими помещениями, где трудятся чиновники, записывающие сделки, и приказчики, показывающие предлагаемый к продаже товар. Перед Биржей имеется полукруглая площадь с причалами, гранитной балюстрадой и двумя ступенчатыми спусками к Неве. Для облегчения разгрузки прибывающих кораблей по обе стороны площади установлены высокие ростральные колонны со скульптурными изваяниями Невы и Нептуна. Наверху колонн горят по ночам путеводные огни для моряков. Позади Биржи устроена другая площадь, окруженная деревьями и литыми чугунными фонарями, где складываются продукты, доставляемые сюда из всех пяти частей света. Порой, в дни прибытия иностранных судов, можно видеть выходящих на эту площадь, как из Ноева ковчега, азиатских слонов, английских лошадей, австралийских охотничьих собак с широкими, как бы утиными лапами, африканских обезьян, бразильских попугаев и стайку англичанок, которых русские дамы начинают в должности бонн и гувернанток. Встречаются также редкостные фрукты, привезенные для удовлетворения местных гурманов с другого края земли. Все это свидетельствует о том, что непрерывные усилия торговли сближают разные климаты и страны и со временем сольют всех людей, населяющих Землю, в единый народ.

Тут же рядом через Неву переброшен на 33 понтонах большой, так называемый Троицкий мост длиной в 300 сажень, украшенный позолоченными фонарями, а посередине -

двумя павильонами, над которыми развевается флаг столицы. Он, как, впрочем, и остальные **Мосты**, построен так, что после полуночи разводится для прохода мачтовых судов, поднимающихся или сходящих по Неве. С середины моста открывается величественная и прекрасная перспектива: в ее глубине царит многоколонная Биржа, к которой летят по блестящей водной глади могучие корабли и быстрые челноки.

На правом берегу словно встает из полноводной реки крепость, называемая Санкт-Петербургской²² и окруженная речными рукавами. Петр Великий возвел ее прежде, чем принялся строить город, а для ускорения работ сам, со своими придворными приложил руку к топору и долоту. Стена крепости, обращенная к Неве, выстроена из гранита, а на ее красивых воротах отмечаются **уровни**, которых достигает река в дни наводнений, становящихся раз от разу все опаснее. Внутри крепости находится Петропавловский собор, над коим возвышается на 385 пядей позолоченный, в голландской манере, шпиль. Замечательны здесь 3-алтарная базилика и древний деревянный иконостас. Среди ценностей имеются канделябры, собственноручно вылитые Петром. В соборе покоятся бранные останки российских императоров. Их простые гранитные саркофаги покрыты лишь позолоченной парчой, на которой вышито имя почившего в бозе властелина. Справа — усыпальницы Петра Великого, его царственной супруги и его дочери Елизаветы. Рака Петра выделяется золотой медалью, на одной стороне коей вычеканен его портрет, а на другой — изображение Геракла, отдыхающего после тяжких трудов, каковая аллегория передает самую суть жизни сего необыкновенного мужа. Слева находятся

саркофаги императора Павла с супругой и императора Александра... Стены собора увешаны 500 трофейными знаменами, отобранными на полях сражений у бесчисленных неприятелей. Среди стягов, доставленных из Варшавы, есть и молдавские, утраченные нашими соотечественниками в битвах с поляками.

В небольшом строении, так называемом Ботном домике, хранится знаменитый ботик «Le grand sir» («Великий государь»), заронивший в сердце Петра мечту о строительстве флота. В 1691 году Петр, случайно обнаружив этот бот, построенный еще его дедом для плаваний по Волге, принялся со своим наставником Тиммерманом обучаться парусному хождению на Измайловском (в Москве) пруду: у России еще не было выхода к морю. 20 годами спустя ботик доставили в Кронштадт для празднования дня рождения российского флота, которому это уютное суденышко приходилось как бы дедом. Эскадра в 22 линейных корабля, 60 фрегатов и 30 галер, выстроенных в боевом порядке, стала перед ботиком, где под императорским штандартом сидел на корме сам Петр; четыре адмирала трудились на веслах, а должность пушкаря исполнял фельдмаршал. Таким-то образом «Великий государь» принял парад, причем каждый корабль поочередно приспускал перед ним флаг и салютовал артиллерийским залпом.

В крепости имеется монетный двор, где чеканят золотые, серебряные и медные монеты с помощью паровых машин. Производительность последних достойна удивления. Каждую минуту здесь выпускается 60 монет, и за день можно получить до 300 000 рублей. После того как машина приходит в движение, мастера лишь присматривают за ней. В нее, как в мельницу, запускают кусочки металла, и они сразу пре-

вращаются в блестящие монеты, которые тут же собираются в мешки. Такие монетные дворы существуют лишь в Петербурге и Тифлисе. В крепости же находится государственное казначохранилище, а также казематы для особо важных преступников. На одном из бастионов постоянно развевается военное знамя. Весной, когда празднуется освобождение Невы ото льда и начало новой навигации, крепость приветствует ее пушечными залпами, а губернатор пускается на шлюпке через Неву для личного доклада государю императору, и река снова покрывается сотнями судов.

Неподалеку от крепости виднеется на берегу деревянный домик, где жил Петр I в годы строительства столицы. Для пущей сохранности вокруг домика надстроили каменный дом, и всякий путешественник с благоговением вступает под его кровлю. Хранится здесь образок, который был при Петре в день Полтавской баталии, и собственноручно сработанная царем лодка.

Часть острова, называемого Аптекарьским, занимает ботанический сад, в котором собраны редкостные деревья и растения со всей земли. Плоды тропических стран растут в теплицах, обогреваемых даже летом. Я видел там дерево кофе, который сначала использовался в медицине, потом стал достоянием роскоши, а ныне распространился так же широко, как хлеб насущный; видел камфарное, с пахучими листьями, дерево, из коего получают целебную камедь; хлебное дерево, дающее сытную и вкусную муку; коровье дерево кокос, плоды которого содержат прохладительный молочный сок; видел финиковую пальму, чьи гигантские листья даруют спасительную тень обитателям знойных пустынь, и многие иные растения, сотворенные господом для пропитания

живых созданий а десь приносящие пользу науке.

Не думаю, что практическое садоводство могло бы применяться где-либо с бóльшим успехом, нежели в этом краю, который сам по себе способен произращать лишь дикую чахлую растительность. Разум человеческий восполняет, однако, сию немощь природы и торжествует даже над естественной сменой сезонов. Весной в Петербурге торгуют осенними плодами, а летние фрукты созревают зимой. В любое время года тут можно купить всякий, по прихоти аппетита, плод: арбузы, дыни, ананасы, персики, сливы, виноград, землянику, артишоки и прочие изысканные овощи. Выглядят они не хуже, чем у себя на родине, но на вкус кажутся более пресными. Летом, когда все дешевет, один персик продается за полтину, фунт винограду стоит два рубля, ананас шесть и т. д. В изобилии предлагается крупная красивая малина по 30 коп. фунт. Попав на фруктовый рынок и любясь разнообразием выставленных там плодов, путник может вообразить себя во Франции или Италии, но, справясь о ценах, он очень скоро поймет что находится все же в Петербурге. Простой народ употребляет из фруктов только яблоки, ягоду клюкву и голубику.

В хорошую погоду любимейшими местами прогулок здешней публики являются Летний сад, Таврический сад при одноименном дворце, выстроенном для кн Потемкина, и Екатерингоф. Самую же большую радость гуляющим доставляют острова на Неве — Каменный, Елагин и Крестовский. Роскошные дворцы, дома и павильоны, украшенные с особым вкусом и окруженные пышными цветниками, услаждают взоры прохожих и приносят отраду хозяевам, которые, покинув душные городские

дома, спешат вкусить недолгие наслаждения летних дней. На Каменном острове находится императорский дворец с английским парком и театром, где летом представляют французские комедии. В праздники эти места оживляются множеством изящных экипажей, всадников и разноплеменных пешеходов собирающихся со всех концов столицы. На Крестовском острове развлекаются больше средние сословия, для которых устроены так называемые «летние горки». Дамы и кавалеры, усевшись на колеснички, скатываются по наклонному дощатому настилу высотой в три-четыре сажени с такой скоростью, что без всякой тяги едут еще несколько минут по ровному месту. Сходная забава весьма популярна зимой, когда катаются на салазках с ледяных горок, под которыми в награду за смелость можно купить приятные согревательные средства.

С этих Елисейских полей развлечения путник видит на другом берегу Невы сельцо Охту, представляющую в столице труд и промышленность. Там на мануфактурах ткуются сукно и ситец, шелка и бархат, приближающиеся по качеству к подобным же продуктам Запада.

В Петербурге четыре театра, дающих представления на русском, французском, итальянском и немецком языках. Национальный театр стремится выполнять свое высокое назначение быть общественно полезной школой нравственности, осмеивать пороки и пробуждать похвальные чувства. Новейшая российская муза уже дала немало образцов своего искусства, удостоенных рукоплесканий публики. Многие благотворительные общества, устроенные знатными вельможами и дамами, проливают на соотечественников свет знаний и добродетели, находя себе в этом удовлетворение и награду.

Среди городских мостов особо выделяются два чугунных: один готической формы, другой - египетской, через Фонтанку. Эти мосты, не имеющие на всем своем протяжении ни одной опоры, подвешены на высоте 20 саженей на стальных нитях такой прочности, что кареты и экипажи безбоязненно мчатся по ним с берега на берег. Мосты с большим вкусом украшены позолоченными статуями и барельефами. Как по Неве, так и по каналам ходят баржи, груженные провизией, лесом, другим товаром; тем же способом вывозят нечистоты. Для убережения домов от огня принимаются полицией нарочитые меры, и так успешно, что эти бедствия случаются крайне редко. В каждом из двенадцати кварталов города поставлена деревянная каланча, при коей числятся 48 пожарных с одним офицером, три летних насоса и пять зимних, с подогревом. На каланче во всякое время суток стоят сторожа и в случае нужды днем поднимают вымпелы, а ночью зажигают фонари, число и форма которых указывают место пожара, куда и отправляется помощь, причем из одного конца города в другой она прибывает не дольше, чем за 39 минут. Все каменные и деревянные строения в городе крыты жестью. Покой, царящий среди горожан всех сословий, свидетельствует, что каждый из них не только сознает свой долг, но и неукоснительно его исполняет, так что на улицах не бывает ссор даже в простонародье. Улицы весьма чисты, каждый домовладелец следит за сохранностью мостовой и тротуара во весь фасад своего дома. По утрам и в течение дня дворники не раз метут, собирают и вывозят грязь или пыль, а летом еще и поливают. Градоначальство постоянно изыскивает наилучшие способы мощения улиц. Метод Мак

Адама, использованный при строительстве Невского проспекта, не считается удачным. Мало-миллионная улица была недавно вымощена заново еловыми плитками. Если время подтвердит их прочность, подобная мостовая украсит и другие проспекты, что избавит горожан от невыносимого грохота колес, который не только терзает их слух, но и заставляет стены домов содрогаться, как от землетрясения; последние, к счастью, здесь не случаются, иначе вряд ли устояли бы дома, коих неглубокие фундаменты покоятся на сваях.

Среди дворцов, расположенных в непосредственной близости от столицы, выделяются Стрельна, Павловск и Ораниенбаум, но более других достоин посещения Петергоф, до которого 25 верст. Эта императорская резиденция находится в самом устье Невы, у берега моря. Место для нее выбирал еще Петр I, поручивший архитектору Леблону строительство дворца, к которому позднее волей императрицы Елизаветы и Екатерины были сделаны многие пристройки. Само положение Петергофа, изобилие вод, позволившее создать в английском парке высокие фонтаны, каскады и питаемые морем пруды,— все придает этому ансамблю неповторимость в ряду императорских парадных усадеб. Чтобы оценить Петергоф во всей красе, сюда следует приехать 1 июля, когда празднуется тезоименитство Ее Императорского Величества. Уже накануне в столице стихает шум экипажей, ибо все они устремляются к Петергофу. Главный тракт, Нева и море покрываются на рассвете конными и пешими, паровыми и парусными судами, наперебой спешащими к средоточию торжества. Этим летом в Петергофе побывало около 300 000 гостей, которые, не уместясь на

квартирах, разбили в чистом поле шатры и палатки.

Двухэтажный дворец, возведенный на береговом склоне, снабжен полукруглой террасой с балюстрадой, статуями и широкими лестницами, нисходящими к парку; отсюда открывается взору бесчисленная толпа в пышных нарядах и военных мундирах, среди коих выделяется своей красотой новая ослепительная форма гвардейцев, охраняющих внутренние покои. Самый замечательный из фонтанов — «Самсон». Колоссальная позолоченная бронзовая статуя древнего героя изображает его в борьбе со львом, из зева которого бьет настоящая водяная колонна толщиной в две и высотой в 36 пядей. Красота этой скульптурной группы еще усугубляется, когда солнце светит из-за спины смотрящих и его лучи, разбиваясь о летящую воду, образуют в воздухе изумительную цветную дугу. Ярко играет позолота на других статуях, представляющих волшебниц и зверей, да и сам дворец выглядит по-другому, когда смотришь на него из-за переливающейся стены струй, которые обрушиваются на мраморные ступени, устеленные плюшевым золотом. Пещеры и гроты, выложенные морскими раковинами, 30 других крупных фонтанов, 10 каскадов и многие иные исхищрения зодчих и планировщиков на каждом шагу словно меняют облик сада. Любимым павильоном Петра был так называемый Монплеzir («Отрада»), в котором сохранились в прежнем порядке покои, мебель и одежда великого императора. Прекрасна и картинная галерея, где часто проводила время Екатерина II. В другой стороне парка находится дворец Марли, строенный по парижскому образцу. Перед ним растут два старинных дуба, посаженных Петром. И все эти великолепные

постройки приобретают нечто магическое в тот миг, когда по невидимому знаку разом освещаются Большой дворец, парк, фонтаны и суда на глади залива, когда вода и огонь, две противоборствующие стихии, сливаются в единую силу и превращают праздничную ночь в светлый день. Августейшая семья проводит этот вечер среди знати и депутатов купеческих гильдий, которые, как и сам император, носят на бале-маскараде домино. Затем Его Императорское Величество с семьей, придворными и знатью совершает прогулку по парку, где в разных местах играют военные оркестры.

В Петергофе имеется бумажная фабрика и мастерские для огранки драгоценных камней, работающие на паровых машинах.

Замышляя Петербург в интересах торговли, Петр позаботился о надежной гавани и строительстве крепости, защищающей устье Невы, откуда в противном случае враги могли бы грозить новой столице, находившейся тогда на рубеже империи. Итак, среди островов Финского залива он выбрал Котлин, в 40 верстах от Петербурга, и построил на нем крепость Кронштадт. Между обоими портами ежедневно курсирует несколько пироскафов. Садятся в них на пристани англичанина Берта, где находится также завод паровых машин с литейным цехом. Обращает на себя внимание паровая пила для резки досок, которая под присмотром лишь нескольких работников разделяет за день тысячу бревен. Судите же о пользе, какую могла бы принести в малонаселенной стране такая машина, не зависящая ни от замерзания воды, ни от нерадивости или нехватки рабочих, а выполняющая свое дело круглосуточно и неустанно, где бы она ни была установлена, на вершине горы или в долине. Пироскаф, т. е. огненный корабль, это судно,

движимое вместо весел двумя железными колесами, похожими на мельничные. Внутри него находится непрерывно подогреваемый котел с кипящей водой, пары которой, не имея иного выхода, устремляются по трубе прямо к машине. Их сила приводит в движение особые зубчатые передачи, кои в свою очередь вращают большие колеса, установленные по бортам судна. Таким образом пироскаф может двигаться против течения и ветра, а если ветер попутный, то немедленно устанавливаются паруса и судно рассекает волны с удвоенной быстротой. Внутри корабля устроены также чистые удобные каюты для путешественников и судовой трактир. Прекрасное зрелище открывается взору, когда пироскаф выходит в просторы Финского залива, на южных берегах которого находятся императорские дворцы Стрельна, Ораниенбаум и Петергоф. После двухчасового путешествия, когда, в силу округлости земли, Петербург словно погружается в море и только подзорная труба позволяет разглядеть шпиль Адмиралтейства, с другой стороны из вод встают бастионы Кронштадта, окруженные тысячами судов, мачты которых напоминают облетевший лес. Приблизившись, понимаешь, как невысоко над морем поднят этот клочок суши и сколько было вложено сил для возведения этих мощных стен.

В эпоху Петра, когда пироскафов еще не было, сие короткое путешествие было куда более долгим и опасным. Рассказывают, что однажды Петр, отплыв в Кронштадт с несколькими европейскими послами, был застигнут жестокой бурей. Черное небо озаряли беспрерывные молнии, а море отзывалось громам сшибкой пенных валов, и казалось, несчастное суденышко с минуты на минуту будет

поглощено зияющей бездной. На лицах послов, непривычных к подобным переделкам, отражался ужас, и один из них, подползши к Петру, именем господа заклинал его повернуть к близкому берегу, говоря: «Благоволите иметь в виду, Ваше Величество, что вы ответственны за мою жизнь, и что скажет мой государь, если я погибну?» Неустрашимый Петр ответил усмешкой: «Об этом не заботься господин посол, ибо господь не попустит тебя утонуть без меня, а стало быть, и хозяину твоему не с кого будет спрашивать». Опыт и искусство Петра в морском деле привели оное плавание к доброму исходу.

Постоянно наращиваемые твердыни Кронштадта образуют ныне мощную крепость, защищаемую 1040 пушечными стволами и многочисленным флотом. Маневрируя между этими плавучими бастионами, пироскаф наконец подходит к причалу, где толкуются, как в муравейнике, иноземные матросы, торговцы и солдаты, число которых летом восходит до 30 000 тысяч. Гарнизон насчитывает 17 000 штыков. В городе свыше 1000 домов, пять православных и лютеранских церквей. Среди достопримечательностей Кронштадта стоит упомянуть шлюзовый док, построенный еще Петром I. Если какой-нибудь корабль нуждается в ремонте, он входит в шлюз, из которого затем выкачивается вода, и корабль оказывается на суше. Длина входного канала составляет 740 саженей, ширина 15 и глубина 7, а сам шлюз имеет 125 саженей в длину и 75 в ширину. Хотя дно канала ниже уровня моря, его гранитное ложе препятствует просачиванию воды из-под земли. Я видел приведенный в док линейный корабль, который надлежало обшить медными листами. Когда он прибыл на место, ворота шлюза закрылись и заработала паровая ма-

шина мощностью в 183 лошадиные силы. Сошедшая вода оставила корабль на дне, и за дело взялись мастера, после чего вода, вливаясь в док устрашающими потоками, снова подняла корабль и позволила ему выйти обратно в бухту. Таким образом здесь могут ремонтировать одновременно 18 судов. Мол длиной в 400 сажений тянется от города к военному порту, вмещающему 30 линейных кораблей и еще немало мелких. Комендант порта — ныне контр-адмирал Михаил Николаевич Васильев, кавалер множества орденов; это достойный моряк, молдаванин из Ботошан, который в течение 30 лет отвагой и упорным учением достиг своего поста. Вот лишнее свидетельство того, что наши соотечественники способны к любой службе. Кронштадтский арсенал окружен каналом, по которому транспортируют в порт материалы, потребные для экипировки судов. Во дворе арсенала выставлены ужасающие орудия морских сражений, колоссальные якоря и другие железные изделия, хранимые со времен Петра, который был великим мастером и кузнечных дел, что доказал на фабрике Миллера, где своими руками обработал 18 пудов железа, заставляя при этом свитских подбрасывать в горн уголь, раздувать мехи и т. п. Воротясь в Москву, Петр навестил г-на Миллера и, поблагодарив за отменный порядок на фабрике, спросил, сколько он платит работникам за пуд железа. Миллер ответил: «По 3 копейки». — «Тогда изволь расплатиться со мной за 18 пудов», — сказал император. Миллер тут же отсчитал 18 червонцев, заметив: «Такому умельцу, как Ваше Величество, неместно платить менее, чем по червонцу за пуд». Император, однако, уверил его, что работал не лучше других, а потому и получить должен равномерно. «На эти ко-

пейки, — сказал он, — я куплю себе новые башмаки: те, что на мне, совсем сносились». Взяв деньги, он и впрямь купил пару башмаков, о коих потом любил говаривать: «Я заработал их собственным потом, поступив как разумный хозяин, не гнушающийся приложить руку к любому домашнему делу». Действительно, Петр Великий с равной заботой относился ко всем потребностям государства, которое он пробудил от сна своим примером и энергией. Счастлива нация, которая в эпоху преобразований управляется государем, воодушевленным такими чувствами, посвящающим каждый миг своей жизни ее благу, делающим для нее все, а для себя ничего!

Рядом с арсеналом сохранилась деревянная хижина, в которой жили Петр с Меншиковым, когда строили Кронштадт, и несколько старых дубов, посаженных императором. Есть здесь и маленький памятник морскому офицеру Доманенко, который в 1829 году, неподалеку от Сицилии, бросился в море ради спасения матроса, но сам нашел там свою гибель. Подлинный героизм проявляется в мужестве любого рода — идет ли речь о побивании врагов или о спасении слабых.

В храме св. Андрея, покровителя флота, хранится лента ордена этого святого, которым был награжден Петр, когда, будучи капитаном фрегата, в одном из сражений взял на abordаж неприятельское судно и первым ворвался на его палубу с саблей в руке.

Кронштадтский лазарет может принять 2500 больных моряков. В школе рулевых преподается теоретический и практический курс управления кораблем. На ее крыше установлен гелиограф, позволяющий сноситься с капитанами стоящих на рейде судов, а во дворе покоится двухмачтовый бриг для обучения начинающих

матросов лазанию по шканцам. На канатной фабрике вьют 60 тысяч пудов троса в год, а местная пекарня поставляет для нужд флота 700 пудов сухарей или галет ежедневно. Торговая гавань вмещает до 1000 судов, выстроенных правильными улицами. За годы правления императора Николая здесь возведено еще несколько значительных крепостей. Самая красивая из них — западная, вся из гранита, нарезанного правильными многогранниками вроде тех, какие встречаются в стенах старинной итальянской кладки. Под ней размещены вместительные казармы. Если бы неприятель вздумал силой пробиться к Кронштадту, ему пришлось бы сначала встретиться с крепостями Кроншлот и Котлин, а также с несколькими плавучими батареями немалой огневой мощи. Зимой сообщение с Петербургом поддерживается по льду, на котором устанавливаются вехи, почтовые станции и даже трактиры, так что заблудиться путешественнику невозможно.

В навигацию нынешнего года Кронштадт посетили почти 1500 иностранных торговых судов и 1360 покинули его, груженные товарами российского вывоза. Если прибывающие корабли из-за глубокой осадки не могут сами дойти до столицы, товар с них перегружают на плоскодонные баржи, буксируемые пироскафом по 5—6 разом до столичной таможни. Между тем со стороны Ладожского озера по Неве непрерывно поступает провизия, так что и река и каналы основательно загружены. Хлеб здесь очень вкусен и не более дорог, чем у нас: даже работники-простолюдины едят белые булки. Вино продается французское, самое дешевое по девять лей за кварту. Думаю, что молдавское, умело обработанное вино, которое тоже могло бы выдер-

жать морское путешествие, стало бы здесь многообещающей отраслью торговли. Собственно русскими напитками, кроме водки, можно считать квас и медовую брагу; последняя превосходит по вкусу любой прохладительный напиток из колониальных товаров. Для обыденного питья пригодна только нечистая вода; после соответствующей очистки она и вкусна и полезна. Чужеземца поражает множество голубей, которыми буквально усыпаны карнизы, балконы и кровли домов. Дело в том, что каждый частный, да и общественный дом, как, например, Гостиный двор, содержит на свой счет некоторое количество голубей в знак религиозного чувства, которое русские испытывают к этой кроткой птице как символу святого духа. Есть у русских еще несколько своеобразных обычаев: так, иные горожане, подавая нищим милостыню, отводят глаза в сторону, следуя поучениям святого писания, где сказано: пусть правая рука не ведает, что делает левая. Совершенно беспримерно состояние рабов (крепостных людей) из коих, случается, выходят и миллионеры²³. Великое множество крепостных принадлежит графу Шереметьеву. Богатейшим из предпринимателей является заводчик Демидов, чьи золотые прииски приносят ему ежегодно 5 миллионов рублей дохода. Среди местных фабрик выделяется стеклянная огромностью изготовляемых ею зеркал и оконных стекол, благодаря чему во многих домах можно видеть окна только в одно или два стекла.

Подробное описание всего, что привлекает здесь любознательный взгляд, величия, гостеприимства и роскоши здешних бояр составило бы целый том Занятных повествований, но целью путешественника было лишь стремление дать своим соотечественникам некое по-

нятие обо всем этом и побудить тех, кто может позволить себе дальние поездки, к тщательному изучению быта соседних народов на пользу своей родине, к заимствованию их достойных обычаев и достижений в общественной жизни, дабы впредь образованные европейцы не могли считать нас, молдо-румын, косными азиатами.

НАПУТНОЕ СЛОВО К «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

На благотворном древе наук история есть одна из важнейших ветвей, ибо наряду с доставляемым ею удовольствием узнавать о достославных подвигах великих мужей, вершивших в свое время судьбами народов, она являет собою собрание разнообразных происшествий, содержащих немало поучительного как для общественных деятелей, так и для частных лиц.

Новая история России более других привлекает наше внимание. Нация, которая по географическому и политическому состоянию еще недавно казалась обреченной на вечное прозябание в бескрайних степях и дебрях, внезапно пробужденная мощным гением¹, отряхнула вретнице варварства и лелеет ныне на своем лоне ремесла и науки, благодаря чему стремительно движется по пути цивилизации и, заняв среди европейских сил одно из первых мест, укротив даже суровый свой климат, становится хранилищем культуры и храмом муз. Если героические деяния Тезея и Ромула, основателей славнейших городов древности — Афин и Рима, даже приукрашенные мифологической мишурой, пробуждают в нас удивление, сколько же чудесными должны казаться подлинные свершения великого Петра, очевидцами коих были наши близкие предки и коих следы так прочно впечатались в политическом ландшафте Европы.

Помимо этого, история России представляет

для молдовлахов особый интерес. После распада Римской империи жители ее колоний, оставшихся в Дакии или Мидии, часто размышлялись волнами славянских племен, находясь с ними в отношениях подчинения или управляясь общими царями, как это было, например, в эпоху Асенов². А в новое время, когда соседство Российской и Турецкой империй породило ожесточенную борьбу между ними, земли молдовлахов стали ареной великих битв, так что, желая проследить за событиями нашей истории, мы зачастую должны говорить и о деяниях россиян, совершивших радикальную реформу в нашем политическом бытии и национальных обычаях.

Тесные взаимосвязи между нашей историей и историей русского народа обуславливают настоятельную необходимость изучения той и другой. Вознамерившись написать историю Молдавии и встретясь с затруднениями, вызванными нехваткой нужных материалов, я почел за благо заняться сперва переводом истории России; для этой цели избрал я компендиум³ г. К а й д а н о в а, который, будучи основан на блистательном труде Карамзина, отличается великолепной ясностью и стройностью

Задача писать на языке, еще не обработанном в литературном отношении и не привыкшем трактовать предметы, стоящие выше обыденных нужд, более трудна чем кажется; поэтому некоторые читатели встретят здесь неизвестные им понятия, но это происходит не от желания ввести в наш язык чужие слова, без которых он мог бы обойтись, а из стремления как можно точнее передать идеи и бытовые реалии, находящиеся в подлиннике. С целью пояснения таких слов я приложил ко второй части книги сжатый глоссарий, где,

следуя алфавитному порядку, можно быстро найти трудные для понимания вокабулы и их толкования.

История России в двух частях готова появиться на свет, и мне остается только просить у читателя снисхождения к недостаткам, могущим обнаружиться в этой книге, благожелательный прием которой вдохнет в меня новые силы для написания истории нашей родины.

ЖЕЛАНИЕ ОБЩЕГО БЛАГА

С достойным радушием принимаем мы у себя иноземных гостей и, показывая им величественные здания, монастыри, храмы, больницы и школы, говорим: «Все это построено благоучреждением наших предков».

Сынов наших мы ставим перед портретами или статуями великих мужей, и сердце наше переполняется гордостью, когда мы рассказываем им о жизни и подвигах тех, кто были до нас: «Такой-то,— говорим,— пал за Родину смертью храбрых; другой принял мученический венец во славу истины и веры; третий, занимавший самые высокие посты, завершил путь свой в бедности, ибо всем жертвовал для блага сограждан; а вот и еще один, презревший роскошь и удовольствия ради неустанной научной работы и открытий, осенивших Отечество новым блеском».

Прислушайтесь к голосам народов: все они возносят хвалы прошлому, горделиво перечисляя героические деяния минувших дней, все воспевают величие и силу пращуров, и ни одна нация не хочет оставаться позади других, когда заходит речь о блеске старинной славы. Что же это были за люди, которых мы восхваляем с таким одушевлением? Какими сред-

ствами обладали они для свершения своих незапамятных дел? Или эти достопримечательные мужи превосходили нас благородством и знатностью? Или были облечены иной плотью, и другая кровь текла в их жилах? Нет, они были так же бrenны и смертны, как мы с вами, и однако же люди сегодня не перестают дивиться их подвигам и добродетелям.

Может, они были богаче нас, если с такой щедростью угождали богу: посмотрите на эти бесчисленные монастыри, приюты, жертвоваия на сирот, на бедных и скорбных. Отнюдь; и в наши дни есть множество состоятельных особ, и все же мы не часто удастанваемся лицезреть с их стороны сколько-нибудь значительные вклады в благосостояние общины, города или даже страны. Может, предки были мудрее, проникательнее и образованнее, нежели мы сегодня? Отнюдь; наука нашей эпохи легко затмевает знания древних.

Не допустить ли, что наши предшественники более нашего склонялись к религии и добродетели? От начала мира, а особливо от основания истинной веры, люди были равно одушевлены ревностным богочестием и жаждой добра, хотя известно, что не все находились на одинаковых ступенях культуры; бесспорно, однако, что предки превосходили нас в той единственной добродетели, которая потребна для поддержания и расцвета общественной пользы, религии, гражданственности, самой Отчизны,— в той, повторяю, добродетели, которая побуждает человека печься более о семье, чем о собственной персоне, радеть более за общину, нежели за семью, наконец, ставить счастье Отечества превыше благоденствия общины.

В чем коренится низость нашего времени? Откуда пронстекает река мерзостей, сотрясаю

щих державу? Какова причина бессилия религии? Не от неприязни ли нашей друг к другу? Увы, источник подлости, затопляющей мир, обретается в человеческом сердце. Имя ему — корысть и эгоизм.

Эгоизм — яд, разрушающий священные узы дружбы и родства, когда каждый живет лишь для себя и никто для всех. Он разделяет члены общества и государства, обособляет нервы, которые должны быть сплетены воедино. Эгоизм побуждает нас стремиться к превознесению себя, а не Родины, льстецов возвышает, а честных и благородных низвергает в прах. Эгоизм обесценивает самые мудрые меры, имеющие целью спасти Отчизну от гибели, вернуть ей прежнюю мощь и славу. Он отталкивает людей друг от друга, разъединяет народы, углубляет пропасть между различными классами общества, разжигая пламя взаимной ненависти. Эгоизм делает нас равнодушными к чести и достоинству Отечества, и ни один не живет для всех, ни все для одного, а только каждый для себя; мы становимся безучастны к любым общественным невзгодам, если они не задевают нашей личной корысти.

Удивляться ли вырождению народов, когда частный интерес подрывает основания государства? Удивляться ли запустению некогда блестящих городов, когда обитатели их живут не единой семьей, а скопищем эгоистичных замкнутых лиц, когда рвутся семейные связи знатнейших родов, когда алчность ссорит кровных родственников, заставляя их стыдиться бедных и завидовать имущим? Только суровые бедствия превращают нас в братьев, только несчастья учат нас заботиться друг о друге и думать о спасении всех вместе, а не каждого в отдельности; злейшие враги, видя

свой корабль несущимся по волнам навстречу крушению, протягивают друг другу руки и, сплотившись, трудятся все для всех.

Пусть же возродится в нашей груди желание общего блага, отброшенное в сумятице политических превратностей за пределы нашего кругозора; пусть вернется к нам благородство, восхищающее нас в деяниях предков, преодолевших роковые испытания; только оно способно укрепить величавое политическое и общественное здание, воздвигнутое ими по воле провидения. Желание общего блага есть непрерывная воля содействовать, сколько позволяют силы и обстоятельства, пользе, благосостоянию и достоинству своей Родины, города, семьи.

Очевидно, что там, где все граждане воодушевлены идеей общего блага, ни один человек не может быть несчастен, ибо добро, которое он творит для остальных, проливается на него в тысячекратном размере; как он работает для всех, так все трудятся для него. Тот, кто хочет быть полезным обществу, должен, однако, располагать средствами для помощи другим и умением ее оказывать. Его труд, с одной стороны, заключается в накоплении теоретических и практических знаний, а с другой — в приумножении своего добра без ущерба для общей нравственности. Чем больше знаний и добра накапливает человек, тем более он может быть полезным. Когда мы говорим: будь полезен обществу, это не означает: забудь себя вовсе, оставь свои интересы, заботься только о других; нет, в этом призыве содержится следующее поучение: стремись приобрести материальные и моральные средства для служения ближнему и Отечеству, поскольку, не обладая ими, ты лишь обременяешь общество; не надейся приносить

пользу, оставаясь невеждой и тунеядцем. Горе бескорыстию, которое покоится на лени и болтовне!

Бескорыстным достоин называться не тот, кто, приложив руки к общему делу, рассчитывает на личную пользу или вознаграждение, а тот, кто, руководясь высоким религиозным принципом — «пусть левая рука не ведает, что творит правая», — не ждет ни возмещения, ни благодарности за свои усилия, направленные на умножение общего блага.

Ремесленник, торговец, управитель, астроном работают не только для себя, но и для других, однако их не венчают за это славой; таким образом, их умения и деятельность полезны, хоть и не бескорыстны: «Добродетель купить нельзя!» Бескорыстие непременно включает в себя жертвенность, ибо не бывает добрых дел без побед над страстями, без того, чтобы человек не поступался своим достоинством и покоем: истинная добродетель — это самоотверженная борьба со всеми препятствиями на пути укрепления общего блага.

Будьте же бессмертны, блистательные мужи древности, принесшие себя в жертву благоденствию Отчизны и просвещению человечества! **Имена** ваши вечно будут сиять пред богом и памятью людской! Так же и это учреждение¹, которого основание мы ныне празднуем, запечатлел в веках имя своего блестящего **устроителя**, и благодарные потомки будут гордиться принесенной им пользой.

Все не могут быть великими, и деяния каждого не могут стать примером для подражания, ибо не у всех есть средства и благоприятствующие поводы для свершения незабываемых подвигов. Тем не менее каждый человек в своей **сфере** волен трудиться по законам **разума** и **совести**, а в общественных отноше-

ниях творить чистое добро без малейшей корысти и тем заслужить у сограждан если не великое, то по крайней мере доброе имя; случаи, предоставляемые жизнью для таких поступков, неисчислимы! Если, допустим, усиливаясь получить назначение на общественную должность, ты видишь, что один из кандидатов превосходит тебя во многих отношениях, будь скромн и уступи ему дорогу, дабы мог он еще самоотверженнее служить Отечеству и стать тебе же примером в исполнении патриотического долга. Или, представь, начинается некое предприятие для вящего утверждения общего блага и чести Родины. Содействуй радостно и не жалея сил. Не спрашивай: кто начнет? кто возьмет на себя ответственность? Спроси только: что нужно делать?

Если Родине трудно, если ей угрожает беда, это ли не повод выказать достоинства твоего сердца? Эгоист ищет убежища, а патриот стремится разделить с Отчизной опасность и спасти ее единством и стойкостью.

Великодушие — не случайный прохожий, которого ты мог бы и не встретить; оно — добродетель, всегда доступная каждой душе. Надо только захотеть: великодушию учит и святое писание. Итак, трудись в меру сил и способностей; если у тебя нет имущества², не горюй: здесь обогатят тебя знанием и науками; не жди, пока тебя позовут, а сам ищи возможности работать вместе с людьми на благо Родины и во славу ее.

Никогда не станет настоящим патриотом и гражданином тот, кто при всей своей образованности не научится быть полезным обществу, уважать законы и почитать власть; плохо будет исполнять божьи заповеди тот, кто в тесном круге трудов и тягот своих за

будет о благе других людей, напротив, небесное блаженство познает тот, кто станет благодетелем человек, жертвуя личным счастьем.

Пусть же стремление приносить согражданам пользу путеводной звездой правит нами во тьме земного пути; прилежное исполнение этого долга, завещанного нам религией, истинными философами и великими мужами прошлого, да укрепит благосостояние государства и наших семей; и в минуты расставания с земной юдолюю да утешит нас сознание того, что здесь, на земле, мы жили не напрасно.

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ

Чувства, объединяющие людей и подвигающие их к добродетели, дарованы, без сомнения, благородным сердцам. Циник, орудующий ловкими софизмами в пагубу всякому чистому порыву, привычно бахвалится своей широтой и человеколюбием для умаления любви к отечеству.

«Моя родина,— говорит он,— весь мир. Маленький уголок, где я рожден, не может иметь предпочтения в моем выборе, ибо он не выше множества других стран, где живется не хуже, а может быть, и гораздо лучше. Любовь к отечеству есть не что иное, как коллективный эгоизм некоторого числа людей, населяющих одну страну, который будто бы дает им право ненавидеть остальное человечество».

Не позволяйте соблазнить себя этой постыдной философией. Ее назначение состоит в том, чтобы человека унижить, достоинства его презреть, а суетность, недоумие и распущенность возгласить качествами возвышающими. Нани-

зять множество пышных слов для очернения благороднейших склонностей человека, поступков его, направленных к общей пользе... нет, усвоить сии казуистические уловки — наука невеликая, однако вполне достойная нашего презрения.

Цинизм удерживает человека в грязи, а подлинная философия та, которая стремится его оттуда извлечь; это и есть благоговейная и трепетная любовь к родине.

Конечно, можно сказать, что нам отчизна — весь мир. Все народы суть члены большой семьи, которая ввиду своей многочисленности не может руководиться одним правительством, хотя имеет самого высокого властелина в лице господина бога. Рассматривая себя с такой семейственной точки зрения, мы проникаемся благожелательностью к человечеству в целом. Но этот взгляд отнюдь не отменяет других, также имеющих право на существование.

Человечество делится на народы — это очевидно. Народ есть общность людей, коих единство веры, законов, обычаев, языка, происхождения, всем принадлежащая слава и всеми разделенные несчастья и надежды — словом, все эти элементы или по крайней мере часть из них — сцепляют вместе в едином самочувствовании. Называть коллективным эгоизмом эту взаимную симпатию и общий интерес, которому следуют члены организма, составляющего нацию, все равно что клеветать на отеческую и сыновнюю любовь, представляя ее как злокозненный сговор между родителем и детьми.

Не будем забывать, что истина всегда многолика и что из всех добропорядочных чувств нет ни одного, коим позволительно было бы пренебрегать в воспитании. Если же будем

пристрастно пестовать только одно, разве не обратится оно во вред целому? Поэтому старайтесь не развивать одни качества за счет других, и они не нанесут вам ущерба. Любовь к человечеству благородна, но не должна затенять любви к родине; любовь к родине прекрасна, но пусть она не сдерживает любви к человечеству.

Позор такой низменной душе, которая не благословляет разнообразие человеческих проявлений, порождаемых священным инстинктом жизни в братстве, уважения и взаимопомощи!

Два европейских путешественника встречаются на другом континенте; один рожден в Турине, другой в Лондоне. Они — европейцы, и общее это именование рождает меж ними взаимную приязнь, можно сказать, своего рода патриотизм, из которого вытекает похвальное стремление быть полезными друг другу.

А вот, с другой стороны, несколько человек, которые едва друг друга понимают, поскольку говорят на разных языках, и трудно представить себе, что они также чувствуют себя единоземцами. Это швейцарцы: один из итальянского кантона, другой из французского, третий из немецкого. Политическая связь, благодаря которой они пользуются взаимной поддержкой и защитой, заменяет им общность языка, внушает одинаковую любовь и готовность к самопожертвованию для счастья родины, не тождественной в этом случае одной нации.

Посмотрите на Италию или Германию. Вы увидите там людей, живущих по разным законам и потому едва ли не образующих разные народы¹, так что нередко доходят они даже до братоубийственных войн. Но они говорят или, по крайней мере, пишут на одном языке, почитают одних предков, обладают

общей литературой, которою законно гордятся, имеют сходные вкусы, равно взыскуют дружбы, снисхождения и утешения. Последние качества делают их более благорасположенными друг к другу, более склонными к взаимопомощи.

И у великой нации, и у обитателей крошечного уголка земли любовь к отечеству является страстью благородной. Нет такого маленького народа, коему нечем было бы блеснуть, будь то славные государи, в большей или меньшей степени упрочившие его силы, будь то мудрые или доблестные мужи, обесмертившие себя храбростью, многоумием, достижениями в науках и ремеслах, будь то достопамятные деяния, общепользные учреждения, знаменитые города, то есть нечто отличающее и лестное для характера сего народа. Все это — достаточное основание для избирательной любви к краю, городу или селу, где рожден человек.

Надо только остерегаться, чтобы патриотизм в самом широком значении слова, как, впрочем, и в самом узком, не выродился в тщеславную гордыню по поводу того, что человек явился на свет в том или другом месте. Тем более это не может быть причиной ненависти к иным городам, провинциям или народам. Патриотизм, в коем вместо терпимости торжествуют заносчивость, зависть и злоба, — это уже не добродетель, а порок.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЕЛЕНА ВОЛОШАНКА

Новелла была впервые опубликована в 1851 г. в «Поучительном и развлекательном альманахе» («Алманахул пентру ынвэцэтурэ ши петречерс») — ежегодном приложении к издававшемуся Г. Асаки календарю. Впоследствии она была включена в сборники исторических новелл автора на французском (1859 г.) и молдавском (1867 г.) языках.

Г. Асаки имел обыкновение давать к своим произведениям различного рода пояснения. Значительную их часть мы сочли уместным воспроизвести в настоящем издании, отмечая их авторство в скобках: (Г. А.).

¹ В оригинале новелла носит название «Елена Молдавская» («Елена Молдовой»). Однако переводчик, следуя русской исторической традиции, вполне обоснованно озаглавил ее «Елена Волошанка». Вплоть до XV—XVI вв. русские, по примеру поляков, называли восточно-романские народности волохами, отсюда и прозвание, которое было дано дочери молдавского господаря Стефана III в Москве.

² Речь идет о Молдавском княжестве.

³ Этим именем Г. Асаки обозначает представителей восточно-романских народностей, заселивших впоследствии Молдавию и Валахию. В советской исторической науке их принято называть волохами.

⁴ Современные историки относят основание Молдавского княжества к 1359 г.

⁵ Морея — средневековое название Пелопоннесского полуострова.

⁶ Неточность: Константинополь был взят турками в 1453 г.

⁷ «Виссарион — ученый греческий архиерей из Константинополя. После крушения Византии нашел пристанище в Риме, где совершил много добрых дел в пользу своих лишенных родины соплеменников; после принятия католицизма он стремился сблизить церкви Востока и Запада. Папа возвел его в сан кардинала. После смерти

ему был воздвигнут памятник в Храме святых апостолов» (Г. А.).

⁸ Флорентийский собор — вселенский собор католической церкви, проходивший в 1438—1445 гг. Был созван по инициативе папы Евгения IV, стремившегося укрепить папскую власть. В 1439 г. участники собора заключили так называемую Флорентийскую унию (соединение) на условиях признания верховенства папы и перенятия католицизмом некоторых обрядов православной церкви. Однако уния не вошла в силу ни в Византии, ни в Русском государстве. В соборе участвовала большая делегация православной церкви. По этому поводу Г. Асаки замечает: «На Флорентийском соборе среди архиереев восточного вероисповедания был и митрополит Молдовы».

⁹ Совет кардиналов, собирающийся в основном для избрания папы.

¹⁰ Константин (р. ок. 285—337), основатель Византии, римский император (306—337), прекратил преследование христиан и признал новую религию, за что был причислен церковью к лику святых.

¹¹ Приведенная здесь характеристика Стефана Великого является одним из пассажей, дословно заимствованных Г. Асаки из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.

¹² «Владимир, прозванный Мономахом, сиречь Единоборцем, крещенный под именем Василия, взошел на трон Руси в 1113 г. Константинопольский император Алексей Комнин послал русскому князю Мономаху золотую корону, точно так же, как император Палеолог послал такую же корону молдавскому господарю. Александру Доброму» (Г. А.). Сообщаемые здесь автором сведения носят легендарный характер.

¹³ Господарь Молдовы (1451—1457), главный противник Стефана Великого.

¹⁴ «Примечание. Описанные здесь события частично почерпнуты из летописей Молдовы, России и Польши» (Г. А.).

КНЯЖНА РУКСАНДА

Эта первая из написанных Г. Асаки исторических новелл была опубликована в 1841 г. в издаваемом писателем журнале «Молдо-румынский сборщик» («Спикуиторул молдо-ромын»). Вскоре, в 1842 г., немецкий перевод повествования появился в газете, печатавшейся в Брашове (Трансильвания). Текст воспроизведен в сборнике исторических новелл Г. Асаки (1867 г.).

¹ Имеется в виду «Илиада» Гомера, в которой описывается война между греками и троянцами, возникающая,

согласно преданию, из-за похищения Елены Прекрасной, жены спартанского царя Менелая, Парисом, сыном троянского царя Приама.

² Василе Лупу, господарь Молдовы (1634—1653), за годы своего длительного княжения возвел прекрасные церковные храмы, основал в Яссах Славяно-греко-латинскую академию (1640) и первую молдавскую типографию (1641).

³ Вымышленный персонаж. Некоторые подробности и намеки дают основания предполагать, что прототипом этого образа послужил магнат Иеремия Вишневецкий, непримиримый враг Богдана Хмельницкого.

⁴ Речь идет о чигиринском подстаросте Чаплинском, который засекал до смерти сына Хмельницкого и убил его жену.

⁵ Ян Собеский (1629—1696), будущий король польский, прославившийся как освободитель Вены от турецкой осады (1683). Вел войны с турками и на территории Молдавского княжества.

⁶ «Роланд — самый смелый рыцарь одноименной итальянской поэмы» (Г. А.). Речь идет о герое поэмы Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд», яркого произведения эпохи Возрождения.

⁷ Известные австрийские полководцы XVII столетия.

⁸ «В этом монастыре Руксанда и Тимош провели некоторое время, прежде чем отправиться на Дон» (Г. А.).

МАЗЕПА В МОЛДОВЕ

Новелла появилась впервые в 1859 г. на страницах «Поучительного и развлекательного альманаха», а в 1867 г. была включена в сборник исторических новелл Г. Асаки.

¹ Речь идет о Вильгельме Телле — легендарном герое Швейцарии, который в 1307 г. возглавил народное восстание против австрийских угнетателей.

² Царствовал в Молдове в 1653—1658 гг. Стремился установить политические связи с Россией, за что был низвергнут турками.

³ Георге Дука, верный прислужник турецких поработителей, трижды правил в Молдавском княжестве (1665—1666; 1668—1672; 1678—1683)

⁴ Константин Брынковяну, господарь Валахии (1688—1714), заключил подобно Д. Кантемиру тайное соглашение с Петром I, но в нужный момент побоялся открыто перейти на сторону русских. Турки не простили ему «измены» и через три года обезглавили его и сыновей.

⁵ «Галацкая церковь святой богородицы Марии, в 1647 г., во времена Василе Лупу, митрополита Варлаама,

епископа Романского Афанасия и епископа Радауцкого Иереми была перестроена братьями дьяконами Шербу и Федором и подчинена патриархии святой горы Ватопедии. Могильная плита Мазепы, с гербом и надписью, находилась посредине церкви и в 1821 (во время гетерии) была разбита турками. Говорят, что канцелярия русского консульства составила по этому поводу донесение. Усопший архиерей Григорий Иерианополес заявил, что в 1806 г. видел эту плиту целой, с позолоченной надписью. Сии сведения почерпнуты из донесения г-на Тома Джушкэ, отправленного в 1836 г». (Г. А.).

ДНЕВНИК МОЛДАВСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Под заглавием «Выдержки из дневника молдавского путешественника» путевые заметки Г. Асаки были напечатаны без подписи в №№ 61—94 его газеты «Румынская пчела» за 1830 г. Тогда же эти заметки воспроизводились бухарестской газетой И. Элиаде «Румынский вестник» («Куриерул ромынеск»). Впервые «Дневник молдавского путешественника» был издан отдельной книгой в 1964 г. в Кишиневе.

¹ Стефан Петричейку, господарь Молдавии (1672—1674), взшел на молдавский престол в разгар польско-турецкой войны. Эпизод, изложенный Г. Асаки, действительно имел место.

² Григорий Григорьевич Орлов (1734—1783) — один из фаворитов Екатерины II, активный участник дворцового переворота 1762 г. В первые годы царствования императрицы играл видную роль при ее дворе.

³ Вдова императора Павла I.

⁴ Франческо Бартоломео Растрелли (1700—1771) — известнейший русский архитектор XVIII столетия, итальянец по происхождению.

⁵ «Прекраснейшая твердыня в Сирии, основание которой приписывается Соломону» (Г. А.).

⁶ Этьенн Морис Фальконе (1716—1791) — талантливый французский скульптор, много лет проживший и творивший в России.

⁷ Одержана 25—26 июня 1770 г. в бухте Чесма Эгейского моря.

⁸ После смерти выдающегося французского мыслителя и писателя Мари Франсуа Аруэ Вольтера (1694—1778) его библиотека, включавшая и рукописи, была приобретена Екатериной II. В настоящее время хранится в Публичной государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

⁹ Г. Асаки имел возможность видеть русского импе-

ратора во время путешествия последнего по Бессарабии в 1817 г. Тогда же молдавский писатель посвятил Александру I весьма интересную с литературной точки зрения оду.

¹⁰ Джованни Баттиста Лампи (1751—1830) — итальянский живописец, долгое время работавший в России.

¹¹ Григорий Александрович Потемкин (1739—1791) во время русско-турецкой войны 1788—1791 гг. в качестве главнокомандующего русскими войсками находился со своим генеральным штабом в Бендерах и Яссах.

¹² Еустатие Алтини (1772—1815) — первый молдавский живописец новой формации.

¹³ Легендарный древнегреческий герой, которому приписывается реорганизация Афинского государства.

¹⁴ Они олицетворяют коалицию России, Австрии и Англии, войсками которых руководил Суворов в войне против Франции 1798—1800 гг.

¹⁵ Г. Асаки мог вполне компетентно судить о работах русских художников и зодчих, так как сам был живописцем и архитектором; к тому же он четыре года обучался изящным искусствам в Риме.

¹⁶ Петр Александрович Румянцев (1725—1796), талантливый полководец, одержал ряд блестящих побед в Семилетней войне (1756—1763) против Пруссии и в русско-турецкой войне 1768—1774 гг., проходившей на территории Молдавского княжества.

¹⁷ Речь идет о членах делегации молдавских и валашских бояр, прибывших в Петербург для утверждения Органического Регламента, по которому должны были управляться Дунайские княжества.

¹⁸ Эта реплика выражает официальную точку зрения тогдашних правительственных кругов России на завоевательные кампании французов в Алжире.

¹⁹ Петер Пауэл Рубенс (1577—1640) и Антонис Ван Дейк (1599—1641) — великие фламандские живописцы. Антон Рафаэль Менгс (1728—1779) — немецкий живописец, сторонник и теоретик классицизма.

²⁰ Неточность. Киево-Могилянская академия была основана в 1631 году.

²¹ Речь идет о «конституции», которая предославила Польше более чем иллюзорную автономию.

²² Впоследствии — Петропавловская крепость.

²³ Здесь молдавский писатель явно приукрашивает крепостническую действительность дореформенной России.

НАПУТНОЕ СЛОВО К «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

Статья предпослана первому тому выполненного Г. Асаки перевода на молдавский язык известного в свое время учебника И. Кайданова «История Российской империи». Этот том был выпущен в Яссах в 1832 году.

¹ Намек на Петра I.

² Династия болгарских царей валашского происхождения (1187—1280), основавших Второе Болгарское царство и успешно боровшихся с Византией.

³ Компендиум — сжатое изложение какого-либо трактата, исследования и т. д. Такой характер и имел учебник И. Кайданова, который «суммировал» многолетний труд Н. Карамзина. Как видно из предисловия, Асаки отчетливо это сознавал.

ЖЕЛАНИЕ ОБЩЕГО БЛАГА

Напечатано впервые в «Румынской пчеле» № 17 от 28 февраля 1843 г. с пометой: «Произнесено на публичном собрании в Михайловской академии 8 ноября 1842 г.» Впоследствии речь была воспроизведена в «Поучительном и развлекательном альманахе» за 1867 год. Как было недавно установлено, Г. Асаки вдохновлялся при создании этого произведения медитацией немецкого писателя Генриха Шокке.

¹ Речь идет о Михайловской академии в Яссах, учебном заведении среднего и высшего типа, основанном стараниями Г. Асаки в 1835 г.

² По настоянию Г. Асаки в Михайловскую академию принимались дети всех сословий, включая неимущих.

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ

Статья опубликована в «Поучительном и развлекательном альманахе» за 1885 год. Она не подписана, однако, судя по всему, ее принадлежность Г. Асаки не вызывает никакого сомнения.

¹ В середине XIX столетия, когда была написана статья Г. Асаки, эти страны представляли собой ряд разрозненных самостоятельных государств.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Левит.</i> Писатель-просветитель, друг России . . .	3
От переводчика	13
ЕЛЕНА ВОЛОШАНКА	18
КНЯЖНА РУКСАНДА	46
МАЗЕПА В МОЛДОВЕ	71
ДНЕВНИК МОЛДАВСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА	94
НАПУТНОЕ СЛОВО К «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»	149
ЖЕЛАНИЕ ОБЩЕГО БЛАГА	151
ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ	157
Примечания	161

Асаки Георге

А 90 Исторические новеллы. Дневник молдавского путешественника. Избранные статьи./Вступит. ст., состав и коммент. Е. Левита; Пер. с молд. А. Бродского; Худож. И. Кырму.— Кишинев: Лит. артистикэ, 1988 г.— 167 с.— (Серия «Времен связующая нить»)

ISBN 5—368—00041—3

Разнородные произведения, включенные в сборник, свидетельствуют о глубоком интересе их автора к российской старине, к уходящим в далекие времена связям между Молдовой и Русью, отражают исторические связи молдавского, русского и украинского народов.

А $\frac{4702390100-228}{M756(10)-88}$ 17—6—87 (Издательские новинки)

ББК 84 Мол 1—44

Литературно-художественное произведение

Георге Асаки

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
ДНЕВНИК МОЛДАВСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА
ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ**

Х у д о ж н и к
Исай Григорьевич Кырму

Редакторы *Н. Ветлугина, Е. Левандовская*

Художественный редактор *А. Святченко*

Технический редактор *Е. Розенберг*

Корректор *А. Сосновская*

ИБ № 3719

Сдано в набор 27.05.88. Подписано к печати 10.10.88.

Формат 75×90¹/₃₂. Бумага тип. № 1.

Гарнитура «Литературная». Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 6,56. Уч.-изд. л. 6,93. Усл. кр.-отт. 6,79.

Тираж 20 000. Заказ № 495. Цена 65 коп.

Издательство «Литература артистикэ»

277004, Кишинев, пр. Ленина, 180.

Центральная типография, 277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1.

Государственный комитет Молдавской ССР

по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

65 коп. Удивляться ли вырождению народов, когда частный интерес подрывает основания государства? Удивляться ли запустению некогда блестящих городов, когда обитатели их живут не единой семьей, а скопцем эгоистичных замкнутых лиц, когда рвутся семейные связи знатнейших родов, когда эгоизм сорит кровных родственников, заставляя их стыдиться бедных и завидовать имущим? Только суровые бедствия превращают нас в братьев, только

несчастья учат нас заботиться друг о друге и думать о спасении всех вместе, а не каждого в отдельности...

Пусть же возродится в нашей груди желание общего блага, отброшенное в сумятице политических превратностей за пределы нашего кругозора; пусть вернется к нам благородство, восхищающее нас в деяниях предков, преодолевших роковые испытания; только оно способно укрепить величавое политическое и общественное здание, воздвигнутое ими по воле провидения. Желание общего блага есть непрерывная воля содействовать, сколько позволяют силы и обстоятельства, пользе благосостоянию и достоинству своей Родины, города, семьи.